

83
P 605

Н. Родионов

МОСКВА

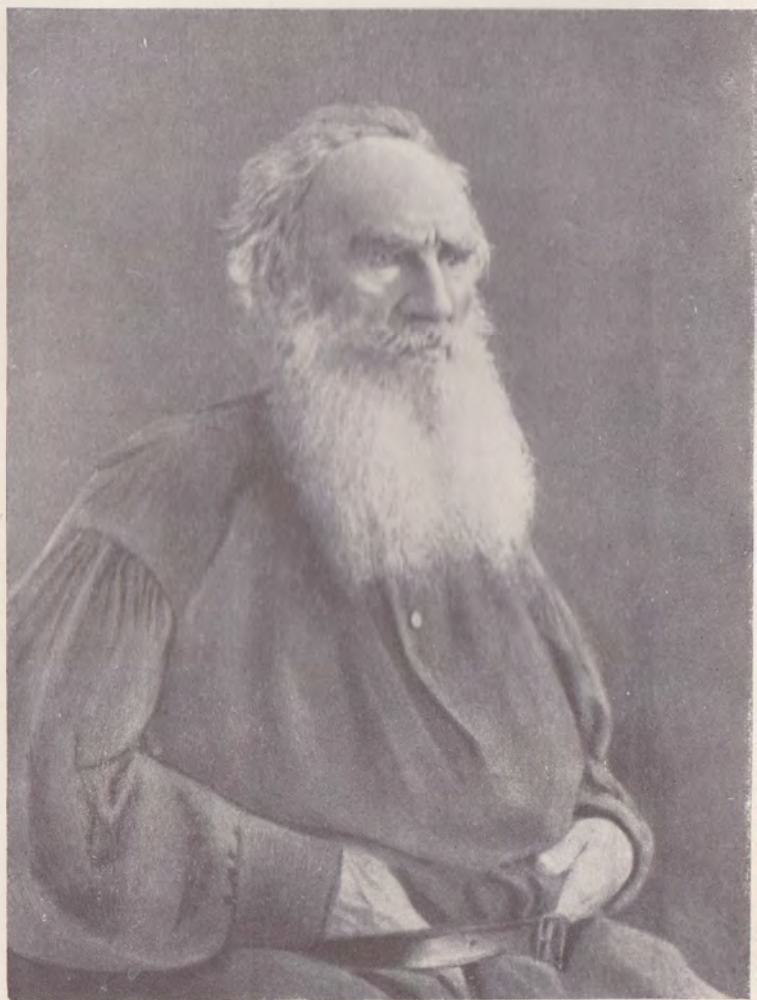
в жизни
и
творчестве

Л. Н.

ТОЛСТОГО

московский рабочий

Л. Н. Толстой (1900-е годы).

Н. Родионов

83
P 605

ПРОВЕРЕНО
1954 г.

ПРОВЕРЕНО
1959 г.

МОСКВА

в жизни
и

творчестве

Л.Н.

Толстого

36093

ИЗДАНИЕ
1957 г.
М. В. И.

S

МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ
КНИЖНИК

московский рабочий

1948

И. Ф.

Жизнь и творчество Льва Николаевича Толстого неразрывно связаны с Москвой.

В Москве он начал свою литературную деятельность. Москва изображена во всех его крупнейших художественных произведениях.

В «Детстве», «Отрочестве» и «Юности», в «Казаках», «Войне и мире», «Анне Карениной», «Так что же нам делать?», «Воскресении» и во многих других произведениях мы найдем яркие художественные описания как самой Москвы, так и ее жизни на протяжении целого столетия.

Живя в Москве в разные годы своей жизни, Толстой вел напряженную творческую работу. Список тех произведений, над которыми он работал в Москве, насчитывает более ста заглавий.

Толстой получал в Москве бесконечное количество впечатлений, буквально переполнялся ими и всегда спешил уехать в тишину, на природу, по большей части в

свою родную Ясную Поляну, чтобы разобраться в них и отобразить в художественных произведениях.

На протяжении своей жизни Толстой сто пятьдесят три раза приезжал в Москву и в некоторые периоды по долгу жила в ней.

I. ДЕТСКИЕ ГОДЫ Л. Н. ТОЛСТОГО В МОСКВЕ

В первый раз Л. Н. Толстой приехал в Москву из Ясной Поляны, где он родился и прожил безвыездно все свое раннее детство, 10 января 1837 года, когда ему шел девятый год.

Он приехал с отцом, тремя старшими братьями — Николаем, Сергеем и Дмитрием, с младшей сестрой Марией Николаевной и учителем Ф. И. Реселем, изображенным им впоследствии в «Детстве» и «Отрочестве» в лице Карла Ивановича. Вся семья поселилась в особняке на Плющихе, в доме Щербачева. Дом этот сохранился до наших дней; числится он под номером одиннадцатым и стоит наискось по Плющихе, во дворе.

«Смутно помню эту первую зиму в Москве, — рассказывает Л. Н. Толстой своему биографу П. И. Бирюкову. — Ходили гулять с Федором Ивановичем, отца мало видели»¹.

В июне того же 1837 года в Туле скоропостижно умер отец Льва Николаевича — гр. Николай Ильич Толстой, и маленький Толстой с братьями, сестрой, тетками и Федором Ивановичем остался жить в Москве до следующего лета. Это единственный случай во всей жизни Л. Н. Толстого, когда он прожил в Москве безвыездно почти полтора года и провел в городе целое лето.

Об отдельных эпизодах этой ранней поры жизни Толстого в Москве известно по архивным материалам, по отрывочным рассказам его сестры, немногим рассказам и

¹ Н. Н. Гусев. Жизнь Льва Николаевича Толстого. Молодой Толстой 1828—1862. М., 1927, стр. 77.

воспоминаниям его самого и, отчасти, по отдельным местам автобиографической повести-трилогии «Детство», «Отрочество» и «Юность», где даются яркие картины московской жизни семейства Иртeneвых (Толстых), а также и самой Москвы конца 30-х — начала 40-х годов прошлого столетия.

Сестра Толстого, М. Н. Толстая, рассказывала его биографу П. И. Бирюкову о случае, происшедшем с маленьким Толстым. Однажды Лев Николаевич, «как он сам теперь говорит, только для того, чтобы сделать что-нибудь необыкновенное и удивить других», оставшись один в комнате в их квартире на Плющихе, «влез на отворенное окно мезонина и выпрыгнул во двор из второго этажа с высоты нескольких сажен». Его нашли «лежащим на дворе и потерявшим сознание. К счастью, он ничего не сломал и всё ограничилось только легким сотрясением мозга, бессознательное состояние перешло в сон, он проспал подряд 18 часов и проснулся совсем здоровым»¹.

Сам Толстой рассказывал своему шурину С. А. Берсу и П. И. Бирюкову, что в детстве «он имел страшное желание полетать в воздухе. Он вообразил, что это вполне возможно, если сесть на корточки и обнять руками свои колени, при этом чем сильнее сжимать колени, тем выше можно полететь»².

Интересно сопоставить этот эпизод из детства Толстого с эпизодом из третьей части «Войны и мира», где рассказывается, как кн. Андрей, ночевавший у Ростовых в Отрадном, в летнюю лунную ночь невольно подслушал восторженные слова Наташи, сидящей на подоконнике второго этажа и стремящейся полететь: «Так бы вот села на корточки, вот так, подхватила бы себя под колени, — ту же, как можно ту же, — натужиться надо и полетела бы. Вот так!»³

Сопоставление это является примером характерного творческого приема Толстого — брать факты из действительной жизни, в том числе и своей собственной, и превращать их потом в художественные образы и картины.

¹ П. И. Бирюков. Лев Николаевич Толстой. Биография. изд. 2. М., 1911, стр. 120.

² Там же, стр. 122.

³ Юбилейное издание, 1938, т. 10, стр. 157.

В одном из вариантов к повести «Детство» есть глава под названием «Прогулка», не включенная в основной текст повести, где автор описывает свои прогулки по Москве, по бульварам: Пречистенскому, Никитскому и Тверскому. Только что приехавший в Москву из деревни мальчик был поражен еще никогда не виданным им зрелищем прогуливающейся по бульварам разодетой публики, роскошной обстановки кондитерской на Тверской улице, куда он зашел с отцом. В удивлении и восторге от всех полученных впечатлений он восклицает: «Вот что значит Москва!»¹

Вспоминая свои детские годы, проведенные в Москве, Толстой рассказывал, как он однажды, гуляя с братьями по городу, забрел в большой сад Асташовского (потом — домовладение Полякова, между Большой Бронной улицей и Тверским бульваром, теперь дом № 13 по Тверскому бульвару). «Сад показался им необыкновенной красоты. Там был пруд с лодками, флагами, цветы, мостики, дорожки, беседки и т. д.; они шли, как очарованные, по этому саду». Хозяин сада Асташов их любезно принял, катал на лодке, но когда они через несколько дней второй раз пришли в этот сад уже без миловидной девочки Юзеньки, то хозяин их не принял и через сторожа запретил им входить в сад. «Они удалились с грустью и зародившимся в их душах недоумением, почему хорошенькое личико их подруги может иметь такое сильное влияние на отношения к ним посторонних людей»². Этот эпизод из детства произвел на Толстого настолько сильное впечатление, что он не раз вспоминал его в разное время своей жизни.

В дневнике 19 апреля 1852 года по этому поводу он записал: «Я вспомнил эпизоды Эсташевского³ сада и жалею, что не поместил их в повести»⁴. А составляя конспект своих «Воспоминаний» уже в 1905 году, он отметил, что «Асташовский сад» был его «второй опыт жизни».

Тем же летом 1837 года в московской детской жизни Толстого произошло событие, врезавшееся в его память и

¹ Юбил. изд., т. I, стр. 192—197.

² П. И. Бирюков. Лев Николаевич Толстой. Биография, I, М., 1911, стр. 118—119.

³ Так в подлиннике.

⁴ Юбил. изд., т. 46, стр. 112. Имеется в виду повесть «Отрочество».

оставившее глубокий след. Вместо любимого им Федора Ивановича к мальчикам Толстым поступил гувернером ненавистный им француз Сен-Тома, изображенный в «Отрочестве» под фамилией Сен-Жерома. И в повести «Отрочество», и в позднейших дневниковых записях¹, и в Воспоминаниях Толстой с возмущением упоминает о педагогических приемах своего нового гувернера. «Не помню уже за что, — рассказывает Лев Николаевич в своих Воспоминаниях, — но за что-то самое незаслуживающее наказания St. Thomas, во-первых, запер меня в комнате, а потом угрожал розгой. И я испытал ужасное чувство негодования, и возмущения, и отвращения не только к Tho нас но и к тому насилию, которое он хотел употребить надо мной»².

В черновой редакции повести «Отрочество» Толстой рассказывает о другом возмущившем его поступке этого гувернера. Француз, поссорившись с камердинером Василием, ударил его, а Василий согласился за деньги замять это дело. Толстой пишет: «Это происшествие долго мучило меня. Я не мог простить Василию, что он помирился с ним и взял деньги. Как он, француз, смел ударить нашего русского человека!»³

Рассказывая в повести «Отрочество» о своей первой поездке в Москву, Толстой пишет, что она оказала на него сильное влияние. Он считает, что с нею связан конец детства и начало отрочества, с этого времени произошла в нем «моральная перемена», «как будто все предметы, которые вы видели до тех пор, вдруг повернулись к вам другой, неизвестной еще стороной». В Москве он понял в первый раз, «что не все интересы вертятся около нас, а что существует другая жизнь людей, ничего не имеющих общего с нами, не заботящихся о нас и даже не имеющих понятия о нашем существовании»⁴.

Летом 1838 года семейство Толстых для сокращения

¹ Запись Толстого в дневнике под 31 июля 1896 года — см. «Дневник Льва Николаевича Толстого», I, изд. Сытина, М., 1916, стр. 44.

² П. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого, I изд. «Посредник», М., 1911, стр. 99—100. Случай этот Толстой подробно описал в главах 14, 15 и 16 повести «Отрочество».

³ Юбил. изд., т. 2, стр. 280.

⁴ Там же, стр. 15.

расходов перебралось из большого дома на Плющихе в маленькую квартиру в Большом Каковинском переулке на Арбате, которую, как рассказывал Лев Николаевич, он разыскал сам. Дом этот сохранился до сих пор (Большой Каковинский переулок, дом № 4).

Через год, в конце лета 1839 года, Толстой с сестрой и теткой Т. А. Ергольской приехал в Москву, где учились его старшие братья Николай и Сергей.

В повести «Юность» он так описывал Арбат того времени:

«...В шестом часу уж был на ногах. В окнах едва брезжилось. Я надел свое платье и сапоги... И, не молясь богу и не умываясь, вышел в первый раз в жизни один на улицу.

На противоположной стороне, из-за зеленой крыши большого дома, краснелась туманная студеная заря. Довольно сильный утренний весенний мороз сковал грязь и ручьи, колот под ногами и щипал мне лицо и руки. В нашем переулке не было еще ни одного извозчика... Только тянулись какие-то возы по Арбату, и два рабочие каменщика, разговаривая, прошли по тротуару. Пройдя шагов тысячу, стали попадаться люди и женщины, шедшие с корзинками на рынок; бочки, едущие за водой; на перекресток вышел пирожник; открылась одна калашная, и у Арбатских ворот попался извозчик, старичок, спавший покачиваясь на своих калиберных, облезлых голубоватеньких и заплатанных дрожках... Я влез верхом на волнообразное голубенькое колыхающееся сиденье, и мы затряслись вниз по Воздвиженке...»¹

На восприимчивого мальчика Москва с ее достопримечательностями произвела сильнейшее впечатление, и он в ученической тетради в 1839 году выражает свое восхищение в небольшом очерке, озаглавленном «Кремль».

Вот эта первая проба пера Толстого, написанная им в десятилетнем возрасте:

«К р е м л ь»

«Какое великое зрелище представляет Кремль! Иван Великий стоит как исполин посреди других Соборов и Церквей и напоминает этого хитрого похитителя престола.

¹ Юбил. изд., т. 2, стр. 92—93.

Этот странный теремок как бы свидетельствует о бурных временах Иоанна Грозного. Эти белые каменные стены вспоминают великого Гения и Героя, который у этих стен потерял всё свое счастье, и видели стыд и поражение непобедимых полков Наполеоновых, у этих стен взошла заря освобождения России от иноплеменного ига; а за несколько столетий в этих же стенах положено было начало освобождения России от власти Поляков во времена Самозванца; а какое прекрасное впечатление производит эта тихая река Москва! Она видела, как она, быв еще селом, стояла никем незнаемая, как потом возвеличилась, сделалась городом, видела ее все несчастья и славу, и наконец дождалась до ее величия. Теперь эта бывшая деревенька Кучко сделалась величайшим и многолюднейшим городом Европы»¹.

К тому же времени относится участие десятилетнего Толстого в толпе, встречавшей приехавшего в Москву Николая I. Об этом Толстой писал в первой, черновой редакции «Отрочество» и позднее упоминал в конспекте своих Воспоминаний.

Испытанное мальчиком Толстым, воспитанным в монархическом духе, воодушевление при виде царя (того царя, про которого он с особой резкостью всегда писал в дальнейшем), несомненно, послужило источником для описания в «Войне и мире» таких же восторгов Пети Ростова, приветствовавшего Александра I².

В сентябре 1841 года, после смерти опекуни А. И. Остен-Сакен, Толстой с братьями и сестрой переезжает к своей новой опекуне — тетке П. И. Юшковой в Казань, где учится дома и в университете и безвыездно живет до 27 апреля 1847 года.

¹ «Литературное наследство», № 35—36, стр. 274.

² «Война и мир», т. 3, ч. 1, гл. XXI.

II. МОЛОДОСТЬ Л. Н. ТОЛСТОГО

1.

После шестилетнего пребывания в Казани Толстой появляется в Москве уже двадцатилетним юношей.

В октябре 1848 года он приезжает в Москву из Ясной Поляны и останавливается у своего приятеля Василия Степановича Перфильева («Васиньки», как его называл всю жизнь Толстой, — прототипа Стивы Облонского в «Анне Карениной»). Он жил в Малом Николопесковском переулке на Собачьей Площадке, в доме поручицы Дарьи Ивановны Ивановой. Через несколько дней Толстой снимает в том же доме «флигель за 50 рублей ассигнациями в месяц с мебелью, кухней и помещением для людей».

Теперь это дома №№ 12 и 14 по Малому Николопесковскому переулку, но флигеля, в котором жил Толстой, уже не существует.

О пребывании Толстого в Москве с октября 1848 до февраля 1849 года можно судить лишь по немногим его письмам того времени и по отдельным записям в дневнике.

В декабре 1848 года он писал тетке в Ясную Поляну, что в Москве он «распустился, предавшись светской жизни». Но теперь ему «все это страшно надоело», и он мечтает «о своей деревенской жизни и намерен скоро к ней вернуться»¹.

¹ Юбил изд., т. 59, стр. 26.

Через два года, вспоминая этот период, Толстой пишет в дневнике:

«Зиму третьего года я жил в Москве, жил очень безалаберно, без службы, без занятий, без цели; и жил так не потому что, как говорят и пишут многие, в Москве все так живут, а просто, потому что такого рода жизнь мне нравилась»¹.

После четырехмесячного пребывания в Москве Толстой в начале февраля 1849 года уехал, но не в деревню, как собирался, а в Петербург. На обратном пути в Ясную Поляну, в первых числах июня 1849 года, он проездом был в Москве.

Прожив после этого полтора года в Ясной Поляне, Толстой приезжает в Москву 5 декабря 1850 года и останавливается в гостинице Шевалье в Старо-Газетном переулке.

В тот же вечер он перебирается в нанятую квартиру в доме «Лобова» (или, вернее, Глобы) на Сивцевом-Вражке.

Дом этот находится на углу Сивцева-Вражка и Плотникова переулка, под № 36, и сохранился до наших дней. В нем началась литературная деятельность Толстого.

Свою новую квартиру на Сивцевом-Вражке Толстой описывает в письме к Ергольской следующим образом: «Моя квартира очень хороша, она состоит из четырех комнат: столовая с маленьким роялем, который я взял на прокат, гостиная с диваном и 6 стульями, столами орехового дерева, накрытыми красным сукном, и тремя зеркалами, кабинет, где мой письменный стол, бюро и диван, постоянно мне напоминающий наши споры по поводу его, и еще комната, которая достаточно велика, чтобы служить и спальней и уборной, да еще маленькая прихожая; обедаю я дома, ем щи и кашу и вполне доволен; жду только варенья и наливку и тогда будет все по моим деревенским привычкам»².

Много лет спустя, когда Толстой писал «Войну и мир» и упоминал в конце романа про Николая Ростова, обедневшего после смерти отца и поселившегося в Москве

¹ Юбил. изд., т. 46, стр. 36, запись в дневнике 17 июня 1850 года.

² Юбил. изд., т. 59, стр. 69 и 71.

«с матерью и Соней на маленькой квартире, на Сивцевом Вражке»¹, можно думать, что он вспоминал именно эту свою холостую квартиру, в которой прожил столь памятную ему зиму 1850—1851 годов.

В Москве Толстой проводил дни в хлопотах по разным имущественным и семейным делам, занимался гимнастикой, фехтованием, ездил верхом, посещал родных и знакомых. Он не раз бывал в Нескучном, где в это время жили его родственники Горчаковы, по вечерам посещал вечера московского света. Вместе с тем дома, в своей квартире на Сивцевом-Вражке, он много читал, получая иностранную литературу в книжном магазине Готье на Кузнецком мосту. За это время он перечитал Дюма-сына, Ламартина и ряд других писателей.

Интересно отметить записи в дневнике, сделанные Толстым в марте — апреле 1851 года в связи с чтением Ламартина². Записки эти являются первыми высказываниями молодого Толстого о значении художественного творчества и народного искусства. Вспоминая слова Гоголя в «Прошальной повести», Толстой пишет: «Все сочинения, чтобы быть хорошими, должны, как говорил Гоголь... выпеться из души сочинителя».

Но, признавая эти слова Гоголя, Толстой возражает вместе с тем против стремления некоторых «сочинителей» (Ламартин — «Женевьев», Григорович — «Антон Горемыка»), считающих себя «на высшей точке развития», писать для народа, «стараясь сойти на ступень народную». Толстой, вопреки им, утверждает, что «у народа есть своя литература — прекрасная, неподражаемая, но она не подделка, она выпеваётся из среды самого народа»³.

Из этих записей в дневнике видно, что еще только готовясь к литературному поприщу, Толстой уже ясно сознавал, что искусство, идущее из глубины народных масс, которое «выпеваётся из среды самого народа», есть подлинное, настоящее искусство. Вместе с тем он уже тогда решительно отвергал «подделку» под народное искус-

¹ «Война и мир», т. IV, Эпизод, ч. I, гл. V.

² Толстой в это время читал «Историю жирондистов», роман «Женевьев» и поэму «Жоселен» (Юбил. изд., т. 46, стр. 342).

³ Юбил. изд., т. 46, стр. 71.

ство. Эти положения, осознанные Толстым в ранней молодости, в дальнейшем получили свое развитие и углубление.

Эти же записи дают право утверждать, что Толстой, впитывая в себя и анализируя литературный опыт писателей-предшественников, уже в двадцать два года не только не подчинялся им, но и стремился идти собственным, только ему свойственным путем и на своем творческом пути создавал, как говорил Горький, «художественные произведения, написанные со страшной, почти чудесной силой... Он рассказал нам о русской жизни почти столько же, как вся остальная наша литература... И книги его останутся в веках, как памятник упорного труда, сделанного гением...»¹

В квартире на Сивцевом-Вражке Толстой 8 декабря 1850 года начал писать свою первую «Повесть из цыганского быта». К сожалению, эта повесть не дошла до нас. Там же в январе 1851 года он написал вторую повесть — «История вчерашнего дня», оставшуюся незаконченной, а 7 марта в числе занятий «на завтра» помечает в дневнике: «Роман», подразумевая, очевидно, «Четыре эпохи развития», как первоначально он предполагал назвать задуманное произведение, которое по замыслу должно было состоять из четырех частей: «Детство», «Отрочество», «Юность» и «Молодость» (последняя часть, «Молодость», не была написана).

Уже после отъезда из Москвы, по дороге на Кавказ, 20 мая 1851 года, Толстой записал в дневнике: «Последнее время, проведенное мною в Москве, интересно тем направлением и презрением к обществу и беспрестанной борьбой внутренней»².

А через два года (1853), на Кавказе, Толстой пишет художественный рассказ, который носит автобиографический характер, — «Святочная ночь», или «Как гибнет любовь?»³ В нем изображено то светское общество, в котором он вращался в Москве зимой 1850 и 1851 годов и к которому относятся записанные им в дневнике слова о презрении. В этом малоизвестном рассказе Толстой,

¹ М. Горький. История русской литературы. Гослитиздат, М., 1939, стр. 295 и 296.

² Юбил. изд., т. 46, стр. 60.

³ Юбил. изд., т. 3, стр. 241.

между прочим, рассказывает о своей поездке в ночь на 26 декабря 1850 года к цыганам «на Патриаршие пруды, ...что подле Козихи», и записывает свои рассуждения о цыганском пении. Рассказ начинается описанием Кузнецкого моста: «В одну из ясных, морозных январских... ночей святок». В любовной же истории Сережи Ивина — героя рассказа «Святочная ночь» — Толстой рассказывает о своих собственных переживаниях.

2 апреля 1851 года Толстой уехал из Москвы в Ясную Поляну. Он собирался со старшим братом Н. Н. Толстым ехать на Кавказ. Проездом братья провели два дня — 30 апреля и 1 мая — в Москве. 1 мая они были на традиционном гулянье в Сокольниках, где Лев Николаевич ходил в палатки цыганского табора. «Вышел оттуда победителем, т. е. ничего не дал, кроме своего благословения веселым потомкам фараонов», — писал он тетушке Т. А. Ергольской 8 мая 1851 года. В тот же день он вдвоем с братом снимался в фотографии; дагерротип этого снимка хранится в Государственном музее Л. Н. Толстого (Москва) и воспроизводится в настоящем издании.

2.

В ночь с 1 на 2 мая 1851 года Толстой с братом Николаем уехал на Кавказ и покинул Москву на три года. В первый раз после такого длительного отсутствия он был проездом в Москве вместе с братьями 16 февраля 1854 года, когда возвращался из Ясной Поляны из отпуски в Дунайскую армию.

О днях, проведенных Толстым в Москве в этот проезд, не сохранилось никаких материалов. Известно лишь, что, пробыв три дня в Москве, он отправился сначала к родным в Покровское и затем в Курскую губернию — в имение брата Дмитрия «Щербачевку». Оттуда через Полтаву, Кишинев — в Бухарест, в действующую Дунайскую армию.

7 ноября 1854 года, уже произведенный в подпоручики артиллерии, Толстой прибыл в осажденный Севастополь, где до конца героической его защиты принимал активное участие в боевых действиях на 4-ом бастионе.

Через год, в ноябре 1855 года, Толстой едет в качестве курьера из Севастополя в Петербург с составленным им

лично официальным донесением о последних боевых днях Севастополя.

По дороге он, уже прославившийся писатель, заезжал на один-два дня в Москву.

В Петербурге, постоянно бывая среди писателей, группировавшихся вокруг журнала «Современник», остановившись у Тургенева, Толстой прожил до 1 января 1856 года.

Через неделю из Москвы Толстой уезжал на два дня в Орел — к умиравшему там от чахотки брату Дмитрию. Эта поездка в Орел нашла свое отражение впоследствии в описании болезни и смерти Николая Левина в романе «Анна Каренина».

К этому времени относятся знакомства Толстого с писателями С. Т. Аксаковым и его двумя сыновьями — Константином и Иваном, Островским, Григоровичем.

У Аксаковых Толстой читал главы своего нового произведения «Роман русского помещика». Старик Аксаков вскоре после того писал Тургеневу, что он надеется на будущую литературную деятельность Толстого¹.

Толстой работает в Москве над новой повестью «Метель».

За это время он дважды ездил в подмосковную дачную местность Кунцево к писателю В. П. Боткину. Там встретился с приехавшим из Петербурга Дружининым и критиком Аполлоном Григорьевым, и принял участие в ночной «жаркой беседе» с ними «о драме вообще и о русской драме и сцене в особенности»².

По дороге из Москвы в Кунцево Толстой «до слез наслаждался природой»³, а в памятной записной книжке, которую взял с собой, набросал с природы поэтические картинки весеннего Подмосковья:

«23 мая 1856.

Летний июньский вечер в самом начале, 5-й час, рожь начинает колоситься трубкой, — темнозеленая и трава такая же. Мимо кустов травы и низких дубовых кустов все как будто мелькают серенькие зверьки, как будто зайцы. Это тени облаков.

Майское раннее утро, 7-й час, после дождя ночью,

¹ «Русское обозрение», № 12 за 1894 г., стр. 577—578.

² Юбил. изд., т. 47, стр. 324.

³ Там же, стр. 74.

*Л. Н. Толстой со старшим братом Н. Н. Толстым
перед отъездом из Москвы на Кавказ 1 мая 1851 года.*

сильный, сиверкой ветер. Крапива, смородина, тополь; тополи бледными сторонами листьев выворочены. Солнце блестит, но не совсем, сквозь серые длинные тучки...

Река в полдень. Ясно. Ветрено против течения. Вся живая рябит, но не течет, большая лодка, один гребец гребет двумя вёслами, как будто с места не двигается...

Тропинка в колосющейся ржи. Тучи сизые над березовой рощей, сырость в лицо, но тихо, не шелохнется. Как будто все чего-то ждет с благоговением»¹.

Такова была тогда картина пути из Москвы в Кунцево.

Толстой пишет в дневнике 24 мая, что в числе четырех чувств, овладевших им в это время «с необыкновенной силой», было чувство природы².

24 мая Толстой со знакомыми отправился в сад «Эрмитаж», который тогда находился на Верхне-Божедомской улице, принадлежал И. Н. Римскому-Корсакову и был в аренде сначала у Педотти, а затем у Мореля. Через полчаса он вынес оттуда «впечатление тоски невыразимой».

Чтобы отвлечься от неприятных городских впечатлений, «Не ложась спать поехал с Костенькой на Воробьевы горы. Купался, пил молоко и спал там в саду. Монахи пили с девками, ели молоко и плясали польку», — пишет он в дневнике 25 мая³.

К вечеру 25 мая Толстой едет с К. А. Иславиным («Костенькой») в Покровское-Стрешнево (дачная местность к северу от Москвы), к его сестре Любови Александровне Берс, у которой было три дочери, вторая из них — Софья Андреевна, будущая жена Толстого. В то время ей было еще 12 лет.

27 мая он уезжает из Москвы в Ясную Поляну.

3.

Живя в Москве в 1856 году и в январе 1857 года, Толстой часто посещал Аксаковых, которые в то время жили в Денежном переулке, на Арбате, в доме Пфелера; там он познакомился с главой славянофилов — писателем

¹ Юбил. изд., т. 47, стр. 177.

² Там же, стр. 75.

³ Там же.

36093

Ц.Ф.

А. С. Хомяковым. Он спорит с Константином Аксаковым «О сельском чтении, которое он, — пишет Толстой в дневнике, — считает невозможным. Вечером у Горчаковых с Сергеем Дмитриевичем¹ спорил о совершенно противном; С. Д. уверял, что самый развратный класс — крестьяне. Разумеется, я из западника сделался жестоким славянофилом»².

В январе 1857 года, в день своего возвращения из новой поездки в Петербург (13 января), Толстой в Английском клубе жарко спорит, заступаясь за Грановского, со славянофилом кн. Черкасским. После этого он пишет Боткину в письме от 20 января, что славянофилы на него «кажется... махнули рукой, как на испорченного Петербургским кружком»³. А в следующем письме к Боткину (29 января 1857 года) он писал, что славянофилы ему «кажутся не только отставшими, так что потеряли смысл, но уже так отставшими, что отсталость переходит в нечестность»⁴.

Тем не менее Толстой продолжает бывать у Аксаковых, которые, несмотря на принципиальные разногласия, его радушно принимают⁵.

В 20-х числах января 1857 года Толстой у Аксаковых слушает чтение новой главы «Детские годы молодого Багрова» из книги С. Т. Аксакова «Детские годы Багрова внука» и помечает в дневнике: «Детство прелестно»⁶. А в письме к Боткину (29 января) пишет, что эта повесть показалась ему «лучше лучших мест Семейной хроники», и хотя «нету в ней сосредоточивающей, молодой силы поэзии, — пишет Толстой, — но равномерно сладкая поэзия природы разлита по всему, вследствие чего может казаться иногда скучным, но зато необыкновенно успокоительно и поразительно ясностью, верностью и пропорциональностью отражения».

Кроме Аксаковых, Толстой в Москве постоянно встре-

¹ Родственник Толстого кн. С. Д. Горчаков — начальник Московской дворцовой конторы.

² Юбил. изд., т. 47, стр. 74.

³ Сборник «Толстой. Памятники творчества и жизни», 4, стр. 10.

⁴ Там же, стр. 15.

⁵ Юбил. изд., т. 47, стр. 111.

⁶ Там же, стр. 112.

чается с Островским, с которым он был не только в дружественных личных отношениях, но и являлся вместе с тем горячим поклонником его драматического таланта. В том же письме к Боткину (29 января 1857 года) Толстой писал об Островском, что новая его комедия «Доходное место», которую он недавно слушал, ему кажется лучшим произведением Островского, потому что в ней «так же как в Банкруте¹ слышится этот сильный протест против современного быта. Вся комедия — чудо... Островский не шутя гениальный драматический писатель»².

В Москве Толстой в это же время близко сходитя со своим сверстником — молодым профессором юристом-философом Б. Н. Чичериным, принадлежащим к лагерю «западников»³; встречается со своим кавказским товарищем, сыном декабриста, «петрашевцем» Н. С. Кашкиным, который послужил Толстому прототипом в его кавказской повести «Разжалованный». 19 января Толстой ходил на субботник известного в свое время в Москве музыканта-любителя К. А. Булгакова, друга композитора М. И. Глинки. Булгаков жил тогда в доме Гундиуса на Яузском бульваре, близ Яузских ворот.

27 января к Толстому приехал, как он пишет в дневнике, обрадовавший его Д. В. Григорович и привез ему три своих очерка. Григорович согласился остаться у Толстого три дня.

Помимо занятий литературой, общения с друзьями, Толстой занимается фехтованием, гимнастикой, посещает по вечерам Английский клуб, который помещался, после пожара Москвы в 1812 году, на Тверской, там, где теперь Музей Революции (улица Горького, дом № 21), постоянно ездит в Малый театр; 5 ноября 1856 года он смотрел там «Горе от ума», пометив в своем дневнике об этой постановке: «Отлично».

Приезжая в Москву в 1856 году и в январе 1857 года, Толстой останавливался обычно или у своих друзей

¹ «Банкротом», или «Банкрутом», называлось ранее комедия Островского «Свои люди сочтемся».

² Сборник «Толстой. Памятники творчества и жизни», 4, стр. 14—15.

³ См. Воспоминания Чичерина «Москва сороковых годов», изд. Сабашниковых, М., 1929.

Перфильевых, которые жили в Конюшковском переулке близ Кудрина, или в гостинице Шевалдышева на углу Тверской и Козицкого переулков (улица Горького, дом № 14).

4.

29 января 1857 года, после обеда у Шевалье, Толстой, простившись с сестрой и друзьями, в мальпосте уехал из Москвы за границу через Варшаву.

Первая поездка Толстого за границу оставила глубокие следы во всей его жизни. В Париже он присутствовал в толпе на публичной смертной казни, где была пущена в ход «искусная и элегантная машина, посредством которой в одно мгновение убили сильного, свежего, здорового человека»¹. В негодовании от виденного зрелища и от всего Парижа, который он в письме к Тургеневу называет «Содомом и Гоморрой»², он внезапно покидает Париж. Но везде ему бросается в глаза фальшь всей окружающей общественной жизни, фальшь и лицемерие западноевропейской цивилизации. Его негодование, кроме записей в дневнике и писем к друзьям (Боткину, Тургеневу), вылилось в страстный протест в рассказе «Люцери».

Он видит в основе западноевропейской культуры «тщеславие, корысть, честолюбие. Первобытное чувство человека исчезает по мере развития цивилизации, т. е. корыстной, себялюбивой ассоциации людей, которую называют цивилизацией»³.

С такими впечатлениями от виденного Толстой вернулся в Россию.

17 октября 1857 года он с сестрой переселяется на зиму в Москву.

В Москве они остановились временно в гостинице Чельшева на Театральной площади (где теперь гостиница «Метрополь»); 21 октября переселились на новую квартиру на Пятницкой улице, в дом Варгина (по теперешней нумерации дом № 12), и в тот же вечер Толстой уехал в Петербург.

Перед отъездом из Москвы он написал два письма:

¹ Сборник «Толстой. Памятники творчества и жизни», 4, стр. 21.

² «Наша старина», 1914, декабрь, стр. 1073.

³ Черновая рукопись «Люцери». Юбил. изд., т. 5, стр. 283.

1) к Александре Андреевне Толстой и 2) совместное письмо В. П. Боткину и И. С. Тургеневу за границу.

Оба письма являются ценными документами, дающими представление о моральном и интеллектуальном облике 29-летнего Толстого. Они свидетельствуют об установлении твердых взглядов писателя на направление своей дальнейшей деятельности.

Приводим в выдержках эти чрезвычайно важные для биографии Толстого документы:

В письме к А. А. Толстой он писал:

«Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен смочь думать выйти хоть на секунду ни один человек. Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называется счастьем... а бесчестная тревога, основанная на любви к себе, — это несчастье. Вот вам в самой сжатой форме перемена во взгляде на жизнь, происшедшая во мне в последнее время... Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость»¹.

Прочитав это свое письмо ровно через 53 года со времени его написания, 82-летним стариком, в год своей смерти², Толстой записал в дневнике 8 марта 1910 года, что оно «такое, что теперь ничего не сказал бы другого»³.

В неопубликованной части второго письма Толстой писал:

«Грустно мне было расстаться с мечтой о спокойном и честном счастье, без путаницы, труда, ошибок, начинаний, раскаяний, недовольства собой и другими, но я, слава богу, искренно убедился в том, что спокойствие и чистота, которую мы ищем в жизни, не про нас; что одно законное счастье есть честный труд и преодоленное препятствие».

¹ «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой. 1857—1903». Изд. Общества Толстовского музея, СПб. 1911, стр. 93—94.

² Толстой прочитал в 1910 году приготовленную к печати и привезенную ему в Ясную Поляну его переписку с А. А. Толстой. Издана уже после смерти Толстого, в 1911 году, Обществом Толстовского музея в СПб.

³ Юбил. изд., т. 58, стр. 23.

В Петербурге Толстой часто встречается с А. А. Толстой, Некрасовым, Анненковым, Салтыковым-Щедриним, Дружининым, братьями Жемчужниковыми и другими. 30 октября он возвращается в Москву.

В первый же день приезда он записывает в дневнике о своих петербургских впечатлениях и ближайших устремлениях:

«Хочу сидеть дома и писать. Петербург сначала огорчил, а потом совсем оправил меня. Репутация моя пала, или чуть скрипит. И я внутренне сильно огорчился; но теперь я спокойнее, я знаю, что у меня есть, что сказать и силы сказать сильно; а там, что хочет, говори публика. Но надо работать добросовестно, положить все свои силы, тогда пусть плюет на алтарь»¹.

В Москве Толстой усердно работает над «Кзаками», в то же время отмечает в дневнике, что пришло «время писать Юность»². Попрежнему «ходит на гимнастику», ездит к знакомым, проводит время в Английском клубе, постоянно видаётся с Аксаковыми, с Фетом, Островским, Чичериным, Коршем, Ю. Д. Самариным, актерами М. С. Щепкиным, П. М. Садовским, И. Ф. Горбуновым и другими, посещает вечера Сушковых, там дважды встречается с приятелем Пушкина А. Н. Раевским, ходит по вечерам в театры. В Малом театре (8 ноября) он смотрел пьесу А. Красовского «Жених из ножевой линии» с участием П. М. Садовского, об игре которого сделал ремарку в дневнике: «Садовский прекрасен, ежели бы не самодовольная небрежность»³. 12 ноября 1857 года смотрел вместе с племянницами утренник-балет в Большом театре. Это посещение Большого театра послужило Толстому сюжетом для рассказа под заглавием «Сказка о том, как другая девочка Варенька скоро выросла большая», где с иронией описываются детские впечатления от балета.

11 ноября, обедая у Толстого, Фет читал свой перевод трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра» и своими разговорами, пишет Толстой в дневнике, «разжег меня к искусству»⁴.

¹ Юбил. изд., т. 47, стр. 161.

² Там же, стр. 162.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 163.

23 ноября Толстой читал Аксаковым свой новый рассказ «Погибший», потом названный «Альбертом», рассказ этот получил тогда одобрение старика Аксакова.

Вскоре Толстой отправил рукопись «Альберта» Некрасову в «Современник» для напечатания. Некрасову рассказ не понравился, тем не менее после исправлений автора и переписки с ним Некрасов его напечатал в своем журнале в августе 1858 года.

Отослав рассказ, Толстой долго еще продолжал работать над его исправлением, но также остался им в конце концов неудовлетворенным и в письме к Некрасову от 18 декабря 1857 года просил эту повесть «предать забвению», несмотря на то, что она стоила ему «год почти исключительного труда»¹.

Кроме «Альберта», Толстой работал в Москве над повестью «Казачи» и над стихотворением в прозе под заглавием «Сон» («Николинькин сон»), о котором он записал в дневнике: «Никто не согласен, а я знаю, что хорошо»².

Толстой в письме к бывшей невесте В. В. Арсеньевой 6 декабря 1857 года так описывал свою московскую жизнь: «Я живу все это время в Москве, немного занимаюсь своим писаньем, немного семейной жизнью, немного езжу в здешний свет, немного возжусь с умными, и выходит жизнь так себе: ни очень хорошо, ни худо. Впрочем, скорей хорошо». В этом же письме он пишет об искусстве: «Искусство всегда и везде большое и чистое наслаждение»³.

Постоянно общаясь в те времена с группой писателей-эстетов, проповедовавших так называемое «чистое искусство» (Боткин, Фет, Дружинин и другие), Толстой задумал вместе с Фетом основать в Москве художественный журнал. Приглашая В. П. Боткина в редакторы этого журнала, он писал:

«Все, что является и явится художественного, должно быть притянуто в этот журнал. Все русское и иностранное,

¹ «Архив села Карабихи. Письма Н. А. Некрасова и к Некрасову», М., 1916, стр. 193—194.

² Юбил. изд., т. 47, стр. 166.

³ П. И. Бирюков. Л. Н. Толстой. Биография, изд. Ладыжникова, Берлин, 1921, стр. 353.

являющееся художественным, должно быть обсужено. Цель журнала одна: художественное наслаждение, плакать и смеяться. Журнал ничего не доказывает, ничего не знает. Одно его мерило — образованный вкус»¹. Издание журнала не состоялось. Сам же Толстой начиная с 60-х годов порвал с этой группой, превратившись в решительного противника «чистого искусства». Продолжая свой литературный путь, он стал идеологом социально направленного, реалистического искусства, не отрешенного от жизни, но идущего в уровень с эпохой и понятного не узкому кругу избранных лиц, а широким народным массам.

С юных лет, серьезно интересуясь и увлекаясь музыкой, Толстой, когда бывал в Москве, всегда искал случая познакомиться со всем выдающимся в музыкальном мире. С этой целью он часто посещал еженедельные концерты у А. В. Киреевой на Никитской улице. Киреева была современница и знакомая Пушкина. Но так как эти концерты были доступны лишь для немногих, Толстой задумал в конце 1857 — начале 1858 года основать добровольное музыкальное общество. Он вел об этом переговоры сначала с Л. Оноре, а потом с Н. Г. Рубинштейном и известным в те времена исполнителем Мортье и собственноручно набросал проект устава такого общества.

Документ этот никогда еще не был опубликован, а между тем он представляет собой несомненный интерес для истории музыкальной культуры Москвы. Приводим этот любопытный документ, написанный 90 лет назад рукой Толстого, хранящийся в рукописном отделении Государственного музея Л. Н. Толстого:

«Подписной лист для желающих участвовать в квартетном обществе:

[Условия участия:]

- 1) Взнос в зиму от 30 до 50 р. сер.
- 2) Члены избираются по баллотированию первых подписавшихся 10 членом.
- 3) Квартеты, трио и квинтеты, септюры, ежели средства позволяют, исполняются только артистами за плату.
- 4) Исполнение сочинений любителей и любителями воспрещается.

¹ Сборник «Толстой. Памятники творчества и жизни», 4, стр. 57.

5) Помещение для музыкальных вечеров не в частном доме, или в частном доме на основании публичном.

6) Выбор пьес зависит от общего согласия членов, производится с выбора комитета из 8 и директора».

Далее в пяти пунктах Толстой излагает подробные организационные мероприятия по устройству вечеров.

Сергей Львович Толстой в своей статье «Музыка в жизни Л. Н. Толстого» говорит, что мысль Л. Н. Толстого об учреждении музыкального общества в Москве «была осуществлена братьями Рубинштейнами, основавшими Императорское музыкальное общество»¹.

5.

Наряду с живым интересом к вопросам искусства и к организационным проектам в этой области (журнал, музыкальное общество), Толстой был захвачен волной поднявшегося интереса у московской интеллигенции конца 50-х годов к политической жизни страны. Подъем этот был вызван толками о предстоящем падении крепостного права. В письме к Боткину от 4 января 1858 года Толстой так описывал настроение московского общества: «У нас, т. е. в русском обществе, происходит небывалый кавардак, поднятый вопросом эманципации. Политическая жизнь вдруг неожиданно обхватила собой всех. Как бы мало кто не был приготовлен к этой жизни, всякой чувствует необходимость деятельности. И что говорят и что делают, страшно и гадко становится. До сих пор резко обозначалось одно: дворянство почуяло, что у него не было других прерогатив, как крепостное право, и озлобленно ухватило за него. Противников освобождения 90 на 100, а в этих 90 есть различные люди. Одни — потерянные и озлобленные, не знающие на что опереться, потому что и народ и правительство отрекаются от них. Другие — лицемеры, ненавидящие самую мысль освобождения, но придирающиеся к форме. Третьи — самолюбцы проэкрты. Эти самые гадкие. Эти никак не хотят понять, что они известного рода граждане, имеющие права

¹ Юбилейный сборник «Лев Николаевич Толстой», Госиздат. М.-Л., 1928, стр. 303.

и обязанности, ни большие, ни меньшие, чем другие. Они хотят или ничего не делать, или делать по-своему и всю Россию повернуть по своему прилаженному, узенькому, деспотическому проекту. Четвертые, и самое большое число, — это упорные и покорные. Они говорят: сами обсуждать дело мы не хотим и не будем. Ежели хотят, то пускай отнимут все, или все оставят в прежнем положении. Есть еще аристократы, на манер аглицких. Есть Западники, есть Славянофилы. А людей, которые бы просто силой добра притягивали бы к себе и примиряли людей в добре, таких нету»¹.

28 декабря 1857 года Толстой участвовал в общественно-литературном обеде в залах Купеческого собрания, устроенном К. Д. Кавелиным, М. Н. Катковым и В. А. Кокоревым с целью примирения и соединения всех литературных партий, осуждавших крепостное право. На обеде был произнесен ряд речей, которые Толстой охарактеризовал как «речи пошлые все, исключая Павловской»². А в том же письме к В. П. Боткину от 4 января по поводу этих речей он писал: «Только Павлова и Бабста речи были замечательны»³.

Один из организаторов этого обеда, представитель крупного финансового капитала, миллионер, откупщик и промышленник, московский меценат В. А. Кокорев свою речь на обеде 28 декабря не произнес, но напечатал ее вместе с другими во 2-й книжке декабрьского номера журнала «Русский вестник». Прочитав эту речь, Толстой в дневнике 5 января 1858 года записал, что получил «необъяснимое впечатление омерзения от Кокоревской речи»⁴. В своем письме к Боткину 4 января он писал об этой речи: «Куда девалось мое олимпийское спокойствие, когда я прочел эту речь? Речь эта всем нравится. Куда мы идем? Это ужасно. Я убежден, что у нас нет не только ни одно-

¹ Сборник «Толстой. Памятники творчества и жизни», 4, стр. 53—54.

² Речь Н. Ф. Павлова — писателя-западника. См. Юбил. изд., т. 47, стр. 166.

³ Речь профессора политической экономии в Московском университете И. К. Бабста. См. Сборник «Толстой. Памятники творчества и жизни», 4, стр. 58.

⁴ Дневник за 1858 год еще не опубликован.

го таланта, но ни одного ума. Люди, стоящие теперь впереди и на виду, это идиоты и нечестные люди»¹.

Кокорев в своей речи призывал купечество путем денежных взносов помочь крестьянам в уплате помещикам выкупных платежей, обосновывая это «той новой, огромной выгодой, которую купечество получит, когда новый порядок сообщит довольство крестьянам», и называл дворянство «кривым и дряблым побегом, оторвавшимся от своего корня». Призывы Кокорева — представителя нового нарождающегося в России класса буржуазии — и толки либеральных кругов об освобождении крестьян возмущали Толстого потому, что он питал уже тогда непреодолимое отвращение к грядущему капитализму, основанному на порабощении масс и эксплуатации, плоды которого он собственными глазами видел за границей. Он тогда уже считал, а в 1862 году писал в статье «Прогресс и образование», что России «нужно искать других оснований, чем те, которые существуют в Европе». Но Толстой не понимал того, что период падения крепостного права в России в то же время «был периодом усиленного роста капитализма снизу и насаждения его сверху»² и что на патриархального крестьянина «стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис — все бедствия «эпохи первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесением на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном»³.

6.

Взволнованный общественными вопросами, желая отвлечься от московских волнений, Толстой 15 января 1858 года едет в деревенскую глушь, в село Соголево (в 20 километрах от города Клина), в усадьбу двоюродной сестры своей матери, княжны В. А. Волконской, которая

¹ Сборник «Толстой. Памятники творчества и жизни», 4, стр. 59.

² В. И. Ленин. Соч., т. 16, изд. 4, стр. 300.

³ Там же, стр. 295.

хорошо помнила его мать. Он слушает ее рассказы о дедке кн. Н. С. Волконском, о своей матери. Работая позднее над «Войной и миром», Толстой воспользовался этими рассказами при создании образов старика Болконского и княжны Марьи.

Толстой ежедневно ходит на охоту и начинает писать рассказ «Три смерти»; возвратясь в Москву он продолжает работу над ним.

В 1858 и 1859 годах в Москве Толстой проводит время в обществе своих двух братьев, Фета, Островского, Ю. Ф. Самарина, Чичерина. Он видался с московскими друзьями Герцена: А. В. Станкевичем, Кетчером, доктором Пикулиным, поэтом-переводчиком Н. М. Сатиным, Е. Ф. Коршем и другими. Посещает Английский клуб, рестораны Шевалье в Старо-Газетном переулке и Печкина на Воскресенской площади. Ресторан Печкина назывался в Москве «Литературной кофейней», так как был излюбленным местом встреч литературной и артистической Москвы 30—50-х годов прошлого столетия. «Литературная кофейня» находилась на площади Революции, на том месте, где ныне гостиница и ресторан «Гранд-Отель»¹. В Большом театре Толстой (18 января 1858 года) слушает оперу Глинки «Иван Сусанин», которая тогда называлась «Жизнь за царя». В этой опере ему особенно понравился хор. В Малом театре (26 января 1858 года) смотрит «Ревизора» Гоголя с участием М. С. Щепкина. В дневнике об этом помечает: «Щепкин строгий актер». Поддерживает отношения со многими актерами Малого театра: Щепкиным, Садовским, И. Ф. Горбуновым и другими.

25 января Толстой был на музыкальном вечере в квартире Фета на Малой Полянке, в котором участвовала Е. С. Протопопова, впоследствии вышедшая замуж за композитора А. П. Бородину².

После своих литературных занятий Толстой обычно

¹ См. воспоминания А. Д. Галахова «Литературная кофейня в Москве. 1830—1840 гг.» — «Русская старина», 1886, стр. 181—187; Фет, «Ранние годы моей жизни», М., 1893, стр. 219—220; А. А. Стахович. Ключки воспоминаний, М., 1904, стр. 155—157.

² А. А. Фет. Мои воспоминания, т. I, М., 1890, стр. 216—217.

отправлялся в гимнастический зал Пуаре на Большой Дмитровке «на гимнастику». Фет в своих «Воспоминаниях» о занятиях Толстого гимнастикой писал: «Бывало, если нужно захватить Льва Николаевича во втором часу дня, надо отправляться в гимнастический зал на Большой Дмитровке. Надо было видеть, с каким одушевлением он, одевшись в трико, старался перепрыгнуть через коня, не задевши кожаного, набитого шерстью конуса, поставленного на спину этого коня»¹.

Гимнастические занятия Толстого нашли свое отражение и в его творчестве. В романе «Анна Каренина», и особенно в черновых набросках, при описании Левина, в котором Толстой изображал себя и сначала называл его Нерадовым или Ордынцевым, не раз упоминается об увлечении его гимнастикой. Так, например, в одном отброшенном раннем черновике романа рассказывается, что приехавший в Москву из деревни Нерадов (Левин) останавливается у своего приятеля-офицера Гагина (будущего Вронского). Гагин утром приходит будить Нерадова.

«И стройный широкий атлет с лохматой русой головой и² редкой черноватой бородой и блестящими голубыми глазами, смотревшими из широкого толстоногого лица, выскочил из-за перегородки и начал плясать, прыгать через стулья и кресла и, опираясь на плечи Гагина, подпрыгивать так, что казалось вот-вот он вспрыгнет на его эполеты»³.

29 и 30 января, приходившиеся в 1858 году на среду и четверг Масляной недели, Толстой ходил с детьми — своими племянниками — в «Подновинское», где с давних пор в эту неделю устраивались гулянья с балаганами и каруселями. В те времена «Подновинское поле» представляло собой большой пустырь на Садовой улице, между Кудринской площадью (ныне площадь Восстания) и Смоленским рынком. Впоследствии «Подновинское поле» было названо «Новинским бульваром» (теперь улица Чайковского).

Кроме посещений по вечерам театров, концертов, Английского клуба и литературных вечеринок, Толстой и

¹ А. А. Фет. Мои воспоминания, т. I, М., 1890, стр. 218.

² Зачеркнуто: рыжеватой.

³ Юбил. изд., т. 20, стр. 47.

в этот период не прекращает посещения великосветских балов. На одном из них у Рюминых (30 января 1858 года) он был в их доме на углу Воздвиженки (теперь улица Калинина) и Крестовоздвиженского переулка, в том сохранившемся до нашего времени доме (№ 9), который принадлежал ранее отцу Льва Николаевича и был продан им в начале 20-х годов. Повидимому, этот дом он описывал в «Войне и мире» как дом, принадлежавший старику кн. Болконскому¹.

1 февраля Толстой снова на балу в Дворянском собрании (угол Охотного ряда и Пушкинской улицы — раньше Большой Дмитровки, ныне Дом союзов).

4 февраля с приехавшим из-за границы своим знакомым М. А. Рябининым Толстой ходил на выставку картин в Училище живописи, ваяния и зодчества, где были выставлены картины Айвазовского, Саврасова и других и среди них ученическая картина Перова «Суд у станого».

Возвратившись в Москву из Ясной Поляны в конце февраля, Толстой продолжал заниматься исправлением «Альберта» и «Кзаками». 10 марта вместе с Чичериным он ездил на неделю в Петербург. По возвращении в Москву немедленно взялся за «Кзаков» и с увлечением продолжал заниматься ими все последующее время.

Судя по обстановке проводов Толстого Чичериным из ресторана Шевалье в Ясную Поляну (13 февраля 1858 года), близкой к описанию отъезда Оленина на Кавказ, и по тем настроениям Толстого, которые часто сквозят в его дневниках этого периода: разочарование в личных чувствах, неудовлетворенность московской жизни, тихая грусть и напряженные искания нового, неизведанного, можно с уверенностью утверждать, что именно в это время (весной 1858 года) Толстой написал то новое начало «Кзаков», которое вошло в окончательный текст. Приводим описание московской зимней ночи и Старо-Газетного переулка из первой главы «Кзаков»:

«Все затихло в Москве. Редко, редко где слышится визг колес по зимней улице. В окнах огней уже нет, и фонари потухли. От церквей разносятся звуки колоколов

¹ Об этом есть упоминание в гл. VII, ч. 5, т. 2 «Войны и мира».

и, колыхаясь над спящим городом, поминают об утрате. На улицах пусто. Редко где промесит узкими полозьями песок с снегом ночной извозчик и, перебравшись на другой угол, заснет, дожидаясь седока. Пройдет старушка в церковь, где уж, отражаясь на золотых окладах, красно и редко горят несимметрично расставленные восковые свечи. Рабочий народ уже поднимается после долгой зимней ночи и идет на работы. А у господ еще вечер.

В одном из окон Шевалье из-под затворенной ставни противозаконно светится огонь. У подъезда стоят карета, сани и извозчики, стеснившись задками. Почтовая тройка стоит тут же. Дворник закутавшись и сжавшись точно прятается за угол дома...

Отъезжавшему казалось тепло, жарко от шубы. Он сел на дно саней, распахнул, и ямская взьерошенная тройка потащила. Оленину казалось, что только отъезжающие ездят по этим улицам. Кругом было темно, безмолвно, уныло, и в душе было так полно воспоминаний, любви, сожалений и приятных давивших слез...»¹

Весна, как это можно проследить по дневниковым записям, письмам и произведениям, всегда, с самого раннего детства и до старости бодряще и радостно действовала на Толстого. Вместе с природой он оживал сам и ощущал в себе избыток сил.

Вернувшись в Москву из Петербурга 18 марта 1858 года, Толстой застает здесь уже наступившую весну и под впечатлением ее набрасывает в записной книжке (еще не опубликованной) под 19—28 марта ряд ярких зарисовок Москвы того времени.

«19 марта. Жизнь сильная и полная надежд молодости, и рядом старушки говеют, церковь, служба, воротники шинелей, помада, закрученное золото, черные ризы».

«23 марта. Заутрениа... Толпы народа по мокрому тротуарам. Я не чувствую ничего, что дала жизнь взамен. Истину. Да она не радуется, истина. А было время. Белое платье, запах вянувшей ели. Счастье»...

«28 марта. Весной в яркий день подсыхают камушки на мостовой, белея. Кругом черно, сыро, подножки карет вымыты голыми руками».

¹ Юбил. изд., т. 6, стр. 3 и 6.

Впечатления эти были настолько сильны, что Толстой почувствовал необходимость облечь их в художественную форму и 27 марта 1858 года начал писать рассказ с описанием ранней весны в Москве и праздничной московской толпы.

«На улице было темно, мокро и сыро. Фонари чуть светились, освещая только свои мокрые стекла, собаки лаяли за воротами, как и в обыкновенные дни. В домах из-за стор виднелись огни. По изрытым улицам, неровно дребезжа, изредка проезжали то дрожки, то бочки. Пешеходов совсем не было. Даже дворников не видать было на тротуарах. Сверху сыпался не то таявший снег, не то дождик... На Никитской у перекрестка я почти столкнулся с двумя женщинами, так же как и я, обходившими лужу... Пройдя еще немного, мне встретился солдат-писарь в новой фуражке и шинели, с женой, шумящей юбками. Так и пахло на меня праздником от этого звука и, особенно, вида шелкового платка на голове и другого красного, нового носового платка в руке, которой она равномерно раскачивала... Еще подальше встретились мне два чиновника в шляпах и с зонтиком, потом старик с палочкой. Две дамы с детьми. Несколько дрожек протащилося, ныряя в водяных рывтинах, две кареты, треща рессорами и блестя фонарями, проехали по улице. Дворник без шапки вышел с плоскими к столбам тротуара. У Никитского монастыря прижался по стене и на ступеньках народ в праздничных одеждах, нищих попадалось много, но они не просили милостыни. Так и веяло от всего готовящейся, собирающейся народной радостью. Я прошел монастырь, повернул по глядцовитому тротуару Александровского сада, все те же торопливые радостные группы встречались мне; и вдруг старое забытое чувство праздника живо воскресло во мне... Не отдавая себе отчета зачем, я повернул в ворота в Кремль и, отставая и перегоняя толпы народные, ...вошел мимо гауптвахты на Кремлевскую площадь...»¹

Позднее, работая в начале 40-х годов над романом «Анна Каренина», Толстой опять в черновых вариантах

¹ Юбил. изд., т. 5, стр. 230—231.

Толстой среди писателей 15 февраля 1856 года. Стоят: А. Н. Толстой, Д. В. Григорович;
сидят: И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. В. Дружинин, А. Н. Островский.

описывает приблизительно те же улицы Москвы, которые, очевидно, оставили заметный след в его памяти.

Приехав из деревни в Москву с намерением сделать предложение Китти Щербацкой и «вернувшись в свой № в новой гостинице на Петровке Ордынцев (Левин) увидал, что он опоздал к обеду к тетке, да и ему и не хотелось никуда итти...» Переодевшись, он «пошел, чтобы чем-нибудь занять время, в Хлебный переулок, где жили Щербацкие... Переход через Никитскую из Газетного в темный Кисловский переулок и слепая стена монастыря, мимо которой, свистя, что-то нес мальчик и извозчик ехал ему навстречу в санях, почему-то навсегда остался ему в памяти. Ему прелестна была веселость мальчика и прелестен вид движущейся лошади с санями, бросающей тень на стену, и прелестна мысль монастыря, тишины и доживания жизни среди шумной, кишящей сложными интересами Москвы, и прелестнее всего его любовь к себе, к жизни, к ней, и способность понимания и наслаждения всем прекрасным в жизни»¹.

30 марта на пасху Толстой опять ходил смотреть гулянье в «Подновинское», а 9 апреля вместе с Фетом и его женой уехал из Москвы в Ясную Поляну, о чем записал в дневнике: «Выехали чем свет, весна. Новые радости, как выедешь из города».

7.

Проведя лето 1858 года в Ясной Поляне, Толстой приехал в Москву 14 сентября, где пробыл пять дней. В Москве он видался с Е. Ф. Коршем и обещал ему для издававшегося им в Москве журнала «Атеней» написать очерк описания лета², побывал у Аксаковых, в Английском клубе, у Берсов в Кремле, заходил в сад «Эрмитаж» на Старой Божедомке и 9 сентября вечером уехал в Ясную Поляну.

12 декабря 1858 года Толстой переехал на зиму в Москву и поселился в квартире на Большой Дмитровке, в доме № 10, Смолиной (дом сохранился, в нем теперь

¹ Юбил. изд., т. 20, стр. 58 и 60.

² Написано Толстым в сентябре 1858 года, но тогда не напечатано. См. «Лето в деревне», Юбил. изд., т. 5, стр. 262.

находится «Октябрьская» гостиница и ресторан «Нева»). На следующий день он записал в дневнике: «Литература, которую я вчера понюхал у Фета, мне противна. Т. е. я думаю, что начав литературное поприще при самых лестных условиях общей, 2 года сдержанной похвалы и почти первого места, без этих условий я не хочу знать литературы, т. е. внешней, и слава богу. Надо писать тихо, спокойно, без цели печатать».

Толстого продолжают волновать вопросы ожидаемого освобождения крестьян. В середине декабря он пишет и сжигает, никому не показывая, «Записку о дворянстве». Тем не менее, черновик ее сохранился и опубликован в 5-м томе юбилейного издания¹.

20 декабря Толстой выезжал из Москвы в окрестности Вышне-Волочка на охоту и убил одного медведя, а в единоборстве один на один с другим медведем зверь подмял его под себя и укусил два раза в лицо. От этих укусов у Толстого на всю жизнь остались два небольших шрама на лбу. Случай этот более подробно описан Толстым в рассказах «Охота пуще неволи»² и «Медвежья охота»³.

В январе он повторил свою поездку на медвежью охоту, нашел и убил медведицу, ранившую его на прошлой охоте. Из шкуры ее был сделан ковер, сохранившийся до сих пор (находится теперь в музее-усадьбе Толстого в Хамовническом доме).

О медвежьей охоте в Тверской губернии есть упоминание и в романе «Анна Каренина», в сцене свидания Облонского с Левиным в гостинице Дюссо, после приезда Левина в Москву, и второй раз при встрече Левина с Карениным на обеде у Облонских⁴.

Вернувшись в Москву с охоты, Толстой почти никуда не ездил и с увлечением принялся за работу над романом «Семейное счастье», назвав его «поэмой». Он писал в дневнике 19 февраля 1859 года, что «И в жизни и в искусстве нужно это сосредоточенье в одном себе».

¹ Юбил. изд., т. 5, стр. 267 и 359.

² См. «Азбука», IV книга для чтения.

³ Опубликовано В. С. Спиридоновым в «Литературном современном» № 11 за 1935 г., стр. 161—162.

⁴ «Анна Каренина», ч. IV, главы VII и IX.

28 января 1859 года по предложению И. С. Аксакова Толстой вместе с Тургеневым был избран в действительные члены «Общества любителей российской словесности при Московском университете». Общество это было основано в 1811 году, но деятельность его только что возобновилась после длительного, вынужденного перерыва.

Согласно введенному председателем Общества А. С. Хомяковым обычаю, Толстой, как новый член, должен был произнести вступительную речь на литературную тему. Подчиняясь этому обычаю, на следующем же заседании в зале старого здания Московского университета, 4 февраля 1859 года, Толстой произнес речь на тему о значении так называемого обличительного направления в художественной литературе и значении так называемого «чистого искусства». Тогда Толстой еще признавал разделение и противоположение двух направлений в искусстве, и речь его представляла собой сжатый синтез его взглядов на искусство в то время.

В заключительной части своей речи Толстой говорил: «Словесность наша вообще не есть, как еще думают многие, перенесенная с чужой почвы детская забава, но что она стоит на своих прочных основах, отвечает на разносторонние потребности своего общества, сказала и еще имеет сказать многое, и есть серьезное сознание серьезного народа»¹.

На следующем заседании Общества, 11 февраля, по предложению Толстого был избран в действительные члены Общества А. А. Фет.

В марте Толстой ездил в Петербург, и, возвратившись в Москву 21 марта, с увлечением продолжает работу над «Семейным счастьем». В письме к А. А. Толстой он писал, что отдается работе «часов по 8 в сутки», а остальное время «слушает музыку, где есть хорошая», и ищет «хороших людей»². Боткин пишет Дружнину про Толстого, с которым нередко видался за последнее время, что Толстой находится «постоянно в каком-то нервическом состоянии». Он даже «угораздился проиграть 1500 р. в клубе на китайском биллиарде какому-то пехотному офи-

¹ Юбил. изд., т. 5, стр. 271—273.

² «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 116—117.

церу»¹. Записав об этом проигрыше в дневнике 9 апреля, Толстой спешит уехать в Ясную Поляну, но через неделю (15 апреля) возвращается опять в Москву, — «Зачем? Не знаю. Как будто забыл что-то, а не знаю что», — пишет он А. А. Толстой 15 апреля. Он сообщает ей же, что собирався даже говеть, но «в церковь ходить, и стоять слушать непонятые и непонятные молитвы, и смотреть на попа и на весь этот разнообразный народ кругом, — это мне решительно невозможно»².

В то же самое время Толстого продолжают волновать чисто литературные вопросы. В письме к Дружинину 16 апреля о только что прочитанном в № 1—4 за 1859 год «Отечественных записок» новом романе Гончарова «Обломов» Толстой писал: «Обломов — капитальнейшая вещь, какой давно, давно не было. Скажите Гончарову, что я в восторге от Обломова и перечитываю его еще раз. Но, что приятнее ему будет это, что Обломов имеет успех неслучайный, не с треском, а здоровый, капитальный и невременный в настоящей публике»³. В письме к К. С. Аксакову от 26 апреля он писал: «до такой степени загулял последнее время в Москве, что даже не мог выбрать минутки приехать к вам, любезнейший Константин Сергеевич, и извиниться перед вашим батюшкой за мою неаккуратность да и вообще приехать туда, куда мне больше всего нужно, полезно, приятно было бы приехать»⁴.

27 апреля 1859 года Толстой уехал в Ясную Поляну. После своей бурной, наполненной исканиями жизни Толстой покидает оседлую жизнь в Москве более чем на два десятка лет, на протяжении которых он время от времени наезжал в Москву сравнительно лишь на короткие сроки.

В пятой главе первой части «Анны Карениной» автор говорит о приездах в Москву из деревни Левина:

«Левин приезжал в Москву всегда взволнованный, торопливый, немножко стесненный, раздраженный этой стесненностью и большею частью с совершенно новым,

¹ «XXV лет. 1859—1884 г. Сборник Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», СПб., 1884, стр. 508.

² «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 122.

³ Опубликовано К. И. Чуковским в журнале «Звезда», 1930.

⁴ Письмо не опубликовано.

неожиданным взглядом на вещи». Этими словами Левина Толстой, несомненно, рассказывает, о собственных настроениях в свои частые поездки в Москву в молодые годы.

Известно, что Толстой приезжал в Москву 6 августа 1859 года, видался там с рядом своих знакомых и скоро возвратился домой в Ясную Поляну, где прожил около года. В следующий раз он приезжал в Москву 28 июня 1860 года, перед отъездом (30 июня) с сестрой и ее детьми за границу.

Вторая поездка Толстого за границу (1860—1861 годы) была вызвана, во-первых, обострившейся болезнью (чахоткой) его старшего брата Николая Николаевича, который и умер в Гиере, на юге Франции, на руках Льва Николаевича, во-вторых, желанием получить непосредственные впечатления от постановки народного образования в Западной Европе, чтобы, как он писал брату, «никто не смел ему в России указывать по педагогии на чужие края и чтобы быть на уровне всего, что сделано по этой части»¹.

Толстой пробыл на этот раз за границей около девяти месяцев. Он побывал в Германии, Франции, Швейцарии, Италии. В Риме видался со своими старыми друзьями Тургеневым, Анненковым, Боткиным, в Лондоне он познакомился и близко сошелся с А. И. Герценом и слушал лекцию Диккенса о воспитании.

Свои непосредственные впечатления от заграницы Толстой всегда записывал в дневнике. Так, в записях от 12(24) августа 1860 года он пишет: «Консерватизм невозможен. Нужны более общие идеи, чем идеи организмов государства — идея поэзии, и ее не уложить в Америке и в образующейся Европе»; 1(13) апреля 1861 года: «Лондон — ничего — отвращение к цивилизации». В дальнейшем, уже по возвращении на родину, Толстой развил более подробно свои резко отрицательные суждения о западноевропейской и американской капиталистической цивилизации в ряде своих произведений, в частности в своих педагогических статьях 60-х годов.

¹ Письмо к С. Н. Толстому от 17 февраля (1 марта) 1861 г. Н. Н. Гусев — «Летопись», стр. 124.

Приехав в Москву из заграничной поездки 23 апреля 1861 года, Толстой остановился в гостинице Чельшева на Театральной площади («Метрополь»). В первую же ночь он отправился к пасхальной заутрене в домовую церковь «Вдовьего дома» на Кудринской площади (площадь Восстания, дом № 1 на углу Садовой улицы, отстроенный после пожара 1812 года академиком Джильярди и сохранившийся до наших дней). Заутреню эту в дневнике и в письме к А. А. Толстой он иронически назвал «раутом». Есть об этом также упоминание в «Анне Карениной» (ч. 2, гл. XXXIII).

В этот свой приезд в Москву Толстой был на вечере у Сушковых, видался с профессором русского права Ф. М. Дмитриевым, про которого записал в дневнике: «умен, спокоен»; со старым своим приятелем А. М. Жемчужниковым и М. Н. Катковым, причем в дневнике 25 апреля 1861 года отметил: «Катков настолько ограничен, что как раз годится для публики».

Пробыв в Москве неделю с небольшим, Толстой в первых числах мая возвратился в Ясную Поляну, где возобновил занятия в своих школах. В то же самое время, получив назначение на должность мирового посредника 1-го участка Крапивенского уезда, Тульской губернии, он с энтузиазмом отдается практической работе в деле освобождения крестьян. Своей деятельностью на этом поприще он вскоре вызывает недовольство со стороны местного дворянства, так как в спорах между дворянами и крестьянами принципиально всегда становился на сторону крестьян. На Толстого тульские дворяне подают ряд жалоб, и в конце концов добиваются (в апреле 1862 года) его ухода¹.

Осенью 1861 года Толстой несколько раз приезжал в Москву, первый раз — 22 сентября на два-три дня. Известно, что в этот приезд он был у Берсов в Кремле, затем у своего хорошего знакомого — профессора и педагогического деятеля Тверской губернии С. А. Рачинского,

¹ См. И. Владимиров. К истории деятельности Толстого как мирового посредника. «Литературное наследство», № 37—38, стр. 701.

где застал сборище молодых профессоров, в числе их — своего приятеля Б. Н. Чичерина. Позднее (10 февраля 1862 года) он писал об этой поездке: «был в Москве и ожил, принялся за работу, неестественно усиленную и до нового года находился в этом состоянии»¹.

12 октября 1861 года, в отсутствие Толстого, в Московском комитете грамотности был заслушан доклад председателя этого Комитета С. С. Лошкарева о состоянии яснополянских школ. На этом же заседании Толстой был заочно избран членом Московского комитета грамотности².

В конце ноября 1861 года Толстой приезжал в Москву для переговоров с Катковым о печатании в «Русском вестнике» уже законченной повести «Казачи».

В начале 1862 года Толстой прожил в Москве более месяца — от первых чисел января до 10 февраля. Это пребывание его в Москве было вызвано хлопотами на разрешение издания нового педагогического журнала «Ясная Поляна». Первый номер «Ясной Поляны» вышел в Москве 5 февраля 1862 года, о чем на следующий же день Толстой сообщил Н. Г. Чернышевскому, прося его дать отзыв о журнале. Этот «журнал и все дело,—писал Толстой Чернышевскому,—составляет для меня все»³. Как известно, Чернышевский в № 3 «Современника» за 1862 год напечатал резкий отзыв о журнале Толстого «Ясная Поляна»⁴.

26 января 1862 года из Москвы Толстой написал письмо В. П. Боткину о своей посреднической и педагогической деятельности, в котором высказывал мысль, что «Покуда не будет большего равенства образования — не бывать и лучшему государственному устройству». Он считал, что самое существенное им сделано: в его «участке на 9000 душ в нынешнюю осень возникли 21 школа и, возникши совершенно свободно, устоят, несмотря ни на какие превратности»⁵.

В упоминавшемся уже письме к А. А. Толстой из

¹ «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 159.

² Н. Н. Гусев. Летопись, стр. 135.

³ Юбил. изд., т. 8, стр. 559.

⁴ Там же.

⁵ Письмо опубликовано полностью в сборнике «Толстой. Памятники творчества и жизни», IV, стр. 81—82.

Москвы от 10 февраля он писал: «Дела у меня пропасть и по посредничеству, и по школе, и по журналу, и по роману» («Казачи») ¹.

Освободившись от посредничества, чтобы поправить расшатанное напряженной и нервной работой здоровье, по совету врачей, Л. Н. Толстой, захватив с собой двух яснополянских ребят — своих учеников, отправился на кумыс в самарские степи. 12 мая они выехали из Тулы на лошадях и 13-го приехали в Москву.

В Москве Толстой видался с Берсами, С. Т. Аксаковым и Катковым, у которого в типографии «Русского вестника» печатался журнал «Ясная Поляна».

19 мая Толстой со своими спутниками уехал из Москвы в Самарскую губернию по Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороге через Тверь (ныне Калинин).

Пробыв на кумысе два месяца и значительно поправившись, Толстой возвратился в Москву 21 июня. В Москве он узнал, что в его отсутствие в Ясной Поляне 6—7 июля 1862 года был произведен полицией и жандармерией обыск, вызванный его деятельностью по открытию школ в Крапивенском уезде. Обыск крайне оскорбил и возмутил Толстого. Он тут же написал А. А. Толстой, состоявшей фрейлиной при петербургском дворе, негодующее письмо-протест против ее друзей, «этих разбойников с вымытыми душистым мылом щеками и руками, которые приветливо улыбаются», и заканчивает письмо словами: «Я, право, уйду, коли еще поживу долго», чтобы «не видеть всю мерзость житейского разврата — напыщенного, самодовольного и в эполетах и кринолинах. — Тьфу. — Как вы, отличный человек, живете в Петербурге! Этого я никогда не пойму, или у вас уж катаракты на глазах, что вы не видите ничего» ².

24 июля Толстой уехал из Москвы в Ясную Поляну.

9.

Через месяц он вновь появляется в Москве, на этот раз не один, а с сестрой Марьей Николаевной и с семейством друга ее детства Любви Александровны Берс, ко-

¹ «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 159.

² Опубликовано полностью в книге «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 162—163.

торая с тремя дочерьми и с сыном заезжала в Ясную Поляну. Толстой поехал с ними вместе на лошадях в Москву.

На следующий день Берсы переехали из своей квартиры в Кремле на дачу в Покровское, а Толстой нанял себе квартиру у «немца-сапожника»¹. Вполне вероятно, что именно ко времени проживания Толстого у этого сапожника относится его запись в дневнике 29 августа 1862 года: «Вейсберг, рассказ о обманах работников, о Пироне и обманах Kunde (покупателя)»².

Со своей квартиры Толстой почти ежедневно ходил пешком к Берсам в Покровское-Стрешнево и обратно в Москву. 23 августа он «любовался маневрами», которые происходили на Ходынском поле в присутствии Александра II, и подал царю через флигель-адъютанта гр. С. А. Шереметева в Петровском дворце письмо с протестом против произведенного в Ясной Поляне обыска.

Младшая сестра С. А. Толстой — Т. А. Берс в своих воспоминаниях передает рассказ Толстого об этих маневрах: «Манёвры, — говорил Лев Николаевич, — перенесли меня в эпоху моей военной жизни на Кавказе. Как значительно все это казалось тогда. Но и теперь, должен сознаться, когда... военный оркестр заиграл марш... я почувствовал прилив чего-то торжественного. У меня защеколело в носу, в горле стояли слезы. Общий подъем духа сообщился и мне»³.

Вполне вероятно, что собственные впечатления Толстого, полученные от этого парада, и обстоятельства передачи своего письма царю через Шереметева послужили материалом при описании в «Войне и мире» смотра войск Александром I в Тильзите и передачи ему Николаем Ростовым через генерала прошения о Денисове⁴.

В Москве Толстой в это время видался с М. Н. Катковым, с которым его связывали деловые отношения по

¹ «Дневники С. А. Толстой, 1860—1891», изд. Сабашниковых, М., 1928, стр. 18.

² М. М. Пироне был владельцем известной в Москве сапожной мастерской на Тверской, в доме Толмачева, на углу проезда Художественного театра и улицы Горького.

³ Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. изд. Сабашниковых, М., 1925, стр. 127.

⁴ «Война и мир», т. 2, ч. 2, гл. XX.

печатанию журнала «Ясная Поляна» и повести «Казачи», с М. П. Погодиным, о котором он записал в дневнике 25 августа 1862 года: «Погодин — славная старость и жизнь», с поэтом А. А. Плещеевым, с А. С. Сувориным, с профессорами Н. М. Поповым и И. К. Бапстом, со своим севастопольским сослуживцем генералом А. Н. Крыжановским, которого он просил «позаботиться об участии» его письма к Александру II, и с рядом других лиц. Толстой в этот приезд попрежнему часто бывал у Сушковых, у своих старинных друзей Перфильевых, у А. Ф. Тютчевой в «Нескучном», состоявшей тогда при «дворе» и приехавшей вместе с царской семьей в Москву. Об этом посещении Тютчевых в «Нескучном» Толстой писал в дневнике от 28 августа 1862 года: «приятный вечер у Тютчевых. Сегодня успокоительная ночь». Из дневника Толстого этого времени известно, что 24 августа вечером он был в Большом театре и смотрел балет А. Адана «Жизель». В заглавной роли танцевала балерина Собошанская. В дневнике Толстой пометил: «В театре не мог высидеть балета, а царь каждый день».

В Москве в августе и сентябре Толстой ежедневно вел свой дневник, в который записывал волнуемое его разрастающееся чувство к своей невесте С. А. Берс. После долгих колебаний 9 сентября он написал ей письмо, в котором высказывал свои сомнения относительно возможности любви к нему с ее стороны. Но письма этого не отправил, а передал его уже после свадьбы¹. Вместо этого письма он написал 14 сентября новое, в котором делал формальное предложение², и лично передал его своей невесте 15 сентября вечером и тут же получил согласие³.

23 сентября 1862 года в Кремле, в дворцовой церкви состоялось венчание Л. Н. Толстого с С. А. Берс.

В тот же день, после свадьбы, молодые в почтовой карете отбыли в Ясную Поляну.

¹ См. Юбил. изд., т. 83, стр. 3—4.

² Там же, стр. 16—17.

³ Подробнее об этом см. «Дневник Толстого. 1862 г.» и «Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860—1891». «Женитьба Л. Н. Толстого», изд. Сабашниковых, М., 1928, стр. 21—23.

Женитьба Толстого и чувства, его тогда волновавшие, нашли свое художественное отражение в описании свадьбы Левина в романе «Анна Каренина».

Несмотря на бурно захватившие Толстого личные переживания, он не только не оставлял литературной работы, но, живя в Москве в течение месяца перед свадьбой, продолжал с увлечением заниматься педагогическими статьями. В них он высказывал свои определившиеся взгляды на казавшийся ему чуждым для русского народа идущий с запада капиталистический «прогресс». В статье «Прогресс и определение образования», начатой в Москве в августе 1862 года, он писал:

«Самые добросовестные политические деятели, веровавшие в прогресс равенства и свободы, разве не убедились и не убеждаются каждый день, что в древней Греции и Риме было более свободы и равенства, чем в новой Англии с китайскими и индийскими войнами, в новой Франции с двумя Бонапартами, и в самой новой Америке с ожесточенной войной за право рабства?..

Прогресс книгопечатания, как и прогресс электрических телеграфов, есть монополия известного класса общества, выгодная только для людей этого класса, которые под словом прогресс разумеют свою личную выгоду, вследствие того всегда противоречащую выгоде народа...

Я полагаю, что эти люди, называемые дикими, и целые поколения этих диких суть точно такие же люди и точно такое же человечество, как Пальмерстоны, Оттоны, Бонапарты. Я полагаю, что поколения работников носят в себе точно такие же человеческие свойства искать где лучше, как рыба где глубже, — как и поколения лордов, баронов, профессоров, банкиров и т. д. В этой мысли подтверждает и мое личное... убеждение, состоящее в том, что в поколениях работников лежит и больше силы, и больше сознания правды и добра, чем в поколениях баронов, банкиров и профессоров... И потому я должен склониться на сторону народа...»¹

¹ Юбил. изд., т. 8, стр. 334, 342 и 345.

III. ПОСЛЕ ЖЕНИТЬБЫ ДО 1881 ГОДА

1.

23 декабря Л. Н. Толстой со своей молодой женой приехал в Москву на святки. Толстые остановились на этот раз в гостинице Шеврие (бывш. Шевалье) в Газетном переулке, хорошо знакомой Толстому по его холостой жизни. «Друзья, знакомые Льва Николаевича постоянно навещают их, и жизнь Толстых сложилась в Москве вполне городской и светской... Они часто ездили в концерты и театры, музеи... Он только что отдал в печать свои две повести: «Казачи» и «Поликушку», как уже в нем зарождалось новое семя творчества. Он задумал писать «Декабристов». Он идеализировал их и вообще любил эту эпоху», — пишет в своих воспоминаниях Т. А. Кузминская¹. Сам Толстой записал в дневник 30 декабря 1862 года, что у него «пропасть мыслей, так и хочется писать», и дальше добавляет: «Я вырос ужасно большой».

Т. А. Кузминская в своих воспоминаниях сообщает, что на Рождестве она присутствовала на «Литературном обеде» у Толстых, где были Фет, Григорович и Островский. «Фет острял, как всегда, Лев Николаевич вторил ему. Всякий пустяк вызывал смех». Григорович говорил, что когда он пишет и бывает недоволен собой, на него нападает бессоница. Фет продекламировал по этому

¹ «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», I, стр. 151—153.

поводу свои новые стихи «Бессонница». Островский «хваля особенно игру Садовского и Акимову»¹.

27 декабря Толстой с женой был в театре.

В первых числах января 1863 года в Кремле у Берсов он читал свой новый рассказ «Поликушка»; 8 января поехал в Московское губернское по воинским делам присутствие, чтобы наблюдать прием новобранцев. Заседания присутствия тогда происходили в Московской городской думе, помещавшейся на Никольской улице.

15 января 1863 года, начиная в Москве новую тетрадь дневника, Толстой писал: «А нового ничего нет. Я всё тот же. Также доволен часто собой и также твёрдо вею в себя и жду от себя... Ещё бы я не был счастлив! Все условия счастья совпали для меня. Одного часто мне недостает (всё это время) — сознания, что я сделал всё, что должен был, для того, чтобы вполне наслаждаться тем, что мне дано, и отдать другим всему², своим трудом за то, что они мне дали».

23 января он записал в дневнике, что давно не помнит «в себе такого сильного желания и спокойно-самоуверенного-желания писать». Вечером 23 января был в Малом театре на второй постановке драмы Островского «Грех да беда на кого не живет». Исполнителями были: Шумский, П. М. Садовский, Акимова, Живокини и другие. По поводу этого спектакля Толстой записал в дневнике: «Я никогда не испытывал более сильного и ни одной фальшивой нотой не нарушенного впечатления».

7 февраля 1863 года Толстой с женой уехал из Москвы в Ясную Поляну. 28 июня в Ясной Поляне родился старший сын Толстого — Сергей Львович Толстой, скончавшийся в Москве 23 декабря 1947 года.

В начале 1860 года Толстой был захвачен творческим замыслом — написать большое художественно-историческое произведение, в котором отразилась бы жизнь и крупнейшие события нашей Родины в период времени с 1805 по 1856 год. На протяжении двух с половиной лет — с конца 1860 до начала 1863 года — он несколько раз приступал к задуманной работе и в конце концов, в про-

¹ «Моя жизнь дома и в Ясной Поляне», I, стр. 154.

² Так в подлиннике.

цессе дальнейших творческих трудов, Толстой создал свою народно-историческую эпопею «Война и мир». Совершенно точно установлено, что зародышем «Войны и мира» являются первые три главы незавершенной повести «Декабристы».

Главы эти посвящены возвращению в Москву освобожденного из сибирской ссылки старика-декабриста П. И. Лабазова (прототипом которого был декабрист кн. С. Г. Волконский). В них описывается патриотическое настроение московского общества в 1856 году после Севастопольской кампании, соответствующее настроению только что возвратившемуся оттуда самого автора; описывается Москва такой, какой она стала в 1856 году, и такой, какой была, по воспоминаниям Лабазова, 35 лет назад. Приехав в Москву, Лабазов собирается в баню и интересуется, сохранились ли бани у Каменного моста, которые были в дни его молодости; приводятся описания московских улиц: Кузнецкого моста, Газетного переуллка, гостиницы и ресторана Шевалье и Английского клуба.

Глава третья «Декабристов» начинается строками, посвященными Москве.

«Москва-то, Москва-то, матушка белокаменная, — сказал Петр Иваныч, протирая утром глаза и прислушиваясь к звону колоколов, стоявшему над Газетным переулком.

Ничто так живо не воскрешает прошедшего, как звуки; и эти колокольные московские звуки, соединенные с видом белой стены из окна и стуком колес, так живо напомнили ему не только ту Москву, которую он знал 35 лет тому назад, но и ту Москву с Кремлем, теремами, Иванами и т. д., которую он носил в своем сердце, что он почувствовал детскую радость того, что он Русский и что он в Москве»¹.

Начав писать «Декабристов», Толстой невольно перешел к времени, им предшествовавшему, и остановился на годах войн с Наполеоном. О своих намерениях и о своем творческом вдохновении он писал осенью 1863 года А. А. Толстой:

«Я никогда не чувствовал свои умственные и даже все нравственные силы столько свободными и столько спо-

¹ Юбил. изд., т. 17, стр. 26—27.

собными к работе. И работа эта есть у меня. Работа эта — роман из времени 1810 и 20-х годов, который занимает меня вполне с осени... Я теперь писатель всеми силами своей души, и пишу и обдумываю, как я еще никогда не писал и не обдумывал»¹.

В начале декабря 1863 года Толстой с женой приехал в Москву на неделю. Остановившись в Кремле у Берсов, он посещал библиотеки, перевидал своих друзей: Аксакова, Жемчужникова, Фета, Григоровича и других. 4 декабря ходил к М. П. Погодину за историческими материалами, относящимися к началу XIX века.

В первых числах февраля 1864 года Толстой был в Москве с целью переговоров о постановке в Малом театре его новой комедии «Зараженное семейство». Он читал комедию Островскому, который раскритиковал и забраковал ее. Тем не менее Толстой передал рукопись В. А. Соллогубу, взявшемуся хлопотать в цензурном комитете и в театральной дирекции о разрешении постановки «Зараженного семейства». Комедия поставлена не была, и Толстой скоро забыл о ней.

11 февраля Толстой провел вечер у А. И. Кошелева с И. С. Аксаковым, П. И. Бартеневым и М. П. Погодиным. 20 февраля уехал из Москвы обратно в Ясную Поляну, после чего приезжал в Москву в начале сентября на один день, сопровождая уезжавшую из Ясной Поляны Г. А. Берс.

26 сентября 1864 года на охоте в Ясной Поляне Толстой, упав с лошади, вывихнул и сломал правую руку. Тульские врачи неудачно вправили руку, и она срослась неправильно. Для лечения он приезжал в Москву 21 ноября и остановился в Кремле у Берсов. Как раз в это время Толстой находился в разгаре своей творческой работы над «Войной и миром», которая тогда еще называлась романом «1805 год».

Несмотря на мучившую его больную руку, Толстой не прерывал напряженной работы над романом. Он не только собирал материалы в архивах, музеях, библиотеках, книжных лавках, изучал их и слушал устные рассказы о 1812 годе, еще сохранившиеся в памяти у многих, осматривал дворцы, Грановитую палату в Кремле, но и писал

¹ «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 192.

роман или диктовал его семейным, главным образом сестрам Т. А. и Е. А. Берс. Рассказывая об этом, Т. А. Кузминская пишет: «Я как сейчас вижу его: с сосредоточенным выражением лица, поддерживая одной рукой свою больную руку, он ходил взад и вперед по комнате, диктуя мне. Не обращая на меня никакого внимания, он говорил вслух:

— Нет, пошло, не годится.

Или просто говорил:

— Вычеркни.

Тон его был повелительный, в голосе его слышалось нетерпение, и часто, диктуя, он до трех, четырех раз изменял то же самое место. Иногда диктовал он тихо, плавно, как будто что-то заученное, но это бывало реже, и тогда выражение его лица становилось спокойное. Диктовал он тоже страшно порывисто и спеша. У меня бывало чувство, что я делаю что-то нескромное, что я делаю невольной свидетельницей внутреннего его мира, скрытого от меня и от всех. Мне припомнились слова его, написанные в одной из педагогических статей по поводу совокупного сочинения учеников школы Ясной Поляны. Он пишет о себе: «Мне казалось, что я подсмотрел то, что никто никогда не имел права видеть: зарождение таинственного цветка поэзии»¹.

27 ноября Л. Н. Толстой передал в Москве для напечатания в редакцию журнала «Русский вестник» первые две части (38 глав) романа «1805 год». В начале декабря он читал первые шесть глав А. М. Жемчужникову и И. С. Аксакову. Он писал в тот же вечер жене, что «им обоим, особенно Жемчужникову, чрезвычайно понравилось. Они говорят: прелестно. А я и рад, и веселей писать дальше. Опасно, когда не похвалят или наврут, а за то полезно, когда чувствуешь, что произвел сильное впечатление»².

Перед отъездом он вторично читал первые главы «1805 года» у Перфильевых. Это чтение подробно описала присутствовавшая на нем Т. А. Берс в своем письме к Поливанову: «Я прямо чувствовала, как он тащил нас

¹ Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. III, стр. 20—21.

² Юбил. изд., т. 83, стр. 93.

всех за собой на высоту. И мне хотелось закричать: «Лечу, лечу», — писала она¹.

Первые 38 глав «Войны и мира» под заглавием «1805 год» впервые появились в печати в Москве, в журнале «Русский вестник» 6 февраля 1865 года.

Несмотря на свою болезнь и напряженную творческую работу над «Войной и миром», Толстой в Москве в эту осень постоянно ездил в театры. В Малом театре он дважды (24 ноября и 3 декабря) смотрел новую комедию Островского «Шутники», в которой участвовали: Акимова, Васильева, Никулина, Вильде, Живокини, Рассказов, Садовский, Шумский, Степанов; драму Н. И. и Н. Ю. Куликовых «Семейные рассказы» (25 ноября); в Большом театре 27 ноября слушал оперу Россини «Зора» («Моисей») в исполнении итальянской труппы, 6 декабря — оперу Глинки «Жизнь за царя» («Иван Сусанин») и 9 декабря — оперу Россини «Вильгельм Телль».

28 ноября 1864 года хирурги А. П. Попов и Ф. Ф. Гаак под хлороформом произвели операцию Толстому: сломали неправильно сросшуюся кость и вправили ее вновь.

2.

Около 13 декабря Толстой уехал из Москвы в Ясную Поляну, где в течение всего 1865 года продолжал сосредоточенно работать над созданием «Войны и мира» и не возвращался в Москву более года.

В первой половине января 1866 года он приезжал в Москву на два-три дня, чтобы нанять и приготовить квартиру для своей семьи.

21 января 1866 года Л. Н. Толстой со всем своим семейством, состоявшим тогда из жены и двоих детей, приехал в Москву и остановился сначала (до 3 февраля) в Кремле у Берсов.

В письме к своему постоянному корреспонденту А. А. Толстой 4 февраля он писал: «Я приехал в Москву со всем семейством, главное для того, чтобы жена могла показать своих детей своим родным... А я воспользовался этим случаем, чтобы оживить в себе воспоминание о свете

¹ Т. А. Кузминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. III, стр. 23—25.

и о людях, которое становилось во мне слишком отвлеченным... В уединении делаешься слишком строг, в свете слишком *tolérant* (терпимым). А мне нужно более или менее верно судить людей, потому что я их стараюсь описывать»¹.

В тот же день в письме к Т. А. Ергольской в Ясную Поляну Толстой писал, что они «вчера переехали в новую квартиру на Дмитровке, в доме Хлудова, бельэтаж в 6 комнат, прекрасно меблированных, с дровами, самоварами, водой и всей посудой, серебром и бельем столовым за 155 р. в месяц» (в настоящее время—Пушкинская улица, дом № 7).

В Москве Толстой вернулся к своему излюбленному занятию — гимнастике, посещая гимнастический зал Пуаре на Большой Дмитровке. Кроме того, он начал ходить в Школу живописи, ваяния и зодчества на Мясницкую улицу (ныне улица Кирова, дом № 21), где в скульптурном классе брал уроки у художника Рамазанова, а дома лепил статуэтку лошади из красной глины².

На квартире Толстого собирались знакомые, которым он читал новые главы «Войны и мира». Продолжая работать в Москве над романом, он постоянно посещал библиотеки, где читал исторические материалы. После месяца жизни в Москве Толстой с семейством возвратился в Ясную Поляну 6 марта. В следующий раз он был в Москве с 10 до 18 ноября и останавливался в Кремле у Берсов.

13 ноября утром Толстой был в Зоологическом саду на выставке сельскохозяйственного скота, где собирался купить для яснополянского хозяйства породистых телок.

Видимо, это свое посещение выставки в Зоологическом саду он вспомнил, работая потом над «Анной Карениной». Один из не вошедших в текст черновики начинается описанием «выставки скота» в Зоологическом саду. На выставке появляется Левин, приехавший из деревни, тогда еще называвшийся Ордынцевым³.

¹ «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 220.

² «Дневники С. А. Толстой. 1860—1891», изд. Сабашниковых, М., 1928, стр. 93. Т. А. Кузминская. *Моя жизнь дома и в Ясной Поляне*, III, стр. 99.

³ См. Юбил. изд., т. 20, вариант № 5, стр. 52—58.

В тот же день Толстой посетил выставку картин «Общества любителей художеств» на Тверском бульваре, где ему понравилась картина художника В. В. Пукирева «Мастерская художника», находящаяся в настоящее время в Третьяковской галлерее. После этого он заходил на Петровку к Ржевскому — владельцу молочной фермы под Москвой, который имел магазин на Петровке и киоск на Страстном бульваре¹.

Вечером он отправился в Большой театр на оперу Гуно «Фауст», но, не досидев и первого акта, ушел к Сушковым. «Там все как 15 лет тому назад, и так же гости», — писал 14 ноября Толстой жене². Хозяева и жившая у них Е. Ф. Тютчева очень просили Толстого прочитать у них что-нибудь из «1805 года», но он отказался, так как осталось мало времени до отъезда из Москвы.

15 ноября с утра до 3 часов дня Толстой читал в Румянцевском музее масонские рукописи для своего романа, которые нагоняли на него тоску, от которой он не мог избавиться весь день. «Грустно, что все эти масоны были дураки», — писал он в этот день жене³. В Москве Толстой часто видался с художником М. С. Башиловым, который взялся делать рисунки для отдельного издания «1805 года». Издание это не состоялось, а сохранившиеся иллюстрации «Войны и мира», сделанные и одобренные Толстым, хранятся теперь в Москве, в Государственном музее Л. Н. Толстого.

18 ноября 1866 года в 5 часов вечера Толстой отправился в первый раз по железной дороге в Ясную Поляну. Это был второй день движения пассажирских поездов по Московско-Курской железной дороге на участке Москва — Серпухов.

19 марта 1867 года Толстой экстренно приехал в Москву на похороны Д. А. Дьяковой — жены своего друга. Он провожал гроб на Пятницкое кладбище за Крестовской заставой.

20 марта у Берсов в Кремле, где остановился Толстой, обедал И. С. Тургенев, но с Толстым он не видался.

¹ Юбил. изд., т. 83, стр. 124.

² Там же, стр. 127.

³ Там же, стр. 129.

23 марта в форме письма к Н. Ф. Лаврову написано условие на печатание «Войны и мира» в Москве в типографии Каткова. В этом письме впервые появляется заглавие «Война и мир»: Толстой зачеркнул написанное сначала заглавие «1805 год» и собственноручно написал: «Война и мир».

23 марта Толстой выехал из Москвы в Ясную Поляну, где продолжал напряженно работать над «Войной и миром».

В 1867 году он на короткие сроки был в Москве еще пять раз: 17—24 июня, 30—31 июля, 23—29 сентября, 7—10 ноября и 27—29 декабря. Эти поездки Толстого в Москву были вызваны, главным образом, вопросами печатания «Войны и мира», а также личными семейными делами. Он останавливался всякий раз у Берсов в их кремлевской квартире. Между прочим, в письме к жене Толстой писал, что, возвращаясь 20 июня с ее старшей сестрой Е. А. Берс с их дачи, они зашли в «освященный сад Сакса» в Петровском парке «и, обойдя этот сад со свойственной этим увеселительным местам скукой, вышли оттуда через 5 минут»¹.

Работая над «Войной и миром», Толстой считал необходимым лично посмотреть те места, где происходило знаменитое Бородинское сражение 26 августа (7 сентября) 1812 года.

С этой целью 23 сентября 1867 года он прибыл в Москву и через день, 25 сентября, вместе с 12-летним шурином Степаном Берсом в 5 часов вечера, на почтовых, через Можайск, отправился в Бородино. Ехали всю ночь, «соснул поутру на станции», — писал он 27 сентября С. А. Толстой². 26-го целый день он осматривал поле сражения под Бородином и окрестности и делал свои заметки. Среди черновиков и бумаг, относящихся к «Войне и миру», имеется собственноручно набросанный Толстым на месте план Бородинского сражения.

С 26 на 27 сентября Толстой со своим спутником ночевал в монастырской гостинице близ деревни Семеновской, где вдова убитого там в 1812 году генерала Туч-

¹ Юбил. изд., т. 83, стр. 143.

² Там же, стр. 152—153.

кова основала в 1828 году Спасо-Бородинский женский монастырь. Встав на заре, 27 сентября Толстой еще раз объехал и осмотрел Бородинское поле и отправился обратно в Москву.

В письме к С. А. Толстой от 27 сентября Лев Николаевич писал: «Сейчас приехал из Бородина. Я очень доволен, очень, — свой поездкой и даже тем, как я перенес ее, несмотря на отсутствие сна и еды порядочной. Только бы дал бог здоровья и спокойствия, а я напишу такое бородинское сражение, какого еще не было»¹.

27 декабря Толстой был вызван в Москву телеграммой по случаю удара, произошедшего у его тестя А. Е. Берса. Видался в Москве с П. И. Бартеневым и был на рождественской елке в Кокоревском подворье, на Софийской набережной, у жившей там с детьми сестры Марии Николаевны.

14 февраля 1868 года Толстой со всей семьей из Ясной Поляны переехал в Москву в нанятую квартиру в особняке на Средней Кисловке, где продолжал усиленно работать над «Войной и миром».

3.

В романе «Война и мир» много страниц Толстой посвятил как самой Москве, так и жизни, быту разных слоев ее населения в первые годы XIX столетия, начиная с помещицкой знати и до низших слоев населения — мастеровых, торгового люда и прочих. Он приводит картины пожара и разрушения Москвы в 1812 году и пишет о ее восстановлении энтузиазмом русских людей.

Перед нами встают волнующие картины Москвы той эпохи, встают так, как будто мы сами в действительности переживали всё, что творилось в нашей столице 135 лет назад.

С глубоким проникновением в прошлое описываются Кремль и хорошо знакомые москвичам многие районы, улицы, переулки и дома Москвы. При этом воссоздаются они не только на основании собственного, личного знания автора и его творческих представлений, но и на основании глубокого документального материала.

¹ Юбил. изд., т. 83, стр. 152—153.

Из домов и старых барских усадеб Москвы, упоминаемых в романе, прежде всего следует остановиться на «большом, всей Москве известном доме графини Ростовой на Поварской»¹, к жизни которого автор не раз возвращается на протяжении всего романа. Среди москвичей широко распространилось представление, имеющее за собою основание, что автор «Войны и мира» говорит про дом № 52 с большим двором на теперешней улице Воровского, где ныне помещается Союз советских писателей. Эта старинная барская усадьба ранее принадлежала роду бояр Колычевых, потом перешла к барону Боду и далее по наследству к Соллогубам.

Много раз упоминается в «Войне и мире» Английский клуб, в котором часто бывал Толстой в дни своей молодости. В Английском клубе 3 марта 1806 года был дан москвичами торжественный обед герою Шенгробена генералу П. И. Багратиону, так красочно описанный Толстым. В те времена Английский клуб находился в доме кн. Гагарина на Страстном (Нарышкинском) бульваре у Петровских ворот, где теперь помещается Хирургическая клиника Московского университета, а до того — Ново-Екатерининская больница. Дом этот, с переделками сохранившийся до сих пор, был выстроен зодчим Казаковым в 1775 году. После пожара Москвы в 1812 году Английский клуб был перенесен на Тверскую (ныне улица Горького, дом № 21), где теперь Музей Революции. Из районов Москвы в «Войне и мире», кроме Кремля и Красной площади, упоминаются несколько раз Сокольники, Яузский мост, Девичье поле, Подновинское и особенно часто Арбат с прилегающей к нему Староконюшенной улицей (переулки по Арбату налево от Арбатской площади) и ряд других районов.

В Сокольниках было выбрано «место для поединка» между Пьером Безуховым и Долоховым в марте 1806 года, «шагах в 80-ти от дороги, на которой остались сани, на небольшой полянке соснового леса, покрытой истаявшим от стоявших последние дни оттепелей снегом»².

В Сокольники, в свой загородный дом, бросается после казни Верещагина, растерявшийся гр. Ростопчин

¹ «Война и мир», т. I, ч. I, гл. VII (Юбил. изд., т. 9, стр. 43).

² «Война и мир», т. II, ч. I, гл. IV (Юбил. изд., т. 10, стр. 25).

перед вступлением в Москву французов; он велит открыть двери «Желтого дома» и выпустить сумасшедших; освободившись, они преследовали его по Сокольничьему полю. Ростопчин спешит к Яузскому мосту на свидание с главнокомандующим Кутузовым¹.

После своего первого объяснения с Наташей, зимой, в начале 1812 года, взволнованный Пьер Безухов возвращается домой: «Было морозно и ясно. Над грязными, полутемными улицами, над черными крышами стояло темное, звездное небо... При въезде на Арбатскую площадь, огромное пространство звездного темного неба открылось глазам Пьера. Почти в середине этого неба, над Пречистенским бульваром, окруженная, обсыпанная со всех сторон звездами, но отличаясь от всех близостью к земле, белым светом и длинным, поднятым кверху хвостом, стояла огромная яркая комета 1812-го года, та самая комета, которая предвещала, как говорили, всякие ужасы и конец света... Пьер... смотрел на эту светлую звезду, которая, как будто, с невыразимой быстротой пролетев неизмеримые пространства по параболической линии, вдруг, как вонзившаяся стрела в землю, вцепилась тут в одно избранное ею место на чёрном небе и остановилась, энергично подняв кверху хвост, светясь и играя своим белым светом между бесчисленными, другими мерцающими звездами...»²

В главе, в которой описывается Наполеон на Поклонной горе, Толстой пишет о Москве: «Блеск утра был волшебный. Москва с Поклонной горы расстилалась просторно с своею рекой, своими садами и церквями и, казалось, жила своею жизнью, трепеща, как звезды, своими куполами в лучах солнца... Наполеон с Поклонной горы видел трепетанье жизни в городе и чувствовал как бы дыханье этого большого и красивого тела.

Всякий русский человек, глядя на Москву, чувствует, что она мать; всякий иностранец, глядя на нее и не зная ее материнского значения, должен чувствовать женственный характер этого города»³. «Москва между тем была

¹ «Война и мир», т. III, ч. 3, гл. XXV.

² «Война и мир», т. II, ч. 5, гл. XXII (Юбил. изд., т. 10, стр. 374—375).

³ «Война и мир», т. III, ч. 3, гл. XIX, изд. 1869 и 1886 гг.

пуста. В ней были еще люди, в ней оставалась еще пятидесята часть всех бывших прежде жителей, но она была пуста. Она была пуста, как пуст бывает домирающий, обезматочивший улей...»¹

«Русские войска проходили через Москву с двух часов ночи и до двух часов дня и увлекали за собой последние уезжавших жителей и раненых. Самая большая давка во время движения войск происходила на мостах Каменном, Москворецком и Яузском»².

«Москва горела уже с разных сторон. Горели в одно и то же время Каретный ряд, Замоскворечье, Гостиный двор, Поварская, бараки на Москве-реке и дровяной рынок у Дорогомиловского моста...»³

«Москва должна была сгореть, как должна сгореть каждая деревня, всякий дом, из которого выйдут хозяева, и в который пустят хозяйничать и варить себе кашу чужих людей. Москва сожжена жителями, это правда; но не теми жителями, которые оставались в ней, а теми, которые выехали из нее. Москва, занятая неприятелем, не осталась цела, как Берлин, Вена и другие города, только вследствие того, что жители ее не подносили хлеба-соли и ключей французам, а выехали из нее»⁴.

По Арбату через Дорогомиловскую заставу шли первые французские войска, вступающие в Москву под начальством Мюрата. «Около середины Арбата, близ Николы Явленного, Мюрат остановился, ожидая известия от передового отряда...

Артиллерия на рысях выехала из-за колонны, шедшей за Мюратом, и поехала по Арбату. Спустившись до конца Вздвиженки, артиллерия остановилась и выстроилась на площади...

В Кремле раздавался благовест к вечерне, и этот звон смущал французов. Они предполагали, что это был призыв к оружию. Несколько человек пехотных солдат побежали к Кутафьевским воротам. В воротах лежали бревна и тесовые щиты...

¹ «Война и мир», т. III, ч. 3, гл. XX, изд. 1869 и 1886 гг.

² «Война и мир», т. III, ч. 3, гл. XXI (Юбил. изд., т. II, стр. 332).

³ Там же, гл. XXXIII, стр. 390.

⁴ «Война и мир», т. III, ч. 3, гл. XXVI (Юбил. изд., т. II, стр. 358).

Несколько мгновений после того, как затихли перека-ты выстрелов по каменному Кремлю, странный звук слышался над головами французов. Огромная стая галок поднялась над стенами и, каркая и шумя тысячами крыл, закружилась в воздухе...

...Мюрату было доложено, что путь расчищен. Французы вошли в ворота и стали размещаться лагерем на Сенатской площади. Солдаты выкидывали стулья из окон Сената и раскладывали огни.

Другие отряды проходили через Кремль и размещались на Моросейке, Лубянке, Покровке. Третьи еще размещались по Воздвиженке, Знаменке, Никольской, Тверской...

В Каретном ряду оставались лавки с экипажами и генералы толпились там, выбирая коляски и кареты¹.

В последнем томе «Войны и мира»² рассказывается, что когда «на четвертый день пожары начались по Зубовскому валу, Пьера с 13-ю другими отвели на Крымский Брод³, в каретный сарай купеческого дома».

8 сентября пленников повели на Девичье поле. «Огня пожаров нигде не было видно, но со всех сторон поднимались столбы дыма, и вся Москва, всё, что только мог видеть Пьер, было одно пожарище. Со всех сторон виднелись пустыри, с печами и трубами, и изредка обгорелые стены каменных домов. Пьер приглядывался к пожарищам и не узнавал знакомых кварталов города. Кое-где виднелись уцелевшие церкви. Кремль, неразрушенный, белел издалека с своими башнями и Иваном Великим. Вблизи весело блестел купол Новодевичьего монастыря, и особенно звонко слышался оттуда благовест...

Пьера с другими преступниками привели на правую сторону Девичьего поля, недалеко от монастыря, к большому белому дому с огромным садом. Это был дом князя Щербатова, в котором Пьер часто прежде бывал у хозяина и в котором теперь, как он узнал из разговора солдат, стоял маршал, герцог Экмюльский»⁴.

¹ «Война и мир», т. III, ч. 3, гл. XXVI (Юбил. изд., т. 11, стр. 353—357).

² «Война и мир», т. IV, ч. I, главы IX и X (Юбил. изд., т. 12, стр. 36—37).

³ Там, где теперь Крымский мост через Москву-реку.

⁴ Маршал Даву.

Лев Николаевич Толстой ясно сознавал, что значит для каждого русского человека Москва. Он знал о той силе, с которой притягивало к себе «разоренное и уничтоженное русское гнездо». Он запечатлел на страницах своего романа замечательную картину восстановления Москвы.

«Так же, как трудно объяснить, для чего, куда спешат муравьи из раскиданной кучки, одни прочь из кучки, таща соринки, яйца и мертвые тела, другие назад в кучку — для чего они сталкиваются, догоняют друг друга, дерутся, — так же трудно было бы объяснить причины, заставлявшие русских людей, после выхода французов, толпиться в том месте, которое прежде называлось Москвою. Но так же, как, глядя на рассыпанных вокруг разоренной кучки муравьев, несмотря на полное уничтожение кучки, видно по цепкости, энергии, по бесчисленности копышащихся насекомых, что разорено всё, кроме чего-то неразрушимого, невещественного, составляющего всю силу кучки, — так же и Москва, в октябре месяце, несмотря на то, что не было ни начальства, ни церквей, ни святых, ни богатств, ни домов, была тою же Москвою, какою была в августе. Все было разрушено, кроме чего-то невещественного, но могущественного и неразрушимого.

Побуждения людей, стремившихся со всех сторон в Москву, после её очищения от врага, были самые разнообразные... Одно только побуждение было общее всем — это стремление туда, в то место, которое прежде называлось Москвой, для приложения там своей деятельности.

Через неделю в Москве уже было 15 тысяч жителей, через две было 25 тысяч и т. д. Всё возвышаясь и возвышаясь, число это к осени 1813 года дошло до цифры, превосходящей население 12-го года...

Народ самый разнообразный, влекомый — кто любопытством, кто долгом службы, кто расчетом... — с разных сторон, как кровь к сердцу — приливали к Москве»¹.

Читающая публика в Москве, как и в прочих русских городах, с нетерпением ждала очередных выпусков журнала «Русский вестник», где впервые печаталась «Война

¹ «Война и мир», т. IV, ч. 4, гл. XIV (Юбил. изд., т. 12, стр. 211—212).

и мир». Номера буквально расхватывались. Все газеты и журналы были переполнены отзывами, разборами и всякими толками о романе. Сам Толстой получал много писем от знакомых и незнакомых людей. Один из старых знакомых Толстого, современник Пушкина, московский профессор-историк М. П. Погодин, прерывая свои занятия чтением вышедших первых четырех частей «Войны и мира», 3 и 4 апреля 1868 года обращался к Толстому с восторженными письмами¹. В конце письма от 4 апреля он писал:

«Ах — нет Пушкина. Как бы он был весел, как бы он был счастлив, и как бы стал потирать себе руки. — Целую вас за него и за всех наших стариков. Пушкин — и его я понял теперь из вашей книги яснее, его смерть, его жизнь. Он из той же среды — и что это за лаборатория, что за мельница — святая Русь, которая всё перемалывает. Кстати — любимое его выражение: все перемелется, мука будет».

Приведенное письмо есть пример того, как Москва реагировала на появление «Войны и мира».

14 апреля Толстой посетил Погодина и в беседе с ним говорил, что хочет писать жизнь Суворова и Кутузова².

В Москве Толстой продолжал напряженно заниматься «Войной и миром».

10 мая Толстой с семьей уехал из Москвы в Ясную Поляну. В 1868 году он приезжал в Москву еще три раза: 2—9 июня, в середине августа и в начале сентября, на один-два дня. В 1869 году в Москву Толстой приезжал на короткие сроки всего три раза.

Целью поездки 19 января была беседа с С. С. Урусовым, Ю. Ф. Самариним, С. А. Юрьевым и П. Д. Юркевичем в связи с мыслями по истории, которые он развивал в «Войне и мире». Вечером в тот же день он был в Малом театре, где смотрел пьесу Островского «Горячее сердце», но «ушел от скуки, не доглядев новую пьесу и игранную прекрасно»³.

1 сентября 1869 года Толстой был в Москве проез-

¹ Эти письма Погодина еще не опубликованы.

² Дневник М. П. Погодина. См. Н. Н. Гусев. Летопись, стр. 183. Намерение это осталось неосуществленным.

³ Письмо к С. А. Толстой, Юбил. изд., т. 83, стр. 160—161.

дом на один день, по пути в Пензенскую губернию для осмотра имения, которое собирался купить.

В середине октября Толстой был в Москве. Он передал очередные рукописи «Войны и мира» в типографию Риса, повидал кн. С. Б. Голицына, корректировавшего последние части «Войны и мира» вместо отказавшегося П. И. Бартенева. Остановился на этот раз Толстой в гостинице «Россия» на Кузнецком мосту, в доме Евдокимова.

4.

Большую часть времени 70-х годов Толстой провел в Ясной Поляне или в своем новом самарском имении. Живя в деревне, он с воодушевлением принялся за новые литературные работы: «Азбуку» и с 1873 года — за «Анну Каренину». Увлеченный новой работой, он бывал в Москве лишь на короткие сроки, хотя и довольно часто, иногда только проезжая через Москву, иногда задерживаясь в ней по делам печатания своих новых произведений. В конце 70-х годов Толстой не раз приезжал в Москву для работы в архивах и библиотеках над задуманными и начатыми историческими романами конца и начала XVIII века.

В большинстве случаев он останавливался в гостиницах: «Париж», «Россия» — на Кузнецком мосту, Дюссо — на Театральном проезде, в доме кн. Грузинского (гостиница эта упоминается в «Анне Карениной» — в ней останавливался Левин). Иногда останавливался Толстой у старых друзей — Дьякова, Перфильевых.

В 1870 году Толстой был в Москве всего лишь два раза: в первых числах марта и с 3 по 5 декабря. Про свою первую поездку, несмотря на нездоровье, он 6 марта писал Фету, что она принесла ему «много впечатлений и волнений». Во второй приезд вечером 3 декабря, он слушал в Большом театре оперу «Марта» немецкого композитора Флотова в исполнении итальянской труппы: «высидел с трудом полтора акта»¹.

В 1871 году Толстой сдал печатать первую часть «Азбуки» в типографию Ф. Ф. Риса у Мясницких ворот

¹ Письмо к С. А. Толстой от 4 декабря 1870 г. (Юбил. изд., т. 83, стр. 171).

(ныне Кировские ворота). В январе 1872 года он приехал по делам ее печатания в Москву, откуда писал А. А. Толстой о том значении, которое он сам придает своей новой работе:

«Рассказать, что такое для меня этот труд многих лет — азбука, очень трудно... Гордые мечты мои об этой азбуке вот какие: по этой азбуке только будут учиться два поколения русских всех детей от царских до мужицких, и первые впечатления поэтические получают из нее, и что написал эту Азбуку мне можно будет спокойно умереть»¹.

Как известно, «гордые мечты» Толстого сбылись. «Азбука» при жизни Толстого выдержала 28 изданий, и по ней училось грамоте не одно поколение русских людей. Через два месяца, приехав в Москву опять по делам печатания «Азбуки», он писал Н. Н. Страхову:

«Язык, которым говорит народ, и в котором есть звуки для выражения всего, что только может желать сказать поэт, — мне мил. Язык этот, кроме того — и это главное — есть лучший поэтический регулятор. Захоти сказать лишнее, напыщенное, болезненное — язык не позволит, а наш литературный язык без костей; так набалован, что хочешь мели — всё похоже на литературу. Народность славянофилов и народность настоящая две вещи разные, как эфир серный и эфир всемирный, источник тепла и света».

Далее в том же письме Толстой сообщает Страхову, что для его журнала «Заря» он «написал совсем новую статью в азбуку — *Кавказский пленник*... Это образец тех приемов и языка, которым я пишу и буду писать для больших».

В Москве Толстой вместе с этнографом Т. А. Бессоновым принимал участие, в качестве учредителя, в организации Общества любителей народного пения; в письме к А. А. Толстой (от 12 января) он просил ее оказать содействие в Министерстве двора по утверждению устава, чтобы ко времени открытия Политехнической выставки в Москве «успеть дать ряд исполнений народных в честь Петра I».

30 марта, вернувшись в Ясную Поляну, Лев Николае-

¹ «Переписка Л. Н. Толстого с А. А. Толстой», стр. 229—230.

вич писал к А. А. Толстой о своем пребывании в Москве:

«В Москву на выставку я не только не думаю ехать, но вчера вернулся из Москвы, где я заболел, с таким отвращением ко всей этой праздности, роскоши, к нечестно приобретенным и мужчинам и женщинам средствам, к этому разврату, проникшему во все слои общества, к этой нетвердости общественных правил, что решил никогда не ездить в Москву»¹.

Тем не менее Толстой не выдержал, и через месяц, 28 апреля 1872 года, снова был в Москве. Вследствие медлительности и неаккуратности печатания «Азбуки» в типографии Риса, Толстой переносит печатание ее под наблюдение Н. Н. Страхова в Петербург, а сам решает уехать отдохнуть в свое самарское имение.

8 июля проездом он заезжал на два дня в Москву. 9 июля бегло осматривал открытую в мае 1872 года в Александровском саду Политехническую выставку, организованную в память 200-летия со дня рождения Петра I Обществом любителей естествознания, и в тот же день отправился с яснополянским крестьянином Тимофеем Фокановым в Самару через Нижний-Новгород.

Волновавшие Толстого вопросы в связи с печатанием «Азбуки» заставили его вернуться в Москву ранее намеченного срока, и к 30 июля, как это видно из его письма к Страхову, он был уже в Ясной Поляне. 28 октября он приехал в Москву снова.

13 февраля 1873 года Толстой был в Москве для свидания с исследователем русских былин—фольклористом П. Д. Голохвастовым, с которым оживленно переписывался последнее время в связи с розыском исторических материалов, нужных ему для работ над задуманным историческим романом из эпохи Петра I. В Москве, кроме того, он вел переговоры с Катковым о новом издании «Войны и мира».

После этой поездки Толстой был в Москве в 1873 году еще четыре раза: 27 апреля, 3 июня, 20 августа и 12—14 ноября.

15 января 1874 года по приглашению Московского

¹ «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 232.

комитета грамотности Толстой приехал в Москву и остановился у своего друга Д. А. Дьякова. В тот же вечер он присутствовал на заседании Комитета, в здании Земледельческой школы Московского общества сельского хозяйства на Смоленском бульваре (дом № 19). На заседании Толстой доказывал, основываясь на своей педагогической практике, преимущества буквенного способа обучения грамоте, который он называл «способом народа русского», перед общепринятым звуковым способом. Как писали современники, «заседание было и многолюдно и разнообразно по своему составу. Собралась вся интересующаяся народным образованием Москва: видные общественные деятели и педагоги, учителя и учительницы школ и другие. Места недоставало в просторном зале, — вплотную стояли в дверях и сидели на широких подоконниках. Одинаково интересовал и самый вопрос об обучении грамоте в народной школе, и участие в заседании Л. Н. Толстого»¹. Слова Толстого на этом заседании были застенографированы; они опубликованы в комментариях к 17-му тому Юбилейного издания².

17 января в школе при фабрике Ганешина на Девичьем поле Толстой дает пробные уроки грамоты по своей системе. После первых уроков Комитет грамотности вынес постановление — продолжать эти опыты в течение шести недель и сравнить потом успеваемость преподавания грамоты по способу, предложенному Толстым, и по звуковому. Передав это пробное преподавание в ганешинской школе яснополянскому учителю П. В. Морозову, Толстой в тот же вечер или на следующий день уехал в Ясную Поляну, куда его влекла работа над «Анной Карениной». 2 марта он повез в Москву в типографию Каткова первую часть «Анны Карениной»; 3 и 4 марта присутствовал в школе на уроках грамоты П. В. Морозова. Вечером в тот же день вернулся в Ясную Поляну.

6 апреля приезжал в Москву на экзамен для групп учеников, обучавшихся грамоте по двум конкурирующим методам: буквенному и звуковому.

¹ Д. И. Тихомиров. Из воспоминаний о Л. Н. Толстом. «Педагогический листок», 1910, стр. 556.

² Юбил. изд., т. 17, стр. 594—599.

13 апреля с участием Толстого состоялось заседание Комитета грамотности, на котором обсуждались результаты этих опытов. После оживленных прений по поводу обоих методов Комитет грамотности признал, что проведенный опыт недостаточен, и не вынес никакого решения о преимуществах того или другого метода. На этом заседании Толстой произнес большую речь в защиту своего способа преподавания¹. Не удовлетворенный решением Комитета грамотности, вернувшись в Ясную Поляну 14 или 15 апреля, он обратился к А. С. Суворину, редактировавшему тогда газету «С.-Петербургские ведомости», и после многолетнего перерыва — к Н. А. Некрасову, редактировавшему в то время журнал «Отечественные записки», с предложением напечатать его новую статью «О народном образовании».

30 июля Толстой со старшим сыном Сергеем приезжал в Москву по пути в самарское имение. Останавливался у Перфильевых. В тот же день ходил с сыном в Зоологический сад.

На следующий день с Нижегородского вокзала Толстой с сыном выехал через Нижний в Самару. Нижегородский вокзал (теперь не существующий) находился у Покровской заставы, близ Рогожского кладбища. Путь к вокзалу и самый вокзал Толстой описывал в «Анне Карениной» и в «Воскресении».

До конца года Толстой еще три раза приезжал в Москву на один-два дня: около 10 августа, в начале ноября и 11 декабря.

5.

Следующий, 1875 год в русской литературе — знаменательная дата: начал выходить роман «Анна Каренина». 28 января в Москве вышел в свет январский номер журнала «Русский вестник» с первыми четырнадцатью главами «Анны Карениной». В последующих номерах журнала в течение всего года печаталось продолжение.

16 февраля 1875 года на годовичном заседании Обще-

¹ Речь напечатана в 17-м томе Юбилейного издания, стр. 601—606.

ства любителей российской словесности, в старом здании Московского университета поэт Б. Н. Алмазов впервые публично читал по корректурам отрывок из романа «Анна Каренина» — встречу Анны с Вронским на железной дороге. Присутствовавшие на заседании от имени Общества, членом которого состоял Толстой, отправили ему восторженную приветственную телеграмму. Толстой ответил на приветствие письмом от 19 февраля.

Находясь в Ясной Поляне, Толстой продолжал работу над новым, захватившим его произведением. Значительная часть действия нового романа Толстого, как и в «Войне и мире», происходит в Москве, многие места посвящены описанию быта и нравов московского великосветского общества конца 60-х — начала 70-х годов и общественным отношениям того времени.

Основная работа над «Анной Карениной» протекала в Ясной Поляне. В Москву в 1875 году Толстой приезжал (всякий раз на очень короткие сроки) четыре раза: 14 января, в начале мая, 4 июня и в 20-х числах августа.

8 ноября 1876 года Толстой, взволнованный слухами о подготовлявшейся русско-турецкой войне, спешно выехал в Москву, чтобы узнать последние новости. В Москве он пробыл до 10 ноября. По приезде в Ясную Поляну, 12 ноября он писал Фету: «Ездил в Москву узнавать про войну. Все это волнует меня очень. Хорошо тем, которым всё это ясно; но мне страшно становится, когда я начинаю вдумываться во всю сложность тех условий, при которых совершается история». Тогда же об этом он писал Страхову¹.

Около 12 декабря 1876 года Толстой сам привез в редакцию «Русского вестника» пятую часть «Анны Карениной» и пробыл в Москве пять дней.

В этот свой приезд, заехав к Н. Г. Рубинштейну, с которым был давно знаком, Толстой встретился впервые с П. И. Чайковским и провел с ним два вечера. «Я ужасно польщен и горд интересом, который ему внушаю, и с своей стороны вполне очарован его идеальной лично-

¹ См. П. И. Бирюков. Л. Н. Толстой. Биография. II, гл. XIV.

стью», — писал П. И. Чайковский 23 декабря 1876 года Давыдовой¹.

Н. Г. Рубинштейн в Консерватории устроил для Толстого музыкальный вечер из произведений Чайковского. Играл квартет императорского Русского музыкального общества в составе И. Гржимали (первая скрипка), А. Бродского (вторая скрипка), Ю. Гербера (альт) и проф. В. Фитценгагена (виолончель). Наибольшее впечатление на Толстого произвело *Andante* из D-дурного квартета; он разрыдался, слушая его. Сам Чайковский, вспоминая это, записал в своем дневнике 1886 года: «Может быть никогда в жизни я не был так польщен и тронут в моем авторском самолюбии, как когда Лев Толстой, слушая *andante* моего квартета и сидя рядом со мной, — залился слезами»².

По возвращении из Москвы в Ясную Поляну Толстой обратился к Чайковскому с письмом, в котором писал про свою встречу с ним и про впечатление от концерта: «Сколько я не договорил с Вами. Даже ничего не сказал из того, что хотел. И некогда было. Я наслаждался. И это мое последнее пребывание в Москве останется для меня одним из лучших воспоминаний. Я никогда не получал такой для меня награды за литературные труды, как этот чудный вечер. И какой милый Рубинштейн. Поблагодарите его еще раз от меня. Он мне очень понравился.

Да и все эти жрецы высшего в мире искусства, заседавшие за пирогом, оставили мне такое чистое и серьезное впечатление. А уж о том, что происходило для меня в Круглой зале, я не могу вспомнить без содрогания. Кому из них можно послать мои сочинения, т. е. у кого нет их и кто их будет читать?..

...Про какой портрет мне говорил Рубинштейн? Ему я рад прислать, попросив его о том же, но для Консерватории это что-то не то»³.

В ответном письме Чайковский писал Толстому 24 декабря 1876 года:

«Как я рад, что вечер в Консерватории оставил в

¹ «Жизнь Петра Ильича Чайковского», I, М., 1903, стр. 519.

² Там же, стр. 520.

³ Там же, стр. 520—521.

вас хорошее воспоминание! Наши квартеты играли в этот вечер как никогда. Вы можете из этого вывести заключение, что пара ушей такого великого художника, как вы, способна воодушевить артиста в сто раз больше, чем десятки тысяч ушей публики. Вы один из тех писателей, которые заставляют любить не только свои сочинения, но и самих себя. Видно было, что играя так удивительно хорошо, они старались для очень любимого и дорогого человека. Что касается меня, то я не могу выразить, до чего я был счастлив и горд, что моя музыка могла вас тронуть и увлечь. Я передам ваше поручение Рубинштейну, как только он придет в Петербург. Кроме Фитценгена, не читающего по-русски, все остальные, участвовавшие в квартете, читали ваши сочинения. Я полагаю, что они вам будут очень благодарны, если вы пришлете каждому из них какое-нибудь сочинение. Что касается меня, то я бы просил подарить мне «Казачки», если не теперь, то в другой раз, когда вы опять побываете в Москве, чего я буду ожидать с величайшим нетерпением. Если вы будете посылать портрет Рубинштейну, то и меня не забудьте».

Однако, дальнейшее общение Толстого и Чайковского на этом прекратилось.

Следующий приезд Толстого в Москву, 25 февраля 1877 года, был вызван намерением посоветоваться с профессором Захарьиним о состоянии своего здоровья, так как за последнее время Толстой страдал приливами крови к голове. Кроме того, он в этот приезд занимался правкой на месте (в типографии) корректур печатающейся «Анны Карениной». Возвратился Толстой в Ясную Поляну 1 марта.

28—30 мая Толстой ездил в Москву брать из типографии «Русского вестника» последнюю часть «Анны Карениной», так как в том виде, как ее написал Толстой, Катков отказался печатать. Последняя часть вышла отдельным изданием в типографии Ф. Ф. Риса в Москве. 11—12 июня Толстой снова был в Москве, о чем писал Фету.

Сообщая в неопубликованном письме к Н. Н. Стрехову от 1—2 сентября 1877 года о том, что он 25 августа на два дня ездил в Москву, Толстой писал: «Виделся я

в Москве, в поисках за учителем, с Цингером¹. Он очень много занимается воображаемой геометрией, но считает это совершенно праздною и модною наукой, которая может быть интересна только для философа».

В связи с русско-турецкой войной 1877 года Толстой заинтересовался материалами о царствовании Александра II. Он закупает в Москве ряд книг и, по совету Н. Н. Страхова, книгу деятеля крестьянской реформы А. А. Головачева «Десять лет реформы» (СПБ, 1872).

Толстого чрезвычайно волновала «неудача в Турецкой войне и положение дел в России, и вчера, — записывает в своем дневнике 25 августа 1877 года С. А. Толстая, — писал все утро об этом»². 12 сентября она записала следующие слова Толстого: «Пока война, ничего не могу писать, — так же, как пожар в городе, то нельзя ни за что взяться и все тянет туда»³. В том же неопубликованном письме к Страхову, после своей поездки в Москву, Толстой писал, что его «чувство... по отношению к войне перешло уже много фазисов» и теперь для него «очевидно и несомненно, что эта война, кроме обличения, и самого жестокого и гораздо более яркого, чем в 54 году, не может иметь последствия».

После окончания «Анны Карениной» Толстого опять потянуло к творческой работе, связанной с русской историей. Об этом свидетельствует ряд записей в его записных книжках 1878 и 1879 годов, записи С. А. Толстой, в ее дневнике, а также ряд писем Толстого конца 70-х годов: к А. А. Толстой, Н. Н. Страхову, П. И. Бартеневу, С. М. Соловьеву. Эти материалы говорят о том, что русско-турецкая война, волновавшая Толстого, была толчком к пробуждению в нем вновь интереса к русской истории. В конце 70-х годов его занимали вопросы, касающиеся времен царствований Петра I, Николая I и Александра II.

27 декабря 1877 года он отправляется в Москву с целью добыть исторические материалы, проводит там около четырех дней и пишет А. А. Толстой вскоре после

¹ Профессор математики Московского университета Василий Яковлевич Цингер.

² «Дневники Софии Андреевны Толстой», стр. 39.

³ Там же.

возвращения в Ясную Поляну (3 января 1878 года), что у него «давно бродит в голове план сочинений, местом действия которого должен быть Оренбургский край, а время Перовского¹. Теперь я привез, — пишет Толстой, — из Москвы целую кучу матерьялов для этого»². В следующем письме к ней, написанном в январе, он сообщает, что «весь погружен в чтение из времен 20-х годов», и не может выразить «то наслаждение, которое испытывает, воображая себе это время»³.

8 февраля 1878 года он снова едет в Москву за историческими материалами; получает у своего знакомого В. К. Истомина номера журналов «Русская старина» и «Русский архив». 9 февраля посещает декабристов, живших в Москве, — П. Н. Свистунова и Матвея Муравьева-Апостола, а вечером — М. И. Бибикова, племянника (по матери) декабристов Сергея, Матвея и Ипполита Муравьевых-Апостолов. Жена Бибикова, Софья Никитична Бибикова, дочь декабриста Никиты Михайловича Муравьева, умершего в сибирской ссылке в 1843 году, родившаяся и жившая в детстве в Сибири с родителями, «пропасть рассказывала и показывала»⁴. Бибиковы жили в особняке на Малой Дмитровке (ныне улица Чехова, дом № 23). Кроме своих рассказов о декабристах, многих из которых С. Н. Бибикова помнила еще по Сибири, она показывала Толстому фамильный декабристский музей, который свято хранился в ее доме⁵.

С. А. Толстая писала своей сестре Т. А. Кузминской 4 марта 1878 года: «Левочка последнее время очень много читал и занимался изучением эпохи царствования Николая Павловича и истории бунта 14-го декабря 1825 года. Он даже ездил в Москву знакомиться с декабристами-стариками, бывшими в ссылке в Сибири и возвратив-

¹ Граф В. А. Перовский, сын гр. А. К. Разумовского, генерал-адъютант, друг поэта Жуковского, дважды был оренбургским генерал-губернатором.

² «Переписка Л. Н. Толстого с гр. А. А. Толстой», стр. 287.

³ Там же, стр. 290.

⁴ Письмо к С. А. Толстой от 9 февраля 1878 г. Юбил. изд., т. 83, стр. 242.

⁵ См. Юбил. изд., т. 17, стр. 476—478. Воспоминания ее внучки А. Бибиковой «Из семейной хроники» напечатаны в «Историческом вестнике» № 11 за 1916 г., стр. 423—425.

шимися отсюда. Он хочет писать роман из этого времени и принимается за это так-же, как в старые годы за «Войну и мир»¹.

Увлеченный собиранием материала о декабристах, 4 марта Толстой опять едет в Москву. В Туле он должен был ожидать опоздавшего поезда. Чтобы не терять времени, он отправился к Е. И. Пушиной, где встретил дочь декабриста-поэта К. Ф. Рыльева Анастасию Кондратьевну Пушину (1823—1890), жившую в те времена в родовом имении Пушиных «Кошелевке», Тульской губернии. От нее он узнал «много интересного»².

5 марта Толстой пробыл до вечера в Москве, остановившись у Перфильевых, «потом поехал» к декабристу П. Н. Свистуну «и просидел у него 4 часа, слушая прелестные рассказы его и другого декабриста Беляева. Зашел к Беляеву, потом к Бартеневу, у которого обедал, и должен был торопиться на поезд»³. Декабрист А. П. Беляев передал Толстому рукопись своих воспоминаний⁴.

По возвращении в Ясную Поляну из Петербурга, куда Толстой ездил за материалами о декабристах, он писал 14 марта Свистуну: «Многоуважаемый Петр Николаевич. Когда вы говорите со мной, вам кажется, вероятно, что все, что вы говорите, очень просто и обыкновенно, а для меня каждое ваше слово, взгляд, мысль кажутся чрезвычайно важны и необыкновенны, и не потому, чтобы я особенно дорожил теми фактическими сведениями, которые вы сообщаете; а потому, что ваша беседа переносит меня на такую высоту чувства, которая очень редко встречается в жизни и всегда глубоко трогает меня»⁵.

Приехав в Москву 30 апреля, Толстой вновь видается со Свистуновым. Весь 1878 год Толстой с большим увлечением работает над историческими материалами, которые

¹ Юбил. изд., т. 17, стр. 479.

² Письмо к С. А. Толстой от 4 марта 1878 г. Юбил. изд., т. 83, стр. 244.

³ Письмо к С. А. Толстой, написанное перед отъездом в Петербург, с Николаевского вокзала. См. там же, стр. 245.

⁴ «Тайные общества в России в начале XIX столетия. Сборник материалов, статей и воспоминаний» напечатан по инициативе Толстого М. И. Семевским в сентябрьском номере «Русской старины» за 1880 г.

⁵ Юбил. изд., т. 17, стр. 482.

не прекращает собирать, изучает их, ведя оживленную переписку по поводу них, пишет ряд вариантов к задуманному и начатому еще в начале 60-х годов историческому роману из эпохи декабристов.

6 декабря 1878 года С. А. Толстая писала Н. Н. Страху, что Лев Николаевич «очень работает и очень устает, но в голове здание всё растет и растет»¹. Сам же Толстой, продолжая собирать сведения о декабристах, писал 25 декабря П. Н. Свистуну про свою работу над задуманным романом: «Работа моя томит и мучит меня и приводит то в состояние восторга, то уныния и сомнения, но ни днем ни ночью ни больного ни здорового мысль о ней ни на минуту не покидает меня... Прощу верить, что дело, которое занимает меня, для меня почти так важно, как моя жизнь»².

К началу 1879 года творческие планы Толстого в отношении написания исторических романов, судя по сохранившимся материалам, выливаются в попытку написать роман из эпохи конца XVIII века, в котором основными действующими лицами должны быть его предки кн. Горчаковы. С этой целью он запрашивает у Н. Н. Стрехова архивные материалы, у А. А. Толстой — семейные предания о Горчаковых, 19 января 1879 года едет на розыски в Москву и собирается ехать для этой же цели в Петербург, но поездка эта, как видно, не состоялась. О новой работе Толстого свидетельствует ряд набросков начала романа под заглавием «Труждающиеся и обремененные»³.

19 марта Толстой отправляется вновь в Москву, где разыскивает исторические материалы, касающиеся уже не конца, а начала XVIII века, — в связи с возобновлением работ по роману о Петре I. В письме от 24—26 марта 1879 года к А. А. Толстой он пишет: «Теперь уж не декабристы, а 18-й век, начало его — интересует меня». В Москве он останавливается у В. С. Перфильева, который в это время был московским вице-губернатором и жил на Страстном бульваре в доме Мусина-Пушкина. В связи со своими работами Толстой задумал посетить

¹ Н. Н. Гусев. Летопись, стр. 256.

² «Красный архив», 1924, стр. 239—240.

³ Юбил. изд., т. 17, стр. 300 и 693.

историка С. М. Соловьева и пошел к нему на квартиру в Денежном переулке, на углу Большого Левшинского (дом № 1), но не застал его. По возвращении в Ясную Поляну он написал Соловьеву следующее письмо:

«Милостивый государь Сергей Михайлович.

Я на днях ездил в Москву с тем, чтобы быть у вас и воспользоваться вашими советами и содействием, в которых лет 6 тому назад вы мне не отказали, когда я занимался исторической работой времен Петра I; но, к несчастью, не застал вас. Надеюсь в другой раз быть счастливее и на то, что вы будете и теперь так же добры и снисходительны ко мне, как и тот раз, и во многом мне можете своими указаниями. Но в одном деле вы письменно можете помочь мне, и я позволю себе обратиться к вам с великою просьбою — указать мне, где находятся дела обер-фискала Нестерова, казненного в 724 году.

Если вы мне напишете словечко с указанием, где находится это дело и дело Попцова, из которого у вас есть выписки, вы очень обяжете меня и настолько еще увеличите то чувство благодарности, которое не может не испытывать всякий русский, занимающийся историей, и которое я беспрестанно испытываю, занимаясь историческим трудом.

С истинным уважением ваш покорный слуга
граф Лев Толстой

Адрес: Тула, гр. Льву Николаевичу Толстому»¹.

Об ответе Соловьева сведений не имеется. 20 марта Толстой получил разрешение на занятия в Московском архиве Министерства юстиции на Большой Царицынской (ныне Пироговской) улице, где занимался до конца своего пребывания в Москве (23 марта). Он просматривал архивы Сената и Сыскного приказа, касающиеся уголовных дел 1720—1740 годов.

В письме к Н. Н. Страхову от 25 марта Толстой писал: «Я был в Москве за дровами для своей печи. Дров набрал чудных, но измучился и простудился... Вы пишете, что трудно жить и работать в городе. Я даже не по-

¹ Не опубликовано.

нимаю этого. Жить в Петербурге или Москве, это для меня все равно, что жить в вагоне»¹.

После этого проездом в Новгородскую губернию и обратно Толстой со своим старшим сыном Сергеем Львовичем был в июле два раза в Москве.

27 сентября, приехав в Москву со старшей дочерью Татьяной Львовной, Толстой остановился на Арбате у своей племянницы Е. В. Оболенской.

На следующий день, 28 сентября, он был в клинике на Большой Пироговской улице у профессора Захарьина, который его «утешил» относительно здоровья, найдя лишь нервное переутомление.

Поездка Толстого в Москву в сентябре 1879 года была последней в связи с его историческими работами. К концу года его интерес к ним постепенно ослабевает, и работа его в этом направлении прекращается. Интерес Толстого сосредоточивается на изучении народного языка и вопросов религии.

«Волнуюсь, метусь и борюсь духом и страдаю», — писал Толстой Страхову 3 октября после своей московской поездки².

¹ «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым 1870—1894». «Толстовский музей», II, СПб., 1914, стр. 215.

² «Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым», стр. 234.

IV. 1880-е ГОДЫ

1

17 января 1880 года Толстой снова был в Москве проездом в Петербург. К этому времени у Толстого окончательно назревает духовный кризис. Он прерывает художественное творчество и принимается за напряженную работу над такими произведениями, как «Критика догматического богословия», «Исповедь», «Соединение, перевод и исследование четырех евангелий» и др.

В феврале состоялась продажа права выпуска издания собрания сочинений Л. Н. Толстого фирме бр. Салаевых за 25 тысяч рублей, в количестве 5 500 экземпляров. В апреле 1880 года в Москве появились первые томы этого издания. Все издание состояло из 11 книг.

12 июля и 27 августа Толстой ездил в Москву на несколько дней, главным образом, по делам издания и в поисках учителей для детей.

В телеграмме к жене 30 августа Толстой писал: «Устал Москвой», и на следующий день уехал в Ясную Поляну. Но 7 октября он снова приехал в Москву, остановившись в номерах Соколова на Тверской, в доме Яковлева. Днем с племянницей В. В. Нагорновой он осматривал картинную галерею Д. П. Боткина, а вечером познакомился с И. Е. Репиным. Как известно, знакомство Толстого и Репина постепенно перешло в прочную, 30-летнюю дружбу. О первом знакомстве с Толстым И. Е. Репин так рассказывает в своих воспоминаниях:

«Его первое появление. В 1880 году в Москве, в Большом Трубном переулке, в моей маленькой мастерской под вечер всё вдруг приняло какой-то заревой тон и задрожало в особом приподнятом настроении, когда вошел ко мне коренастый господин, с окладистой серой бородой, большоголовый, одетый в длинный черный сюртук.

Лев Толстой? Неужели? Так вот он какой! Я хорошо знал только его портрет работы И. Н. Крамского и представлял себе до сих пор, что Лев Толстой очень своеобразный барин, граф, высокого роста, брюнет и не такой большоголовый.

А это странный человек, какой-то деятель по страсти, убежденный проповедник. Заговорил он глубоким задушевым голосом... Он чем-то потрясен, расстроен — в голосе его звучит трагическая нота, а из-под густых грозных бровей светятся фосфорическим блеском глаза строгого покаяния.

Мы сели к моему дубовому столу, и, казалось, он продолжал только развивать давно начатую им проповедь: о вопиющем равнодушии нашем ко всем ужасам жизни: к ним так привыкли мы — не замечаем, сжились и продолжаем жить и преступно подвигаемся по отвратительной дороге разврата; мы потеряли совесть в нашей несправедливости к окружающим нас меньшим братьям, к бесследно нами поработанным, и постоянно угнетаем их.

И чем больше он говорил, тем сильнее волновался и отпивал стаканом воду из графина.

На столе уже горела лампа, мрачное и таинственное предвестие дрожало в воздухе... Было ново и жутко...

Когда он поднялся уходить, я попросил позволения проводить его до квартиры, — четверть часа ходьбы.

Прощаясь, он предложил мне по вечерам, по окончании моей работы, заходить к ним для предобеденной прогулки, когда я буду свободен.

Эти прогулки продолжались почти ежедневно, пока Толстой жил в Москве, до отъезда в Ясную Поляну.

По бесконечным бульварам Москвы мы заходили очень далеко, совсем не замечая расстояний: Лев Николаевич так увлекательно и так много говорил.

Его страстные и в высшей степени радикальные рассуждения взбудораживали меня до того, что я не мог

после спать, голова шла кругом от его беспощадных приговоров отжившим формам жизни...

Значительно запоздав к обеду, мы возвращались уже на конках. Непременно наверху, на имперiale, — так он любил.

В сумерках Москва зажигалась огнями; с нашей вышки интересно было наблюдать кипучий город в эти часы особенного движения и торопливости обывателей. Кишел муравейник и тонул в темной глубине улиц, во мраке. Но я мысленно был далек от этой обыденности, меня гнала совесть»¹.

15 сентября 1881 года Толстой вместе со всей семьей переселился на зиму в Москву, сняв квартиру в Денежном переулке, в доме кн. Волконского (теперь дом № 3 по Малому Левшинскому переулку). Но так как новая квартира оказалась слишком шумной и не давала возможности ему сосредоточенно работать, Толстой во флигеле того же дома нанял две маленькие комнаты, куда уединялся для работы.

Старший сын Толстого Сергей Львович поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, сыновья Илья и Лев — в гимназию Поливанова на Пречистенке (дом № 32 по Кропоткинской улице), старшая дочь Татьяна Львовна — в Училище живописи, ваяния и зодчества на Мясницкой улице.

С. Л. Толстой в своих еще неопубликованных воспоминаниях «Очерки былого» сообщает, что перед поступлением братьев Ильи и Льва в гимназию Лев Николаевич справлялся об условиях приема в казенных гимназиях; там у него потребовали подписку о «благонадежности» его сыновей, он отказался и возмутился таким требованием. Он говорил: «Я не могу дать такую подписку даже за себя, как же я ее дам за сыновей?»

В Москве Толстой живо интересуется образованием своих старших детей. Со студентом Сергеем Львовичем ведет разговоры о науке, по временам превращающиеся в жаркие споры, это нашло свое отражение в записях днев-

¹ И. Репин, «Далекое близкое», изд. «Искусство», М.—Л., 1944, стр. 370—372.

ника Толстого за 1881 год, о них же пишет С. Л. Толстой в своих воспоминаниях «Очерки былого».

Однажды (18 сентября), посетив гимназию Поливанова, Толстой устроил на большой перемене целый диспут с педагогами по вопросам искусства.

В течение всей осени и зимы Толстой посещает классы Училища живописи, ваяния и зодчества, где часто спорит об искусстве с профессорами и преподавателями, особенно с В. Г. Перовым и Н. М. Прянишниковым. Нередко эти споры переносились на квартиру Перова, находившуюся тут же при школе, и продолжались в домашней обстановке. О содержании бесед Толстого по вопросам искусства можно судить по его большому письму к редактору «Художественного журнала» Н. А. Александрову, которое начинается ссылкой на Перова¹.

С В. Г. Перовым Толстой находился в дружественных отношениях. Известно, что когда Перов тяжело заболел и оказался в тяжелых условиях, Толстой принял горячее участие в его судьбе².

Как известно 80-е годы для Толстого были годами завершения перелома в его мировоззрении, подготавливавшегося значительно раньше.

Жизнь в Москве того времени, полная тревог и городской суеты, далекая от природы, близкой сердцу Толстого, была для него крайне мучительна. Об этом он много писал в своих дневниках, письмах и произведениях того времени. Приводим запись из дневника Толстого³, ярко отражающую его мысли и настроения в начале 80-х годов:

«1881, 5 октября (Москва). Прошел месяц — самый мучительный в моей жизни. Переезд в Москву... Вонь, камни, роскошь, нищета. Разврат. Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать их оргию, и пируют. Народу больше нечего делать, как, пользуясь страстями этих людей, выманывать у них назад награбленное. Мужики на это ловчее. Бабы дома, мужики трут полы и тела в банях, возят извозчиками».

¹ См. сборник «Толстой и о Толстом», 3. М., 1927, стр. 14.

² Об этом см. А. Новицкий, «Перов Василий Григорьевич», — «Русский биографический словарь», СПб, 1902.

³ Дневники Толстого за 80-е годы еще не опубликованы.

Резко звучащее негодование Толстого против города, который он еще в 70-х годах словами Левина в «Анне Карениной» называл «развратным Вавилоном»¹, основывалось на том бьющем в глаза социальном неравенстве и эксплуатации трудящихся помещиками и капиталистами, которые наблюдал Толстой в жизни русских городов.

Естественно, что постоянно волнующий Толстого этот мотив отразился и в его художественном творчестве. Он особенно четко звучит в последнем его романе — в «Воскресении», написанном в конце 90-х годов. Например, в XII главе второй части «Воскресения» приводится разговор Нехлюдова, едущего в острог (Бутырскую тюрьму) на свидание с Масловой, с извозчиком по поводу постройки большого дома. Автор пишет:

«На одной из улиц извозчик, человек средних лет, с умным и добродушным лицом, обратился к Нехлюдову и указал на огромный строящийся дом.

— Вон какой домина занесли, — сказал он, как будто он отчасти был виновником этой постройки и гордился этим.

Действительно, дом строился огромный и в каком-то сложном, необыкновенном стиле. Прочные леса из больших сосновых бревен, схваченные железными скрепами, окружали воздвигаемую постройку и отделяли ее от улицы тесовой оградой. По подмостям лесов сновали, как муравьи, забрызганные известью рабочие: одни клали, другие тесали камень, третьи вверх вносили тяжелые и вниз пустые носилки и кадушки... Из ворот мимо архитектора с рядчиком выезжали пустые и въезжали нагруженные подводы.

«И как они все уверены, и те, которые работают, так же как и те, которые заставляют их работать, что это так и должно быть, что в то время, как дома их брюхатые бабы работают непосильную работу, и дети их в скуфеечках перед скорой голодной смертью старчески улыбаются, суча ножками, им должно строить этот глупый ненужный дворец какому-то глупому и ненужному человеку, одному из тех самых, которые разоряют и грабят их», думал Нехлюдов, глядя на этот дом».

¹ «Анна Каренина», ч. I, гл. XIV.

В начале 80-х годов, тяготясь городской жизнью, Толстой нередко после своих утренних литературных занятий уходил на Девичье поле, потом «переезжал реку на Воробьевы горы и там пилил дрова с мужиками. Ему здорово и весело», — писала своей сестре С. А. Толстая 14 октября 1881 года, рассказывая про свою новую московскую жизнь.

2.

Несмотря на беспокойную жизнь в Москве и напряженную работу над своими религиозными сочинениями, Толстой не оставлял в то же время и художественного творчества. В ноябре 1881 года он пишет рассказ «Чем люди живы?» — первый из серии «Народных рассказов»; составляет план очерков под общим заглавием «Московские прогулки»¹, часть которых была потом включена в его трактаты «Так что же нам делать?» и «В чем моя вера?».

Толстой много ходит пешком, наблюдая уличную жизнь Москвы. О некоторых встречах он рассказывает дома своим родным и знакомым. Один из знакомых Толстого, писатель А. С. Пругавин, в своих воспоминаниях приводит, между прочим, следующий рассказ Толстого о его встрече с И. С. Аксаковым.

«Я подошел к конке, что у Тверских ворот², — рассказывал Лев Николаевич, — и хотел уже садиться, чтобы ехать на Никольскую. Смотрю — несется рысак, а в санях сидит знакомый человек. Я сразу узнал Аксакова, хотя и давно уже не видался с ним. В то время, как лошадь поравнялась со мной, я снял шапку и крикнул: «Здравствуйте, Иван Сергеевич!..» Он услышал, обернулся, увидел меня, но, конечно, не узнал: во-первых, мы давно не видались, во-вторых — мой костюм: я был в полущубке. Но он очень хорошо видел, что какой-то старик в полущубке кланяется ему, приветствует его. Он оглянулся, посмотрел и — проехал мимо, не остановившись...

— Это был экзамен его народолюбию и народничеству, — улыбаясь, закончил Лев Николаевич свой рас-

¹ См. Юбил. изд., т. 25, стр. 613.

² Теперь площадь Маяковского.

сказ. — И он, как говорят гимназисты, блистательно срезался на этом экзамене»¹.

Внимание Толстого привлекают толпы нищих на московских улицах, просящих милостыню, несмотря на запреты полиции. «Раз я встретил на Мясницкой толпу таких нищих, человек с тридцать, — рассказывает он в «Так что же нам делать?». — Спереди и сзади шли городовые. Я спросил:

— За что?

— За прошение милостыни.

Выходило, что по закону в Москве запрещено просить милостыню всем тем нищим, которых встречаешь в Москве по несколько на каждой улице и шеренги которых во время службы и особенно похорон стоят у каждой церкви»².

Толстой стремится проникнуть в самую гущу городской бедноты и увидеть ее жизнь собственными глазами. С этой целью «в декабре месяце... в морозный и ветряный день» он пошел к «центру городской нищеты к Хитрову рынку»³. Там он осматривал Ляпинский бесплатный ночлежный дом в Трехсвятительском переулке (ныне Вузовский переулок, на месте теперешнего дома № 4). Толстой увидел вопиющие условия жизни обитателей этого огромного ночлежного дома. «И с чувством совершенного преступления я вышел из этого дома и пошел домой, — пишет Толстой. — Дома я вошел по коврам лестницы в переднюю, пол которой обит сукном, и, сняв шубу, сел за обед из 5 блюд, за которым служили два лакея во фраках, белых галстуках и белых перчатках... При виде этого голода, холода и унижения тысячи людей, я не умом, не сердцем, а всем существом моим понял, что существование десятков тысяч таких людей в Москве..., — что бы ни говорили мне все ученые мира о том, как это необходимо, — есть преступление, не один раз совершенное, но постоянно совершающееся, и что я, с своей роскошью, не только попуститель, но прямой участник его...

¹ А. С. Пругавин. О Льве Толстом и о толстовцах, М., 1911, стр. 95.

² Юбил. изд., т. 25, стр. 184.

³ Там же, стр. 186.

*Л. Н. Толстой в ночлежном доме на переписи в Москве
в январе 1882 года.*

С картины И. Е. Репина.

И прежде уже чуждая мне и странная городская жизнь теперь опротивела мне так, что все те радости роскошной жизни, которые мне прежде казались радостями, стали для меня мучением. И как я ни старался найти в своей душе хоть какие-нибудь оправдания нашей жизни, я не мог без раздражения видеть ни своей, ни чужой гостиной, ни чисто, барски накрытого стола, ни экипажа, сытого кучера и лошадей, ни магазинов, театров, собраний. Я не мог видеть рядом с этим голодных, холодных и униженных жителей Ляпинского дома. И не мог отделаться от мысли, что эти две вещи связаны, что одно происходит от другого. Помню, что как мне сказало в первую минуту это чувство моей виновности, так оно и осталось во мне...»¹

Под впечатлением виденного в Ляпинском ночлежном доме и чтобы изучить жизнь бедноты еще глубже, Толстой решил принять участие в готовившейся тогда городской трехдневной переписи жителей Москвы (23—25 января 1882 года). Он пишет статью «О переписи в Москве» со страстным призывом «помогать переписи»².

В начале января 1882 года, познакомившись с профессором финансового права Московского университета И. И. Янжулом — главным руководителем переписи, Толстой просил, чтобы Янжул включил его в число сотрудников по переписи и дал ему участок у Смоленского рынка по Проточному переулку, где находился «Ржанов дом», или «Ржанова крепость» (по имени прежнего владельца — купца Ржанова) — «притон самой страшной нищеты и разврата», как называл его Толстой (теперь дом № 11/27 по 1-му Смоленскому переулку и № 1 по Проточному переулку). Некоторые дома этой «крепости» сохранились до сих пор. Но, конечно, не осталось и следа от прежней ночлежки, описанной Толстым.

С энтузиазмом работая на переписи в качестве руководителя на своем участке, Толстой увидел, что вопрос борьбы с бедностью требует более радикальных мер, чем частная или даже общественная благотворительность, с которой он практически соприкоснулся. Поэтому он отре-

¹ Юбил. изд., т. 25, стр. 189—191.

² Там же.

кается от благотворительности и от тех призывов, которые он делал в своей статье «О переписи населения в Москве».

По приезде в Ясную Поляну 3 февраля 1882 года Толстой принимается за новую работу над статьей «Так что же нам делать?»

Теперь он пишет, что хотя благотворительность его прекратилась, но «ход мыслей и чувств, который она вызвала, не только не прекратился, но внутренняя работа пошла с удвоенной силой»¹. Работа Толстого над «Так что же нам делать?» продолжалась в течение четырех последующих лет, вплоть до февраля 1886 года. Статья эта разрослась в большой трактат, наполненный социально-политическим содержанием и отражающий ту внутреннюю работу Толстого, которая, по его выражению, «пошла с удвоенной силой». Статьи Толстого этих лет были гневным протестом против эксплуатации масс, беспощадной критикой той социальной неправды, которую он видел вокруг себя и которая так рельефно выступала в жизни большого капиталистического города.

«Толстой, — говорил Ленин, — с огромной силой и искренностью бичевал господствующие классы, с великой наглядностью разоблачал внутреннюю ложь всех тех учреждений, при помощи которых держится современное общество: церковь, суд, милитаризм, «законный» брак, буржуазную науку. Но его учение оказалось в полном противоречии с жизнью, работой и борьбой могильщика современного строя, пролетариата. Чья же точка зрения отразилась в проповеди Льва Толстого? Его устами говорила вся та многомиллионная масса русского народа, которая уже ненавидит хозяев современной жизни, но которая еще не дошла до сознательной, последовательной, идущей до конца, непримиримой борьбы с ними»².

В другой своей статье — «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение» — В. И. Ленин писал:

«Острая ломка всех «старых устоев» деревенской России обострила его внимание, углубила его интерес к происходящему вокруг него, привела к перелому всего его

¹ Юбил. изд., т. 25, стр. 223.

² В. И. Ленин. Толстой и пролетарская борьба. Соч., т. XVI, изд. 4, стр. 323.

миросозерцания. По рождению и воспитанию Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России, — он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и, в своих последних произведениях, обрушился со страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают всю современную жизнь.

Критика Толстого не нова. Он не сказал ничего такого, что не было бы задолго до него сказано и в европейской и в русской литературе теми, кто стоял на стороне трудящихся. Но своеобразие критики Толстого и ее историческое значение состоит в том, что она с такой силой, которая свойственна только гениальным художникам, выражает ломку взглядов самых широких народных масс в России указанного периода, и именно деревенской, крестьянской России. Ибо критика современных порядков у Толстого отличается от критики тех же порядков у представителей современного рабочего движения именно тем, что Толстой стоит на точке зрения патриархального, наивного крестьянина, Толстой переносит его психологию в свою критику, в свое учение. Критика Толстого потому отличается такой силой чувства, такой страстностью, убедительностью, свежестью, искренностью, бесстрашием в стремлении «дойти до корня», найти настоящую причину бедствий масс, что эта критика действительно отражает перелом во взглядах миллионов крестьян, которые только что вышли на свободу из крепостного права и увидели, что эта свобода означает новые ужасы разорения, голодной смерти, бездомной жизни среди городских «хитровцев» и т. д. Толстой отражает их настроенье так верно, что сам в свое учение вносит их наивность, их отчуждение от политики, их мистицизм, желание уйти от мира, «непротивление злу», бессильные проклятия по адресу капитализма и «власти денег». Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что слилось в учении Толстого»¹.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XVI, изд. 4, стр. 301—302.

В продолжение четырех лет, с 1882 по 1886 год Л. Н. Толстой напряженно работал, главным образом в Москве, над своим трактатом «Так что же нам делать?»

В этом трактате Толстым поставлены и развиты с замечательными художественными иллюстрациями именно те вопросы, о которых писал Ленин в своих статьях о Толстом. В жизненно правдивых картинах изображена здесь Москва, ее улицы, переулки, рынки, ночлежные дома, фабрики, великосветские балы, салоны, которые посещал Толстой, запечатлен ряд сцен из жизни московской улицы 80-х годов, свидетелем которых он был.

3.

В письме к гр. П. С. Уваровой, приглашавшей Толстого выступить на устраиваемом ею в пользу сирот Можайского приюта духовном концерте в память убитого 1 марта 1881 года царя Александра II, и «помянуть» его «добрым словом», Толстой решительно отказывается от этого предложения. Он пишет, что читать публично считает «для себя неприличным, во-вторых... поставил себе за правило не принимать участия в филантропических увеселениях и, в-третьих... 1 марта есть... такое событие, которое еще не пришло время обсуждать»¹.

Толстой вернулся в Москву из Ясной Поляны 7 марта и прожил там до 7 апреля.

Вскоре после его приезда к нему приходил познакомиться художник Н. Н. Ге. Знакомство Толстого с Ге вскоре перешло в тесную дружбу, которая не прекращалась до самой смерти Ге в 1894 году.

Встревоженный известием о тяжелой болезни И. С. Тургенева, 13 апреля Толстой поехал в Москву и в первых числах мая отправил Тургеневу письмо, в котором писал: «Я почувствовал, как я вас люблю. Я почувствовал, что если вы умрете прежде меня, мне будет очень больно», и заканчивал свое письмо словами: «Обнимаю вас, старый милый и очень дорогой мне человек и друг»².

24 мая Толстой осматривал устроенную в Москве в

¹ Юбил. изд., т. 63, стр. 452.

² Там же, стр. 95—96.

Петровском парке Всероссийскую промышленно-художественную выставку. Здесь он встретил старинного своего знакомого — писателя П. В. Анненкова, с которым не видался пятнадцать лет. О своей встрече с Толстым и о резком отзыве его по поводу выставки — «пока народ не носит тех же тонких рубах и пестрых галстуков, как любой денди, выставки вообще не имеют смысла» — Анненков писал в письме к М. М. Стасюлевичу 28 мая 1882 года¹.

Кроме Анненкова, Толстой видался в Москве с собирателями картинных галлерей Д. П. Боткиным и П. М. Третьяковым, с С. А. Юрьевым. По просьбе последнего он смягчил для цензуры некоторые резкие места своей «Исповеди».

Во время своего пребывания в Москве весной 1882 года Толстой был озабочен подысканием собственного дома для постоянной жизни в Москве его семьи. После неоднократных осмотров он решил купить большое владение с садом в Долгохамовническом переулке у В. В. Арнаутова.

Владение это по постановлению советского правительства в 1928 году передано Государственному музею Л. Н. Толстого, и в нем ныне помещается «Музей-усадьба Л. Н. Толстого» (улица Льва Толстого, дом № 21).

Уехав в конце мая в Ясную Поляну, Толстой возвращается в Москву 10 сентября и в течение десяти дней занимается ремонтом и переустройством купленного дома. В письмах из Москвы к жене он подробно сообщал о своих хозяйственных заботах по оборудованию дома, о своих хождениях на Сухаревку для покупки мебели, экипажей и прочего. В свободное время Толстой ходил в библиотеку Румянцевского музея, по вечерам играл дома в шахматы и принимал родных, друзей и знакомых. «О моем душевном состоянии, — писал Толстой жене 18 сентября 1882 года, — трудно писать, одно, что оно хорошее и спокойное»².

В Хамовническом доме протекли двадцать последующих лет жизни Толстого, с 1882 по 1901 год. Обычно в

¹ «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», СПб., 1912, стр. 402.

² Юбил. изд., т. 83, стр. 361.

эти годы он приезжал в Москву поздней осенью и уезжал в Ясную Поляну весной.

Дом Л. Н. Толстого в Хамовниках являл собой своеобразный культурно-просветительный центр Москвы. В нем стекалось бесконечное количество людей: знакомых и незнакомых, москвичей и приезжих из разных углов России и из-за границы, принадлежавших к самым разнообразным слоям общества. Дом был всегда переполнен посетителями, желавшими видеть Толстого и говорить с ним¹.

В числе лиц, с которыми познакомился Толстой в Москве осенью 1882 года, был художник В. И. Суриков.

Под руководством еврейского раввина С. А. Минора Толстой начал «пристально» изучать древнееврейский язык. Через два месяца он писал в одном из писем, что выучил его настолько, что уже читает и многое понимает².

После напряженной литературной работы последнего времени он надеялся «пережить нынешнюю зиму спокойнее, чем прошлую»³. Тем не менее документы этого времени свидетельствуют о весьма тяжелой для Толстого жизни в Москве. В ноябре он писал В. И. Алексееву: «Я довольно спокоен, но грустно часто от торжествующего, самоуверенного безумия окружающей жизни. Не понимаешь часто, зачем мне дано так ясно видеть их безумие, и они совершенно лишены возможности понять свое безумие и свои ошибки; и мы так стоим друг против друга, не понимая друг друга и удивляясь, и осуждая друг друга. Только их легион, а я один»⁴. А в единственной дневниковой записи за 1882 год он писал 22 декабря: «Опять в Москве. Опять пережил муки душевные ужасные. Больше месяца. Но не бесплодные... Сей, сей, зная, что не ты, человек, пожнешь. Один сеет, другой жнет. Ты человек, Л. Н., не сожнешь... — Сей, сей...» Ту же мысль Толстой

¹ О Хамовническом доме Толстого подробнее см. путеводитель, составленный Вен. Ф. Булгаковым: «Дом Льва Николаевича Толстого в Хамовниках» — «Труды Толстовского музея», Гослитиздат, 1928.

² Юбил. изд., т. 63, стр. 106.

³ Письмо к Н. Н. Страхову от 11 октября 1882 г. — Юбил. изд., т. 63, стр. 104.

⁴ Там же, стр. 106.

развивает в большом письме к М. А. Энгельгардту, начатом в 20-х числах декабря 1882 года и законченном в январе 1883 года¹.

4.

В ноябре—декабре 1882 года Толстой ведет переписку с И. С. Тургеневым по поводу «Исповеди». Тургенев писал Григоровичу, что «Исповедь» Толстого «вещь замечательная по искренности, правдивости и силе убеждения», но она «построена вся на неверных посылах». В то же время Тургенев считает, что «все-таки Толстой едва ли не самый замечательный человек современной России»².

К сожалению, переписка Толстого с Тургеневым полностью не сохранилась: нет трех писем Толстого к Тургеневу из Москвы, написанных в октябре и в декабре 1882 года³.

О жизни Толстого в Москве в первые зимние месяцы 1883 года сохранилось сравнительно мало записей. Дневника он не вел. Мы о ней знаем лишь по его письмам и отчасти по письмам С. А. Толстой к сестре Т. А. Кузьминской.

В письме к М. С. Громеке, автору одобренной Толстым статьи об «Анне Карениной»⁴, Толстой в первых числах апреля 1883 года писал: «Я мало кого вижу... Я живу все тою же жизнью — тяжелой. К весне способность умственной работы перемежается, и становится тяжелее»⁵. В предшествующем, февральском письме к нему же Толстой писал из Москвы: «Мне часто говорят: пишите художественное и т. д. — Я всей душой бы рад, и кажется, что есть что, да кто же то напишет, что я теперь пишу? Пусть кто-нибудь снимет с меня это дело или покажет мне, что оно не нужно, или сделает его — в ножки поклонюсь»⁶. В это время Толстой напряженно работал над книгой «В чем моя вера?»

¹ Письмо к Н. Н. Страхову от 11 октября 1882 г. — Юбил. изд., т. 63, стр. 112—124.

² «Первое собрание писем И. С. Тургенева». СПб., 1884. стр. 510.

³ Юбил. изд., т. 63: Список недошедших писем, стр. 459—460, № 11, 12 и 15.

⁴ «Последнее произведение гр. Л. Н. Толстого». Статья эта держала пять изданий.

⁵ Юбил. изд., т. 63, стр. 136.

⁶ Там же, стр. 131.

26 апреля 1883 года Толстой уехал на лето из Москвы сначала в Ясную Поляну, а затем в свое самарское имение. В сентябре он приезжал в Москву лишь на два дня, чтобы сдать в печать свое последнее сочинение, а 7 октября окончательно переехал в Москву на зиму.

Еще в Ясной Поляне он узнал о смерти в Буживале (Франция) Тургенева, последовавшей 22 августа (3 сентября) 1883 года. В жизни у Толстого с Тургеневым были очень сложные и неровные отношения, но смерть его Толстой глубоко переживал. В письмах к жене, находившейся в это время в Москве, он писал: «О Тургеневе все думаю и ужасно люблю его, жалею и все читаю. Я все с ним живу. Непременно или буду читать или напишу и дам прочесть о нем»¹.

По приезде в Москву Толстой усиленно готовится к своему предполагавшемуся публичному выступлению на вечере Общества любителей российской словесности, посвященном памяти Тургенева. Вечер был назначен на 23 октября, но петербургская администрация, чтобы не допустить публичного выступления Толстого, так как «граф Лев Толстой... человек сумасшедший, от него следует всего ожидать; он может наговорить невероятные вещи, и скандал будет значительный», предложила московскому генерал-губернатору «под благовидным предлогом» отложить заседание Общества на неопределенное время². Вечер памяти Тургенева так и не состоялся.

10 января 1884 года в письме из Москвы к историку русской литературы А. Н. Пыпину о Тургеневе и его творчестве Толстой писал: «Я и всегда любил его, но после его смерти только оценил его как следует... Главное в нем это его *правдивость*... Он не употреблял свой талант (уменье хорошо изображать) на то, чтобы скрывать свою душу, как это делали и делают, а на то, чтобы всю ее выворотить наружу»³.

5.

Вскоре по приезде Толстого в Москву, в октябре 1883 года, к нему в хамовнический дом пришел только

¹ Юбил. изд., т. 83, стр. 397.

² «Былое», № 4 за 1917 г., стр. 152—153, 207.

³ Юбил. изд., т. 63, стр. 149—150.

недавно вышедший в отставку 29-летний конно-гвардейский офицер Владимир Григорьевич Чертков. Отказавшись от предстоявшей ему придворной и военной карьеры, Чертков уехал в деревню, где занялся общественной земской деятельностью, но вскоре, разочаровавшись в ней, оставил ее.

Знакомство Толстого с Чертковым очень быстро, несмотря на разницу в возрасте, перешло в тесную дружбу, не прерывавшуюся до конца жизни Толстого, и впоследствии (в 1910 году) Толстой назначил Черткова завещательным распоряжением своим литературным душеприказчиком. В соответствии с волей Толстого, в 1928 году, при организации юбилейного первого полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, предпринятого Советским государством, В. Г. Чертков был назначен правительством главным редактором этого издания.

Возвращаясь в Москву 18 ноября 1883 года из Ясной Поляны, куда он уезжал на 10 дней, Толстой по дороге с Курского вокзала потерял чемодан, в котором вез для сдачи в типографию рукописи и корректуры своего последнего сочинения «В чем моя вера?» Биограф Толстого П. И. Бирюков по этому поводу пишет: «Внутренняя сила, побуждавшая его писать эту книгу, была так велика, что эта пропажа была почти не замечена, пропавшие главы были восстановлены, и печатание шло своим порядком, без перерыва»¹.

В начале января 1884 года художник Н. Н. Ге пишет портрет Толстого в его рабочем кабинете в Москве.

26 января Толстой снова поехал в Ясную Поляну и, по свидетельству современников, вернувшись из деревни 8 февраля, он находился в бодром и «живом настроении», полный интереса к «вопросу об издании доступных для грамотного люда книг»².

14 февраля Толстой собрал у себя несколько общественных деятелей, интересующихся вопросами народного образования, и читал им приготовленную речь об изданиях для народа, которая кончается призывом: «Будем

¹ «Лев Николаевич Толстой. Биография», 2, изд. «Посредник». М., 1913, стр. 456.

² Письмо Р. А. Писарева к В. Г. Черткову от 7 февраля 1884 г., Юбил. изд., т. 25, стр. 876.

каждый в той области, которая ему больше знакома, передавать те великие произведения ума человеческого, которые сделали людей тем, что они есть. Соберемтесь, — будем собирать, выбирать, группировать и издавать это»¹.

В письме к Черткову от 17 февраля, воодушевленный этой мыслью, он писал: «Не верится, чтобы вышло, боюсь верить, потому что слишком было бы хорошо»², а в конце февраля сообщал, что занятие книгами все больше и больше захватывает его: «Хотелось бы оплачивать, чем могу, за свои 50-летние харчи»³.

В ряде записей дневника за 1884 год и в письмах Толстого к близким друзьям, особенно к В. Г. Черткову, отражена семейная трагедия Толстого — его разногласия с женой и с семейными на почве их различного восприятия всего окружающего.

Приведем некоторые записи из этого неопубликованного дневника.

7 марта. «Ездил верхом до Аминьева⁴ и назад. Все работают, только я гуляю».

9 марта. «Был утром у колодочника. В подвале пристально, бодро работают и пьют чай. Все работают, кроме меня».

15 марта. «Поехал верхом в Петровскую Академию⁵... Потом... напрасно зашел к Усову и просидел до часу. Праздный, пустой и не прямой, нечестный разговор: пересуды, выставление своих знаний и остроумия. Я во всем принимал участие и вышел с чувством стыда. Дома тоже нехорошо. Стыдно... Не спал до 5-го часа».

23 марта. «Надо писать, т. е. выражать мысли так, чтобы было хорошо на всех языках... Пошел к сапожнику. Стоит войти в рабочее жилье, душа расцветает. Шил баш-

¹ Юбил. изд., т. 25, стр. 529.

² Юбил. изд., т. 85, стр. 27.

³ Там же, стр. 30.

⁴ Аминьево — слобода бывш. Троице-Голенищевской волости в 8 километрах к юго-западу от Москвы.

⁵ Петровская сельскохозяйственная академия в Петровско-Разумовском, ныне Тимирязевская. Об этом см. воспоминания Е. Н. Янжул. Встречи с Толстым — «Международный толстовский альманах. О Толстом», составленный П. Сергеевко, изд. «Книга», М., 1909, стр. 426—428.

маки до 10. Опять попробовал говорить, опять зло — не любовь...»

27 марта. «Александр Петрович рассказывал про умершую у них женщину с голода... Пошел в полицию. Сказали, что девки часто моложе 15 лет... Оттуда пошел в Ржанов дом к мертвой, был смущен, не знал, что сказать»¹.

30 марта. «Ходил на чулочную фабрику. Свистки значат то, что в 5 мальчик становится за станок и стоит до 8. В 8 пьет чай и становится до 12, в 1 становится до 4. В 4½ становится и до 8. И так каждый день. Вот, что значат свистки, которые мы слышим в постели...»²

После завтрака поехал верхом к Бирюлеву³. Езда верхом мне стала прямо неприятна — что-то тщеславное вызывается и удаляет от общения с людьми».

31 марта. «Пошел в слесарную школу. Лучшее заведение в России. Если бы не вмешательство правительства и церкви».

3 апреля. «Дома Репин. С ним очень хорошо говорил за работой».

4 апреля. «Вечер работал до второго часа сапоги. Очень тяжело в семье. Тяжело, что не могу сочувствовать им. Все их радости, экзамен, успехи света, музыка, обстановка, покупки, все это я считаю несчастьем и злом для них и не могу этого сказать им. Я могу, я и говорю, но мои слова не захватывают никого. Они как будто знают — не смысл моих слов, а то, что я имею дурную привычку это говорить. В слабые минуты — теперь такая — я удивляюсь их безжалостности. Как они не видят, что я не то, что страдаю, а лишен жизни вот уже 3 года...»

1 мая. «Стал поправлять Ивана Ильича и хорошо работал. Вероятно мне нужен отдых от той работы и эта художественная такая».

7 мая. «Как мне трудно мое положение известного писа-

¹ Оба эти случая Толстой художественно описал в XXIV главе «Так что же нам делать?» См. Юбил. изд., т. 25, стр. 297—301. Александр Петрович — А. П. Иванов, переписчик Толстого, запойный пьяница и постоянный обитатель ночлежных домов.

² «Так что же нам делать?» Юбил. изд., т. 25, стр. 302.

³ Село Бирюлево в 18 километрах к югу от Москвы; в настоящее время — станция Московско-Донбасской ж. д.

теля. Только с мужиками я вполне простой, т. е. настоящий человек».

Такова была духовная жизнь Толстого в Москве в 80-х годах; он мучился, искал выхода и не находил его. Художественное творчество было его главным, быть может, единственным отдохновением, как он сам об этом писал в приведенной выше записи от 1 мая.

6.

Зимой 1884 года Толстой часто встречается с своими новыми друзьями — В. Г. Чертковым, художником Н. Н. Ге и его старшим сыном Н. Н. Ге (младшим), редактором «Русской мысли» С. А. Юрьевым, со старыми друзьями Фетом и Н. Н. Страховым, приезжавшим в Москву из Петербурга; но по записям дневника видно, что дружба его со Страховым и Фетом стала ослабевать вследствие растущих между ними разногласий.

В Москве в 1884 году Толстой поддерживает личные связи с московскими профессорами: зоологом С. А. Усовым, математиком Н. В. Бугаевым, профессором литературы Н. И. Стороженко, экономистами А. И. Чупровым и И. И. Янжулом, философами Л. М. Лопатиным и В. С. Соловьевым, с писателями Н. Н. Златовратским, А. С. Пругавиным и другими. Он посещает мастерские художников: И. Е. Репина, И. М. Прянишникова, В. М. Васнецова, В. Е. Маковского, встречается с П. М. Третьяковым.

7 апреля Толстой посетил XII выставку «Передвижников», где были выставлены, среди других, картины Крамского «Безутешное горе» и Репина «Не ждали». Об этих картинах он отметил в дневнике: «Прекрасно Крамского. Репина — не вышло».

Толстой проявляет живой интерес к участи политических заключенных, особенно каторжан на Каре в Сибири. Он хлопочет об облегчении их положения, пишет об этом ряд писем. В одном из них к А. А. Толстой, по поводу прошения «на высочайшее имя» А. В. Армфельдт о разрешении ей поехать к умиравшей на каторге дочери Н. А. Армфельдт-Комовой, он писал: «Когда я увидел всю эту ложь, все эти «священные особы» и т. п., мне

стало грустно, и я почувствовал, что не могу участвовать, но потом мне стало стыдно»¹. В пользу карийских заключенных он намеревался отдать свой гонорар за трактат «Так что же нам делать?»

Посетив в Москве 21 апреля А. В. Армфельдт, Толстой встретился у нее с женой писателя Глеба Ив. Успенского — А. В. Успенской.

Прожив лето в Ясной Поляне, Толстой возвратился в Москву 3 ноября. Вскоре он обсуждает с Чертковым вопрос об издании для народа по дешевой цене «настоящей хорошей литературы», которая могла бы вытеснить распространенную лубочную литературу. Чертков, горячо отозвавшийся на это намерение Толстого, привлек к делу И. Д. Сытина, который тогда еще только начал разворачивать свою издательскую деятельность. С ним Чертков заключил договор об издании, ценой от одной копейки за книжку, произведений таких авторов, как Толстой, Островский, Лесков, Глеб Успенский, Гаршин, Златовратский, Эртель и другие, согласившихся отказаться от своих авторских гонораров. К ним присоединились на тех же условиях для иллюстрирования книжек художники Репин, Крамской, Маковский, Ярошенко, Прянишников, Касаткин и другие.

Впоследствии к этому делу примкнул ряд других выдающихся писателей, художников, педагогов, врачей, агрономов: А. П. Чехов, А. М. Горький, Н. Д. Телешов, Н. К. Крупская, А. И. Елизарова, М. И. Ульянова, А. М. Калмыкова, Н. В. Чехов, К. А. Тимирязев, А. Ф. Фортунатов и многие другие. Дело быстро разрослось, и в 1885 году было организовано книгоиздательство «Посредник», просуществовавшее долгие годы и сыгравшее в свое время большую культурно-просветительную роль.

Дневника в это время Толстой не вел, он прекратил записи 13 сентября 1884 года. О его мыслях, настроениях того времени можно судить, главным образом, по сохранившимся многочисленным письмам. Так, например, в письме к жене от 8 декабря он писал из Ясной Поляны, сравнивая привлекавшую его деревенскую жизнь с город-

¹ Юбил. изд., т. 63, стр. 163.

ской цивилизованной жизнью: «Провел прекрасный день. Теперь 6 часов вечера. Вчера, когда вышел и сел в сани и поехал по глубокому, рыхлому — в пол-аршина (выпал в ночь) снегу, в этой тишине, мягкости и с прелестным зимним звездным небом над головой, с симпатичным Мишей, испытал чувство, похожее на восторг, особенно после вагона с курящей помещицей в браслетах, жидком-доктором, перирующим о том, что нужно казнить, с какой-то пьяной ужасной бабой в разорванном атласном салопе, бесчувственно лежавшей на лавке и опустившейся тут же, и с господином с бутылкой в чемодане, и с студентом в рипсе-пез, и с кондуктором, толкавшим меня в спину, потому что я в полушубке. После всего этого Орион, Сириус над Засекой, пухлый, беззвучный снег, добрая лошадь, и добрый Миша, и добрый воздух, и добрый бог...»¹

Рассказывая о своем времяпрепровождении в деревне, Толстой описывает деревенскую нужду, свои поездки в розвальнях по соседним деревням, встречи с крестьянскими ребятишками: «Очень хорошо. Очень все это меня трогает», — заканчивает свое письмо Толстой.

С. А. Толстая отвечала: «Теперь о твоём письме. Первое впечатление по прочтении его — это грусть. Да, мы на разных дорогах с детства: ты любишь деревню, народ, любишь крестьянских детей, любишь всю эту первобытную жизнь, из которой, женись на мне, ты вышел. Я — городская, и, как бы я ни рассуждала и ни стремилась любить деревню и народ, любить я это всем своим существом не могу и не буду никогда. Я не понимаю и не пойму никогда деревенского народа... Описание твоё деревенских детей, жизни народа и проч. ваши сказки и разговоры, все это, как и прежде, при Яснополянской школе, осталось неизменно. Но жаль, что своих детей ты мало полюбил, если б они были крестьянкины дети, тогда было бы другое»².

В другом письме, от 13 декабря, Толстой писал жене: «Что тебе мой вагон так не понравился? Вагон этот есть образец Москвы. Тут она была вся в сжатом виде»³.

¹ Юбил. изд. т. 83, стр. 454.

² Там же, стр. 458.

³ Там же, стр. 467—468.

Возвратился Толстой в Москву из Ясной Поляны 16 декабря. Вскоре по приезде он написал большое письмо В. И. Алексееву о собственности и недопустимости пользования чужим трудом. «Отвратительный акт жизни, — пишет Толстой в этом письме, — пожирания чужих жизней и праздность своей — сколько бы вы ни работали руками, остается во всей силе для человека, у которого есть сердце»¹.

В январе 1885 года Толстой несколько раз был в Бутырской тюрьме, посещая своего самарского знакомого, революционера Е. Е. Лазарева, содержавшегося там по делу 193-х в ожидании отправки в Сибирь. 7 марта он ездил в Орловскую губернию в имение Мальцевых, к своему больному другу Л. Д. Урусову. Там он осматривал мальцевские заводы: стекольный и Людиновский чугунолитейный.

11 марта Толстой уехал в Крым сопровождать заболевшего чахоткой Л. Д. Урусова и возвратился в Москву 23 марта.

В Москве Толстой продолжает интересоваться делами политических заключенных. К нему обратилась мать умершего в 1881 году на каторге народовольца Л. А. Дмоховского, которая была внучкой декабриста Коновницына и племянницей другого декабриста — Якушкина. Дмоховская просила помощи Толстого в хлопотах по облегчению участи сосланного мужа ее дочери народовольца А. А. Тихоцкого.

Об А. В. Дмоховской Толстой несколько раз записывает в своем дневнике 1884 года. Об отношениях с Дмоховской рассказывает в своих воспоминаниях А. С. Пругавин. Он пишет: «В числе восторженных поклонниц Л. Н. Толстого была одна глубокая старушка Анастасия Васильевна Дмоховская, мать того Дмоховского, который в 1874 году был осужден по делу Долгушина за антиправительственную пропаганду в каторжные работы и умер в Иркутской тюрьме. Старушка обожала Толстого, чуть не молилась на него, была счастлива, когда ей удавалось повидать его, поговорить с ним. Все, что выходило из-под пера Льва Николаевича, она жадно и тщательно соби-

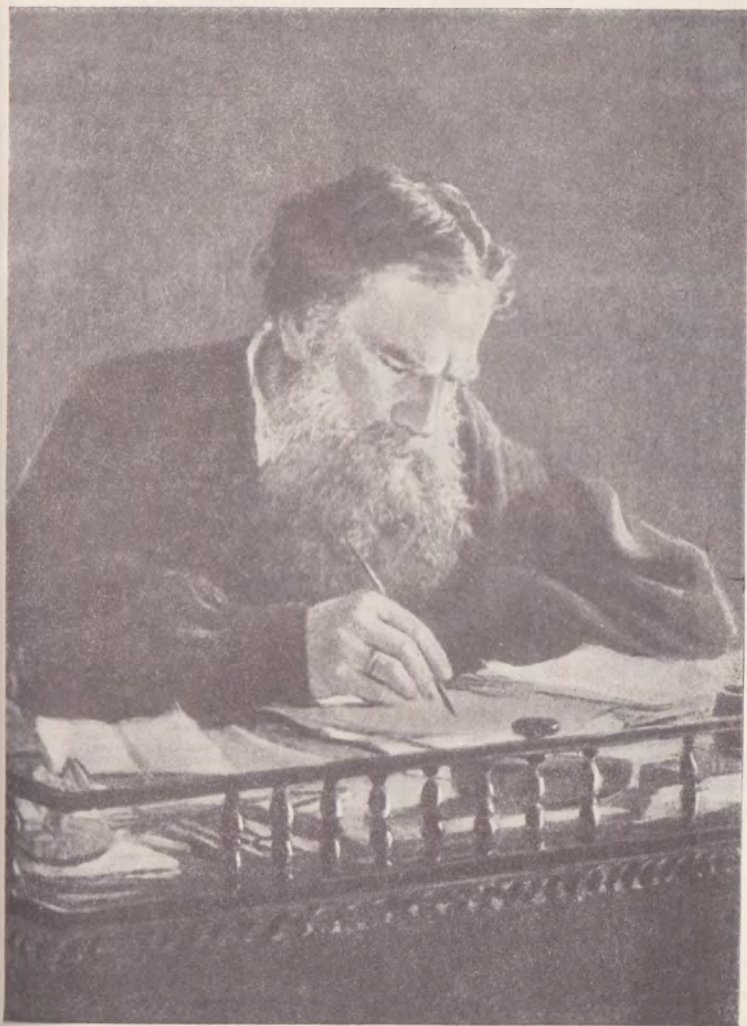
¹ Юбил. изд., т. 63, стр. 194.

рала и распространяла среди своих знакомых... Между прочим у нее было много знакомых из радикальных и революционных кругов того времени. Из этой категории ее знакомых я особенно хорошо помню Сергея Андреевича Иванова, жившего в то время в Москве на нелегальном положении. После разгрома «Народной воли» в начале 80-х годов и ареста главных участников этой организации С. А. Иванов являлся в то время одним из видных представителей «народовольческого» направления. Узнав от Дмоховской, что Толстой интересуется революционным движением и сочувственно относится к положению политических ссыльных, С. А. начал просить Анастасию Васильевну устроить ему свидание с Толстым. Старушка с энтузиазмом взялась за исполнение этой просьбы и, действительно, вскоре ей удалось получить согласие Льва Николаевича. Назначен был вечер, когда Толстой и С. А. Иванов должны были притти к Дмоховской, жившей тогда в меблированных комнатах на Арбате, близ Арбатских ворот.

Присутствуя на этом свидании, я был свидетелем глубоко интересного разговора Толстого, как всегда, конечно, отрицавшего насилие, с убежденным революционером, который верил в необходимость и целесообразность самых крайних средств борьбы. Толстой внимательно выслушивал своего оппонента и спокойно доказывал полнейшую бесполезность подобного рода «актов» для достижения общего счастья... Они расстались, разумеется, не убедивши друг друга. Вскоре после этого С. А. Иванов был арестован, а затем после суда был заключен в Шлиссельбургскую крепость, в которой и просидел около двадцати лет до самой амнистии. Когда в дни свобод судьба снова столкнула меня с ним, он вспоминал о вечере, проведенном в обществе Толстого, как об одном из самых ярких моментов своей жизни на воле¹.

30 марта 1885 года Толстой осматривал XIII передвижную выставку, где была выставлена картина Репина «Иван Грозный и сын его Иван 6 ноября 1582 г.» (в настоящее время находится в Третьяковской галлерее).

¹ А. С. Пругавин, «О Льве Толстом и о толстовцах», М., 1911, стр. 96—98.

*Толстой за работой в своем кабинете в Хамовническом доме
в Москве.*

С портрета Н. Н. Ге в 1884 году.

В письме к И. Е. Репину 1 апреля 1885 года по поводу этой картины Толстой писал: «молодец Репин, именно молодец. Тут что-то доброе, сильное, смелое и попавшее в цель... Хорошо, очень хорошо, и хотел художник сказать значительное, и сказал вполне и ясно, и, кроме того, так мастерски, что не видать мастерства»¹.

В Москве весной 1885 года Толстой с увлечением работал, для издания в «Посреднике», над серией рассказов, отражающих идеологию патриархального крестьянства после 80-х годов. Рассказы эти, написанные простым, народным языком, впоследствии получили общее название «Народных рассказов»².

В то же время Толстой вел оживленную переписку по поводу рассказов для «Посредника» с Чертковым, Репиным и другими. Он рекомендовал для издания в «Посреднике» отдельные произведения иностранных писателей, особенно Диккенса. «В нем найдется много прекрасного, — его маленькие рассказы и романы», — писал Толстой Черткову 9 мая 1885 года³.

С. А. Толстая 27 апреля 1885 года писала своей сестре Т. А. Кузминской, что Лев Николаевич «помешан на чтении для народа»⁴.

16 мая Толстой перебрался из Москвы на лето в Ясную Поляну, где продолжал работу над народными рассказами.

В Москву он возвратился 1 ноября. О приезде Толстого в Москву С. А. Толстая писала своей сестре: «Левочка вернулся 1-го ноября. Мы все повеселели от его приезда, а сам он очень мил, спокоен, весел и бодр. Только он переменял еще привычки. Все новенькое, что ни день: встает в 7 часов, темно. Качает на весь дом воду, везет огромную кадку на салазках, пилит длинные дрова, и колет, и складывает в сажень. Белый хлеб не ест, никуда положительно не ходит»⁵.

Академик И. И. Янжул в своих воспоминаниях «Мое знакомство с Толстым» рассказывал, что вскоре по при-

¹ Юбил. изд., т. 63, стр. 223.

² Юбил. изд., т. 25.

³ Юбил. изд., т. 85, стр. 188.

⁴ Н. Н. Гусев. Летопись, стр. 327.

⁵ Юбил. изд., т. 85, стр. 275—276.

езде в Москву, в начале ноября 1888 года, Толстой собрал у себя знакомых профессоров — И. И. Янжула, А. И. Чупрова, И. М. Иванюкова и С. А. Усова и читал им вслух главы о деньгах из «Так что же нам делать?». В то время они не могли понять, что Толстой отрицал деньги не «как орудие и удобное средство для обмена или обращения ценностей», а как почти синоним богатства.

Кроме народных рассказов, Толстой разрабатывал вместе с Чертковым тематические планы издательства «Посредник». Он был против того, чтобы переделки иностранных повестей, вроде «Евгении Гранде» Бальзака, применялись к русским нравам. Это «значит, — писал Толстой, — лишать эти повести интереса знания быта не русского и, главное — реальности». Рекомендую перевести полностью романы Диккенса «Холодный дом» и «Крошка Доррит», он в том же письме пишет: «Стоит... именно на Диккенсе передать всю тонкость иронии и чувства — выучить понимать оттенки. Для этого нет лучше Диккенса»¹.

Толстой попрежнему далеко не удовлетворен своей жизнью в Москве. Он пишет Черткову в письмах 9—15 декабря 1885: «Мне мучительно тяжело и ни с кем так мне не хочется поделиться этой тяжестью, как с вами, милый друг, потому что мне кажется, никто так не любит во мне то хорошее, что есть во мне, как вы»², и далее подробно описывает свою жизнь среди не понимающей и не сочувствующей ему семьи. «Чтобы поправить свои расшатанные силы и физически и нравственно»³, Толстой с дочерью Татьяной Львовной 19 декабря уезжает к своим друзьям Олсуфьевым в их имение «Никольское-Горушки» («Оболяново»), Дмитровского уезда, Московской губернии, в 60 километрах от Москвы и в 20 километрах от станции Подсолнечная (ныне село Подъячево, Коммунистического района, Московской области). В следующем письме, от 27 декабря, он писал Черткову, что «В самое рождество случилось, что... пошел гулять по незнакомым пустынным зимним деревенским дорогам и проходил весь день»⁴.

¹ Юбил. изд., т. 85, стр. 286—287.

² Там же, стр. 294.

³ Там же, стр. 298.

⁴ Там же, стр. 301.

В начале февраля 1886 года Толстой впервые познакомился с посетившим его В. Г. Короленко.

7.

Новый, 1886 год начался тяжелым переживанием для Толстого и его семьи: 18 января умер его пятилетний сын Алексей. С. А. Толстая писала своей сестре о состоянии Льва Николаевича в связи со смертью ребенка: «Левочка осунулся, похудел и очень грустен»¹.

Преодолевая личное горе, Толстой усиленно продолжал свою творческую работу. Он писал в это время, «Смерть Ивана Ильича» и текст к картине Ге «Тайная вечеря», перерабатывал для «Посредника» легенду Н. И. Костомарова «40 лет» и легенду «О Будде», писал народные рассказы: «Кающийся грешник», «Три старца», «Крестник», «Зерно с куриное яйцо», «Много ли человеку земли нужно», «Как чертенок краюшку выкупал» и пьесу «Первый винокур». Эту пьесу он передал 3 марта для постановки в «балаганах».

Наряду с собственными работами, Толстой с увлечением занимался отбором для издания в «Посреднике» лучших произведений русских и иностранных классиков. В письме к Черткову от 22 февраля 1886 года он писал, что его все больше и больше занимает Диккенс, особенно «История двух городов», «Крошка Доррит», «Наш общий друг».

Вместе с тем, весной 1886 года в Москве Толстой много работал над календарем с русскими пословицами. «Календарь с пословицами на 1887 год» со значительными цензурными урезками был издан в Петербурге и в настоящее время является библиографической редкостью. Толстой заинтересовывается деятельностью знаменитого путешественника Н. Н. Миклухо-Маклая и советует Черткову написать для «Посредника» статью о нем. Осенью 1886 года Толстой вступил с Миклухо-Маклаем в непосредственную переписку.

В феврале 1886 года Толстой в письме к петербургскому актеру П. А. Денисенко горячо поощрял его отдаться всецело работе по народному театру. Он писал:

¹ Юбил. изд., т. 85, стр. 316.

«Переделывайте, переводите, собирайте.. пьесы такие, которые, имели бы глубокое, вечное содержание и были понятны всей той публике, которая ходит в балаганы, и ставьте их, и давайте, где можно — в театрах ли, в балаганах ли. — Если вы возьметесь за это дело, я всячески — и своим писанием и привлечением к этому делу людей.. буду служить этому делу. Но дело само по себе огромного значения;.. и непременно пойдет и будет иметь огромный успех;.. и если сотни людей отдадутся все этому делу — все будет мало... — Желаю всей душой вам успеха в деле народного театра. Лев Толстой»¹.

30 марта 1886 года в Обществе любителей российской словесности Н. И. Стороженко и А. С. Пругавин читали «Смерть Ивана Ильича».

Вечером 4 апреля Толстой вместе с М. А. Стаховичем и Н. Н. Ге-сыном отправился пешком из Москвы в Ясную Поляну.

6 апреля дошли до Серпухова (последние 7 верст ехали). 7—8 апреля ночевали у 95-летнего солдата, который служил еще при Александре I и Николае I. Толстой записал с его слов рассказ о Николае Палкине. Свой первоначальный набросок, сделанный на месте, Толстой вскоре переработал в рассказ под тем же заглавием.

9 апреля к 8 часам вечера дошли до Ясной Поляны.

В середине мая Толстой возвратился в Москву, где пробыл две недели. Во время этого своего пребывания в Москве он работал над окончанием легенды Костомарова «40 лет» и над предисловием к сборнику «Цветник».

Вновь в Москву Толстой вместе со всей семьей переехал 21 ноября. В середине декабря 1886 года он писал о жизни в Москве своему другу художнику Н. Н. Ге: «Я в Москве и так, несмотря на это, счастлив и спокоен: большею частью ничего не желаю. Работы столько, вероятно что нужной людям, что знаешь, вперед, что не кончишь. Также и у вас, я знаю. А как знаешь, что не кончишь работы — отпадает желание личной награды за нее, а остается сознание служения»².

Углубленные занятия Толстого за последние годы над

¹ Юбил. изд., т. 63, стр. 328—329.

² Там же, стр. 427.

вопросами народной литературы, языка и русским фольклором творчески завершились созданием замечательного драматического произведения из крестьянской жизни — драмы «Власть тьмы», или «Коготок увяз, всей птичке пропасть», в основном написанной в октябре-ноябре 1886 года. В этой драме, отражающей новый, послереформенный деревенский быт, показано расслоение деревни, зарождение и распространение в ней власти капитала.

Вскоре по приезде в Москву Толстой отправил свою рукопись «Власть тьмы» известной петербургской драматической актрисе Савиной, которая просила разрешения поставить ее на своем юбилее.

В конце декабря М. Г. Савина сама посетила Толстого и вела с ним переговоры о постановке драмы. Однако постановка «Власти тьмы» на сцене императорских театров тогда была запрещена.

К осени 1886 года относятся замысел и первые наброски пьесы, первоначально названной «Спириты», потом «Исхитрилась» и, наконец, озаглавленной «Плоды просвещения».

Комедия эта, сначала набросанная только для домашнего спектакля, по мере работы над ней прерватилась в художественное произведение, бичующее презираемые Толстым быт и интересы высшей московской помещицкой знати.

Произведение это живет и звучит до сих пор и с захватывающим интересом смотрится нашим современным зрителем на сценах советского театра.

В пьесе этой персонажами взяты действительно существовавшие, хорошо знакомые лица из московской знати 80-х годов, и, в частности, описывается спиритический сеанс в доме московского барина Н. А. Львова, на котором присутствовал в начале 80-х годов сам Толстой¹.

3 января 1887 года Толстой с дочерью Татьяной Львовной отправился из Москвы на маленьких санках в подмосковное имение своих друзей Олсуфьевых «Никольское» («Оболяново»). Здесь Толстой работал над по-

¹ См. об этом статью Н. К. Гудзия «История писания и печатания комедии «Плоды просвещения» в 27-м томе Юбилейного издания, стр. 647.

вестью «Ходите в свете, пока есть свет». По возвращении в Москву (около 15 января) Толстой большую часть времени посвятил работе для издательства «Посредник»; он перечитывает огромное количество книг, отбирает литературу для переиздания, ведет переписку по делам «Посредника» с Чертковым и П. И. Бирюковым. В письме к Бирюкову от 7 февраля по поводу издания популярных научных книжек Толстой высказывает, между прочим, мысль, что следует «науку передавать научно, весь ход мысли, при исследовании какого-либо предмета, а не сказочно»¹.

В середине марта Толстой приглашает к себе московских земских врачей Н. Ф. Михайлова, И. В. Попова и А. Г. Архангельскую и составляет с ними план издания в «Посреднике» популярных медицинских книжек.

В связи с просмотром рукописей начинающих писателей и писателей из народа, Толстой писал 4 марта 1887 года Бирюкову: «Писателю-художнику, кроме внешнего таланта, надо две вещи: первое — знать твердо, что должно быть, а второе — так верить в то, что должно быть, так, как будто оно есть, как будто я живу среди него»².

В январе 1887 года Толстой написал рассказ «Суратская кофейня».

Наряду с большой работой по народным изданиям, Толстой продолжал начатую еще в 1886 году, сначала в форме письма к А. К. Чертковой, статью о жизни и смерти. Статья эта все больше и больше захватывала и увлекала Толстого и разрослась в большой философский трактат «О жизни».

5 февраля 1887 года, встретившись в библиотеке Румянцевского музея с философом Н. Я. Гротом, во многом разделявшим его взгляды, Толстой «прогулял с ним с лишком час по бульварам и проспорил о науке»³. 25 февраля 1887 года он присутствовал на реферате Грота «О свободе воли» в Московском психологическом обществе.

5 марта на втором заседании Психологического общества Толстой принимал участие в прениях по реферату Грота, а 14 марта сам читал на заседании Психологиче-

¹ «Толстовский ежегодник», 1913, стр. 117.

² Впервые опубликовано П. И. Бирюковым в его «Биографии Л. Н. Толстого», т. 3, изд. 1, стр. 37.

³ Н. Н. Гусев, Летопись, стр. 364.

ского общества в Университете реферат «Понятие о жизни».

О докладе Толстого довольно подробно рассказывал Н. Я. Грот в своем письме к матери: «В день доклада Толстой хорошо выспался и, чтобы быть свежим, явился на заседание, переполненное публикой, благодаря ожидавшемуся его выступлению, лишь к 10 часам вечера». Газеты того времени писали: Л. Н. Толстой «торопливо прошел к тому месту, которое было для него оставлено, видимо не желая обращать на себя внимания, и, заняв его, обратился к присутствующим со следующими словами: «Я должен просить у вас извинения, господа, что не мог явиться во-время, и потому, чтобы не задерживать вас долго, я начну свое сообщение со второй части. «Лучше сначала, граф», раздались протестующие голоса. «Нет, право, так лучше будет, — возразил граф, — позвольте мне остаться при моем решении» — и он принялся за чтение»¹.

31 марта Толстой уехал в Ясную Поляну. По этому поводу он писал Чертковым: «уехал в деревню, сам не знаю зачем. Хотелось и побольше уединения и страшно было обозлиться от жизни»². 18 апреля он возвратился в Москву.

19 апреля Н. Я. Грот познакомил Толстого с профессором философии Пражского университета Томасом Массариком — будущим первым президентом Чехословацкой республики. Как известно, с этого времени у Толстого с Массариком установились дружеские отношения, которые длились до конца жизни Толстого. Массарик был у Толстого еще три раза: в Ясной Поляне 27—29 октября 1887 года, в Москве в 1888 году и в Ясной Поляне в год смерти Толстого — 29—30 марта 1910 года.

20 апреля 1887 года Толстого впервые посетил Н. С. Лесков. Толстой писал о нем Черткову: «Какой умный и оригинальный человек!»³.

В том же письме Толстой писал: «Я все работаю над «Жизнью и смертью», и что дальше, то яснее. Эта работа

¹ Юбил. изд., т. 26, стр. 754.

² Юбил. изд., т. 86, стр. 41.

³ Там же, стр. 49.

для меня ступень, на которую взбираюсь. Во время этой работы приходят мысли из этой же работы, которые могут быть выражены только в художественной форме, и когда кончу или перерву, бог даст, то и напишу»¹.

25 апреля Толстой переехал на лето в Ясную Поляну. 28 октября возвратился в Москву. В Москве он почти ежедневно видался с Гротом, который по его поручению занимался корректурами печатавшейся книги «О жизни».

10 ноября Толстой написал большое письмо Н. Н. Страхову, в котором положительно отзывался о книге Страхова «Борьба с Западом в нашей литературе» и о его критических статьях о Тургеневе, Толстом и Репине, про которого писал: «Репина... я так же высоко ценю, как и вы, и сердечно люблю... Я знаю, что он меня любит, как и я его»². В этом же письме Толстой просил Страхова содействовать в хлопотах находившегося под надзором полиции врача А. М. Богомольца, чтобы ему с ребенком было разрешено жить с его женой С. Н. Богомолец, приговоренной за участие в «Южно-русском рабочем кружке» к 10-летним каторжным работам. С. Н. Богомолец находилась в каторжной тюрьме на Каре. В 1890 году А. М. Богомолец вновь приезжал с сыном к Толстому в Ясную Поляну за помощью. На этот раз хлопоты его и Толстого увенчались успехом, и в 1891 году А. М. Богомолец с сыном было разрешено поехать к жене. Но она, выпущенная лишь за три дня до смерти в так называемую «вольную команду», умерла от туберкулеза, и А. М. Богомолец с сыном возвратился в Европейскую Россию³.

18 ноября Толстой был у А. А. Фета в его доме на Плющихе (ныне дом № 34/36). Там он встретился с Н. Я. Гротом и В. С. Соловьевым, с которыми проспорила часа три на философские темы.

¹ Юбил. изд., т. 86, стр. 49.

² Сборник «Толстой и о Толстом», 2, стр. 54.

³ Десятилетний сын А. М. и С. Н. Богомолец, упоминающийся в письмах Толстого и приезжавший к нему с отцом, — известный советский ученый и общественный деятель, президент Украинской Академии наук, действительный член Академии наук СССР и депутат Верховного Совета СССР и УССР, Герой Социалистического Труда Александр Александрович Богомолец, умерший в 1946 году.

В начале декабря 1887 года Толстой организовал в Москве своеобразное добровольное общество трезвости под названием «Согласие против пьянства», деятельность которого в последующие 1888—1889 годы достигла значительных размеров: оно насчитывало более тысячи членов¹.

24 января Толстой под впечатлением перечитанной, по его словам, «третий раз в жизни», «Избранной переписки Гоголя с друзьями» начал писать статью «О Гоголе». Статья эта закончена не была — напечатана в 26-м томе Юбилейного издания.

26 января московский генерал-губернатор кн. В. А. Долгоруков «совершенно конфиденциально» доносил министру внутренних дел гр. Д. А. Толстому, что на его приглашение к себе для объяснений по поводу гектографированного издания статьи «Николай Палкин» гр. Л. Н. Толстой «прибыть добровольно для объяснений по вопросу о каких бы то ни было своих сочинениях» отказался, «так как в подобном приглашении усматривает вторжение в свой духовный мир». Что же касается гектографированных экземпляров статьи «Николай Палкин», то он их никогда не видал. Долгоруков полагает «возможным ограничиться заявлением гр. Л. Н. Толстого», так как, «помимо высокого значения его таланта, всякая репрессивная мера, принятая относительно гр. Л. Н. Толстого, окружит его ореолом страдания и тем будет содействовать распространению его мыслей и учения»².

В начале февраля Толстой обратился с теплым, дружеским письмом к И. Е. Репину, в котором писал, что уверен, что у Репина «не было и не может быть никакого изменения в тех чувствах уважения и любви, какие» они «друг к другу имели», и закончил письмо подписью: «Любящий вас очень Лев Толстой».

В письме к своему другу — художнику Н. Н. Ге от 13 февраля Толстой писал, что он всё последнее время читал и читает теперь Герцена. «Что за удивительный писатель, — пишет Толстой. — И наша жизнь русская за

¹ См. В. Д. Бонч-Бруевич. Итоги Согласия против пьянства. «Известия Общества Толстовского музея» за 1911 г., №№ 3—5, стр. 22—24.

² Н. Н. Гусев. Летопись, стр. 382.

последние 20 лет была бы не так, если бы этот писатель не был скрыт от молодого поколения. А то из организма русского общества вынут насильственно очень важный орган»¹. В письме К Черткову от 9 февраля Толстой пишет, что он восхищается Герценом и соболезнует тому, «что его сочинения запрещены: во-первых, — пишет Толстой, — это писатель, как писатель художественный, если не выше, то уж наверно равный нашим первым писателям»².

Чтобы отдохнуть от умственного напряжения, Толстой, как и прежде, занимается в Москве физической работой: он пилит и колет дрова, чистит снег, шьет сапоги и прочее.

26 марта Толстого посетили профессор философии в Сорбонне Эмиль Паже — переводчик на французский язык работы Толстого «Так что же нам делать?» и Массарик. «Оба профессора философии. Но оба сердечные и свободные люди», — писал Толстой Черткову 29 марта 1888 года. После их посещения у Толстого явилась мысль издавать за границей расширенный «Посредник», без всякой цензуры, на четырех языках: русском, французском, немецком и английском. «Программа: все, что выработал дух человеческий: мудрость, история, поэзия, искусства»³.

В письме к П. И. Бирюкову, написанном в середине апреля, Толстой утверждал, что для него писательская деятельность, когда она истинная, составляет «высшее... благо и потому и дело». «Писать головой очень хочется и знаю, что нужно, а не могу — сердцем не тянет».

Далее он восторженно отзывался о двух легендах Лескова: «Прекрасная Аза» и «Совестливый Данило», запрашивал, начал ли писать для «Посредника» А. Ф. Кони обещанный рассказ; если не начал, то не отдаст ли Кони ему тему этого рассказа⁴. А темой этой был рассказанный Толстому Кони случай из его судебной практики. Толстой воспользовался темой рассказа Кони и в даль-

¹ «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», стр. 109.

² Юбил. изд., т. 86, стр. 121.

³ Там же, стр. 144.

⁴ Напечатано в биографии Бирюкова, 3, стр. 57—58, изд. 1.

нейшем положил ее в основу своего романа «Воскресение», долго называя его «Коновской повестью».

17 апреля Толстой с Н. Н. Ге-сыном второй раз отправился пешком из Москвы в Ясную Поляну. Ночевали в Подольске. 19-го прошли Серпухов и 22-го пришли в Ясную Поляну. Об этом путешествии Толстой писал жене: «Путешествие очень удалось. Как я ни стар¹ и как ни знаю нашу жизнь, всякий раз узнаешь во всех отношениях — и нравственном и умственном»².

8.

Прожив в Ясной Поляне все лето, Толстой осенью (около 15 ноября) переехал в Москву. В письме к Черткову от 17 ноября он сообщал, что и в Москве ничего не пишет: «Нет еще потребности. А разбросанные мысли все больше и больше сосредотачиваются около известных точек»³.

23 ноября 1888 года в Москве после четырехлетнего перерыва Толстой возобновил записи в своем дневнике и не прерывал их уже до конца жизни⁴.

В первой же записи дневника Толстой отмечает неудовлетворение от своей жизни в Москве. «Все не пишу — нет потребности такой, которая бы притянула к столу, а нарочно — не могу. ...С женой тяжелые отношения».

25 ноября Толстого посетила американская писательница Хэпгуд, ранее бывшая у него и переводившая на английский язык «Детство», «Отрочество», «Юность», и статьи: «О жизни» и «Так что же нам делать?».

В дневниковой записи Толстой приводит следующий разговор с нею:

Хэпгуд: — Отчего не пишете?

Я: — Пустое занятие.

Хэпгуд: — Отчего?

Я: — Книг слишком много, и теперь какие бы книги ни писали, мир пойдет все так же. Если бы Христос пришел и отдал бы в печать Евангелия, дамы бы постара-

¹ Толстому шел 60-й год.

² «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М., 1915, стр. 324.

³ Юбил. изд., т. 86, стр. 189.

⁴ Дневники Толстого с 1888 года до 28 октября 1895 года не опубликованы.

лись получить его автографы и больше ничего. Надо нам перестать писать, читать, говорить, надо делать».

23 ноября Толстой отправился с сыновьями в баню: «вместо 1 рубля, как прежде, 12 копеек за 3-их, и так же хорошо и еще лучше», — пишет он в дневнике.

29 ноября и 2 декабря Толстой ходил в Петровско-Хамовническое городское начальное училище на Девичьем поле, где его «поразила глупость и вялость и дисциплина механического учения»¹. Он подал заявление о допущении его к занятиям в этой школе, на что, по свидетельству П. И. Бирюкова, последовал решительный отказ.

30 ноября «все утро гадал, спрашивал себя, что писать, и решил кончать начатое, оказалось всего 10 штук». «10 штук» — это десять задуманных Толстым, в большинстве художественных, замыслов, перечисленных им в отдельной записи»².

6 декабря 1888 года в дневнике Толстого встречаем такую запись:

«В городах сотни тысяч праздных лошадей. Это все не нужно. Через 50 лет этого не будет. Будет стыдно ездить здоровому».

На следующий день Толстой ходил к сапожнику отдавать ему колодки и «книжечки о пьянстве». Идя за гвоздями, он увидел на улице, что лошадь зацепилась за тротуар и стала, а толпа проходила мимо до тех пор, пока не взялся он сам³.

В декабрьских записях дневника Толстой почти ежедневно отмечает, что шьет сапоги, пилит и колет дрова, топит печки в доме, разгребает снег, возит кадку с водой к дому и т. д.

В Хамовническом доме появляется множество посетителей, родственников, знакомых, а также и совершенно незнакомых людей. В своем дневнике о многих из них Толстой делает различные записи. Например, 9 декабря он записал, что у него были две сестры — путешественницы-американки, ехавшие «одна через Атлантический, другая

¹ Н. Н. Гусев. Летопись, стр. 392.

² Н. Гусев. Незавершенные художественные замыслы Толстого. «Сборник Государственного Толстовского музея». М., 1939, стр. 109.

³ Дневник 7 декабря 1888 г.

через Тихий океан, — съехались и опять едут. Всё видели и меня видели, но не поумнели».

Толстой часто посещал жившего по соседству с ним на Плющихе Фета, редактора «Русской мысли» В. А. Гольцева и других своих знакомых.

19 декабря он прочитал в сентябрьской книжке «Русской мысли» за 1888 год статью Н. Г. Чернышевского «Происхождение теории благотворности борьбы за жизнь», за подписью «Старый трансформист». В дневнике об этой статье он помечал: «Статья Чернышевского о Дарвине прекрасна. Сила и ясность».

Толстой намеревается принять предложение И. Д. Сытина — участвовать и руководить купленным им журналом «Сотрудник» и 21 декабря пишет Черткову, что план его состоит в том, чтобы в журнале этом «кроме мелочей журнальных... печатать всё то хорошее, что было думано и писано с самого начала по всем отраслям: мудрости, истории, поэзии, знания научного»¹. Редактором журнала Толстой приглашал своего хорошего знакомого, писателя Н. Н. Златовратского.

Участие Толстого в этом журнале не осуществилось. 27 декабря, отмечая в дневнике продолжающееся тяжелое душевное состояние, он пишет: «Неужели я вышел весь? — Не пишется. Походил по Арбату, заснул до обеда. Потом гости: Дьяков, Фет, потом Алехин. Мы хорошо говорили».

30 декабря «был Грот, я с ним разговорился о происхождении государства и о том, что нельзя оставить старого, а надо все сначала».

5 января 1889 года при чтении статьи Кенана о Петропавловской крепости и сибирской ссылке Толстой записывает в дневнике, что пришел «в страшное негодование и ужас. Будь в деревне, чувство это родило бы плод, а здесь в городе пришел Грот с Зверевым»² и еще Лопатыным: ³ папиросы, юбилеи, сборники, обеды с вином и при этом по призванию философская болтовня».

¹ Юбил. изд., т. 86. стр. 193.

² Николай Андреевич Зверев, профессор Московского университета по кафедре энциклопедии и философии права.

³ Лев Михайлович Лопатин, профессор философии Московского университета.

7 января вечером у Толстого были профессора: Янжул, Стороженко, Грот, Лопатин и писатель Мачтет. «Стороженко и Янжул лучше всех — без запросов. Но тяжело. Вечером Дьяков обедал и читал Чехова».

9 и 10 января Толстой пишет статью «Праздник просвещения»¹, по случаю традиционного праздника московского студенчества — Татьянина дня (12 января), и сам несет ее в редакцию «Русских ведомостей» (в Большой Чернышевский переулочек, ныне улица Станкевича, дом № 7).

13 января, отправляясь к И. Д. Сытину, жившему в Замоскворечье, и проходя через Спасские ворота Кремля, Толстой не снял шапки, вопреки установившемуся начиная с XVI века обычаю, за что подвергся брани проходившего мимо человека, — «забилось сердце от волнения»².

14 января Толстой записал о хлопотах Фета в связи с предстоящим празднованием 50-летия его литературной деятельности: «Жалкий Фет с своим юбилеем. Это ужасно! Дитя, но глупое и злое».

30 января он записал в дневнике: «Пошел к Фету. Там обед. Ужасно все глупы. Наелись, напились и поют. Даже гадко. И думать нечего прошибить».

В конце января и начале февраля Толстой работал над предисловием к книге своего старого товарища по Севастопольской обороне А. И. Ершова «Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера», но, не удовлетворившись написанным, прекратил работу.

8 февраля Толстого посетили художник Н. А. Касаткин, которого Толстой назвал «милым чистым художником», и английский сектант Бедекер, послуживший в «Воскресении» прототипом проповедника Кизеветтера и англичанина, посещавшего тюрьмы.

В свой дневник Толстой записывал много мыслей, которые его занимали. Так, например, 27 февраля: «Думал... Дело главное в том, чтобы найти признаки праздной болтовни, баловства словом, которые ужасны для меня, как и для всех искренних работников слова...»

¹ См. Юбил. изд., т. 26, стр. 446.

² Запись в дневнике 13 января 1889 года.

А на другой день продолжил свою мысль: «Вчера думал: Многописание есть бедствие. Чтобы избавиться его, надо установить обычай, чтобы позорно было печататься при жизни — только после смерти. Сколько бы осадку село и какая бы пошла вода».

В течение всей зимы Толстой не прерывал своих физических работ «по дому», несмотря на сильные боли и большую слабость.

С начала марта он начинает работать над статьями по вопросам искусства; 1 марта диктует В. А. Гольцеву для его публичной лекции свою «теорию искусства». Продиктованные Гольцеву мысли об искусстве, очевидно, Толстого не удовлетворили, и он на следующий день собственноручно написал тезисы и снес их сам Гольцеву, который и огласил их на своей лекции «О прекрасном в искусстве». Продолжая трудиться над статьями об искусстве, Толстой вносил исправления и дополнения к написанному. В связи со своей работой читал Джона Рескина, ходил в библиотеку Румянцевского музея.

7 марта Толстой позировал скульптору К. А. Клодту, который работал над скульптурой «Толстой на пашне», — это первая скульптурная работа с Толстого. Она находится в Третьяковской галерее.

14 марта Толстой посетил Третьяковскую галерею, где ему особенно понравилась картина Ярошенко «Голуби» («Всюду жизнь»), потом отправился в трактир Ржанова дома на Смоленском рынке — выручать своего пропившегося переписчика А. П. Иванова.

22 марта Толстой писал художнику Н. Н. Ге, поощряя его к творчеству:

«Надо делать и выражать то, что созрело в душе. Никто ведь никогда этого не выразит, кроме вас.. Да не в том дело, как вы знаете, чтобы NN хвалил, а чтобы чувствовать, что говоришь нечто новое и важное и нужное людям. И когда это чувствуешь и работаешь во имя этого.., то это слишком большое счастье на земле. Даже совестно перед другими»¹.

¹ «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», стр. 122.

15 марта Толстой составил для издателя В. Н. Маркуева список 100 лучших книг для чтения. Список этот не сохранился; известно, что позднее Толстой стал относиться к этому списку отрицательно. В тот же день он читает Чехова и записывает в дневнике: «Читаю хорошие вещицы Чехова. Он любит детей и женщин», и 17 марта: «Читал Чехова. Нехорошо — ничтожно... Весь вечер сидел один, читал Чехова. Способность любить до художественного прозрения, но пока незачем».

9.

18 марта Толстой пешком отправился из Хамовников до Крестовской заставы, от которой шоссе идет до Троицы (г. Загорск). Он хотел выяснить, не помешает ли весенняя распутица его намерению идти пешком за 60 верст в Спасское — к его старинному приятелю и севастиопольскому товарищу, известному шахматисту С. С. Урусову. О нем Толстой писал 21 апреля: «Есть такой генерал, мой кум, математик и богослов, но хороший человек»¹.

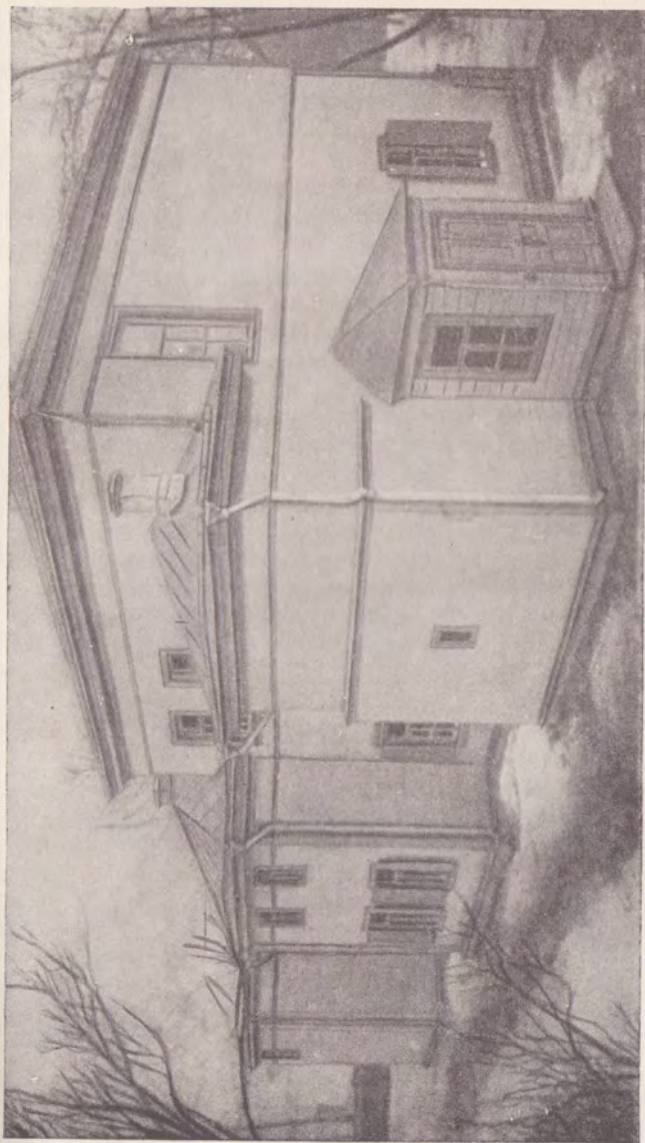
Придя на шоссе, Толстой решил, «что идти можно». Но к «досаде» его вскоре выяснилось, что идти пешком нельзя, и 22 марта он уезжает с П. И. Бирюковым по Ярославской железной дороге до станции Хотьково. Там, «наняв за 1,50 лошадку, доехали в 9-м часу к Сергею Семеновичу по прекрасной зимней дороге. Только кое-где просовы», — писал он жене.

В Спасском, «в уединении очень приятном», Толстой прожил до 8 апреля. Свое пребывание там Толстой описывал в письмах к С. А. Толстой², а также в дневнике. Многие из этих неопубликованных записей, помимо биографического значения, интересны как художественное описание Подмосковья 80—90-х годов. Приведем некоторые из них.

На следующий день по приезде в Спасское, 23 марта, Толстой записал свои впечатления:

¹ «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка.», стр. 124.

² «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», 1915, стр. 331—337.

Дом Толстого в Долго-Хамовническом переулке (ныне улица Льва Толстого, дом № 21, в Москве.

«1-е. Приходская школа. Ребята в деревне, пропасть ребят, все ребята без дела и грамоты. К попу не ходят — заставляя дрова пилить и плохо учит.

2-е. Девки на фабрике.

«А замуж?»

— Ну ее — хомут-то натер шею.

3-е. Идут гуськом 11 мужиков.

— Куда ходили?

— Гоняли к старшине об оброке, теперь гонят к становому.

4-е. Трактир великолепный. Подразумевается, что: есть школы, народ платит подати. Соблюдаются браки и искореняется пьянство...»

В ночь с 23 на 24 марта Толстой заболел. Он писал в дневнике 24 марта, что весь день был вял и слаб, не выходил и «читал архив. Как Ермолов повесил за ноги муллу». Впоследствии, при работе над «Хаджи-Муратом», Толстой вспомнил прочитанный у Урусова рассказ Н. Н. Муравьева-Карского об этом эпизоде¹ и творчески его переработал в одном из вариантов «Хаджи-Мурата».

25 марта Толстой поправился и пошел в деревню Лычево, поговорил там с крестьянами о войне «и еще в каравлке у церкви».

27 марта «пошел ходить в Зубцово, оттуда в Лычево и домой. Встретил Степана. Он согласен — в общество трезвости... Я объяснял Степану о фабрике. Миткаль обходится дешево, потому что не считают людей, сколько портится и до веку не доживают. Если бы на почтовых станциях не считать, сколько лошадей попортится, тоже дешева бы была езда. А положи людей в цену, хоть в лошадиную, и тогда увидишь, во что обойдется аршин миткалю. Дело в том, что люди свою жизнь задешево, не по стоимости продают. Работают 15 часов. И выходит из-за станка — глаза помутившиеся, как шальной; и это каждый день».

28 марта после обеда, несмотря на нездоровье, Толстой отправился на ситценабивную фабрику Кнопа в село Путилово — за 10 верст. «Напился чаю. Пьяный дикий народ в трактире. 3000 женщин, вставая в 4 и сходя с

¹ «Русский архив», 1889, кн. 4, стр. 571—604.

работы в 8, и развращаясь, и сокращая жизнь, и уродуя свое поколение, бедствуют (среди соблазнов) в этом заводе для того, чтобы никому ненужный миткаль был дешев, и Кноп имел бы еще деньги, когда он озабочен тем, что не знает, куда деть те, которые есть. Устраивают управление, улучшают его. Для чего? Для того, чтобы эта гибель людей, и гибель в других видах, могли бы успешно и беспрепятственно продолжаться. Удивительно».

31 марта «пошел было в Зубцово, но не мог перейти¹ и вернулся в лес, где прекрасно часа три проработал с отцом и сыном (мужиками) простыми, работающими. Вечером беседовал все так же хорошо».

В письме к С. А. Толстой от 2 апреля Толстой, рассказывая про эту свою работу в лесу, писал, что немного заболел, «может быть потому, что сделал слишком большое усилие, рубя и пиля и таская лес... Очень приятно было валить большие ели и пилить пахучие, смолистые бревна. И славный попался отец с сыном. (Не все мрачные картины.)»²

5 апреля «Пошел во Владимирскую губ. через лес, через овраги по кладкам, и жутко было, но не так, как прежде. Та же земля и тот же бог в лесу и в постели, а жутко. В Новоселках милая грамотная девочка и мальчики читали. — Испорченный вином мужик с перехватом. Потом Швейцария. Мамачиха мельница, заробел идти по кладкам. Потом славная семья в Охотине и мальчик милый. Потом снег и поход в Еремино, и оттуда опять с мальчиками через огромный лес в Ратово, и усталый пришел домой... Второй день не ем сахара, масла и белого хлеба. И очень хорошо».

6 апреля «не выходил никуда... Мне хорошо очень... Не удастся идти, надо ехать»³.

Кроме записей о своих прогулках в Спасском, о наблюдениях над окружающей жизнью, о прочитанных книгах, Толстой почти ежедневно отмечал в дневнике и о своих литературных занятиях.

¹ Очевидно, речку из-за половодья.

² «Письма гр. Л. Н. Толстого к жене», М., 1915, стр. 336.

³ Толстой намеревался возвращаться в Москву пешком, но весенняя распутица и половодье помешали ему.

Начиная с 25 марта по 1 апреля он усердно работал над комедией «Плоды просвещения». Одновременно продолжал работу над начатой в Москве статьей «Об искусстве». Подряд два вечера (1 и 2 апреля) Толстой читал то и другое С. С. Урусову.

3 апреля, перечитав начатые работы, он отложил их и принялся за «Крейцерову сонату». Во все следующие дни, до самого отъезда из Спасского, усиленно шла работа Толстого над захватившей его повестью; «после обеда читал ее Урусову... Урусову очень нравится. Да и правда, что ново и сильно», — писал Толстой в дневнике 6 апреля.

8 апреля Толстой возвратился из Спасского в Москву. Дом, в котором он прожил с 22 марта по 8 апреля 1889 года в Спасском (при селении Торбеево), сохранился до сих пор. Теперь в нем помещается школа.

10.

Приехав в Москву, Толстой отправил для «Посредника» повести крестьянского писателя С. Т. Семенова. При этом он писал Черткову, что «Семенов очень замечательный человек, не столько по уму, сколько по сердцу; и повести его в сыром их виде очень замечательны, отражая народный быт, как он действительно есть. Я его очень люблю и переписываюсь с ним»¹.

11 апреля Толстой вновь взялся за прерванную работу над статьей по искусству; на другой день отправился на XVII выставку «Передвижников» — в помещении Школы живописи, ваяния и зодчества, «но испугался множества народа и вернулся». Выставка «Передвижников» особенно интересовала Толстого потому, что в числе прочих здесь были выставлены картины его друзей-художников: Репина — «Св. Николай избавляет от смерти трех невинно осужденных» и Н. Н. Ге — «Выход Христа с учениками в Гефсиманский сад».

13 апреля вместе с художником-передвижником Н. Г. Богдановым Толстой осматривал выставку художника-академика Г. И. Семирадского, в помещении около

¹ Юбил. изд., т. 86, стр. 224.

Румянцевского музея, где была выставлена в числе других наделавшая много шума картина «Фрина на празднике Посейдона в Элевзисе». О «Фрине» Толстой с негодованием упоминал в «Крейцеровой сонате»¹.

15 апреля Толстой в сопровождении дочерей вновь осматривал выставку «Передвижников» и записал в дневнике о заинтересовавших его картинах: «Картина Репина невозможна — все выдуманно. Ге хорош очень».

Подробно он развил и обосновал свою оценку обеих картин в письме к Н. Н. Ге от 21 апреля 1889 года².

В Москве к Толстому попрежнему стекается множество людей: друзья, знакомые и просто посетители, желающие поговорить с ним. В дневнике 16 апреля по этому поводу он пишет: «Дома оргия на 25 человек. Еда, питье. Дьяков милый, кроткий. Фет жалкий, безнадежно заблудший. Я немножко погорячился с ним, когда он уверял, что не знает, что значит безнравственно. У государя ручку целует. Полонский с лентой. Гадко. Пророки с ключом и лентой целуют без надобности ручку»³.

12 апреля Толстой заносит в дневнике: «возился усердно, но почти бесплодно над статьей об искусстве». Потом пошел в Румянцевский музей к Н. Ф. Федорову, «с ним ходил и рассказывал ему об искусстве. Он одобрил». «Приходила Баршева,.. И. М. Полушин, потом Янжул и Стороженко. Спорил слишком горячо с Янжулом о том, что регулирование фабрик вредно, как регулирование проституции».

14 апреля Толстой написал письмо редактору журнала «Русское богатство» Л. Е. Оболенскому, рекомендуя ему напечатать «весьма замечательную» статью его хорошего знакомого О. П. Герасимова о Лермонтове, где автор «показывает в Лермонтове самые высокие нравственные требования, лежащие под скрывающим их напушенным

¹ Юбил. изд., т. 27, стр. 37 и 310.

² «Л. Н. Толстой и Н. Н. Ге. Переписка», стр. 122—124.

³ Фет был «пожалован» Александром III в придворное звание камергера. Этому званию было присвоено ношение ключа на задней части камергерского мундира, а старый знакомый Толстого, поэт Я. П. Полонский имел орден «Анны I степени», орден носили на широкой красной ленте через плечо.

байронизмом»¹. Во время своего пребывания в Москве Толстой усиленно работал над своей статьей об искусстве, а также занимался исправлением издающейся «Посредником» брошюры доктора Покровского «Об уходе за малыми детьми». Кроме того, он читал в рукописи воспоминания Н. П. Овсянникова о защите приговоренного к расстрелу солдата Шибунина, которую вел Толстой в 1866 году.

17 и 29 апреля Толстого посетил известный в то время гипнотизер О. И. Фельдман. После первого его посещения Толстой записал в дневнике: «Шарлатанство, а что не шарлатанство, то не нужно». Фельдман послужил прототипом гипнотизера Шпюлера, потом переименованного в Гроссмана² в комедии «Плоды просвещения».

После разговора с композитором С. И. Танеевым об искусстве Толстой записал в дневнике 18 апреля резкий отзыв о нем: «Танеев... человек, усвоивший бывшее новым 30 лет тому назад эстетическое воззрение и воображающий, что он находится в обладании последнего слова человеческой мудрости».

23 апреля Толстой встретился у Н. Н. Златовратского с самоучкой-писателем слесарем Н. А. Лазаревым, печатавшимся в «Русском богатстве» под псевдонимом «Н. Темный» и «убеждал его бросить и сочинительство и вино; первое вреднее»³.

24 апреля Толстой записывает в дневнике: «Чуется, что смерть приближается. Нет побуждения жить. Сделать хочется слишком много, такого, что не укладывается в этой жизни. Да и форма жизни не та, тяготит меня, а разорвать не могу».

27 апреля, проходя по Смоленскому рынку к своему приятелю Дьякову, Толстой увидал игру в шашки и сел сам играть с оборванцами: «и мне заперли 13. Смешно, что было неприятно», — пишет он об этом в дневнике⁴.

¹ Статья О. П. Герасимова «Очерк внутренней жизни Лермонтова по его произведениям (Психологический этюд)» была напечатана в журнале «Вопросы философии и психологии», № 3 за 1890 г., стр. 1—44.

² Юбил. изд., т. 27, стр. 657—658.

³ Дневник 23 апреля.

⁴ См. об этом в шахматной газете «64» от 19 ноября 1940 г. № 58 (382) — «Неизвестный эпизод».

Дальше он записывает: «Дома толпа праздная, жрущая и притворяющаяся. И все хорошие люди. И всем мучительно. Как разрушить? Кто разрушит?»

29 апреля он навещает разбитого параличом 85-летнего декабриста Д. И. Завалишина и делает о нем краткую запись в дневнике: «Есть невольная старческая кротость, но мало».

21, 24 и 30 апреля Толстой ходил на Хамовнический плац, после чего набросал в дневнике краткое описание присяги молодых новобранцев: «Попы в ризах пели с певчими в нарядных стихарях, носили иконы, били в барабаны и играла музыка». Далее идут «7 пунктов обвинительного акта против правительства: 1) Церковь, обман суеверия, траты; 2) Войско, разврат, жестокость, траты; 3) Наказание, развращение, жестокость, зараза; 4) Землевладение крупное, ненависть бедноты города; 5) Фабрика — убийство жизни; 6) Пьянство; 7) Проституция»... «Когда подходил к войскам, — продолжает свою запись Толстой, — попы пошли на меня. Я, чтобы не снимать шапки, пошел прочь от них. И совестно было убежать, и итти на них робел, и стыдно стало».

Под влиянием всех московских переживаний последнего времени и угнетенный ими, Толстой решает немедленно покинуть Москву. 2 мая в 6 часов утра он, в сопровождении Е. И. Попова, вышел из Москвы в Ясную Поляну. Ночевали в деревне Сырово; «4 версты не доходя Подольска за Лысыми Горами свернули 3 версты в сторону, шли по воде» к деревне Алачково, на хутор знакомого Толстому М. П. Золотарева — «25 верст за Подольском». 4 мая к вечеру зашли с трудом за Серпухов, ночевали в деревне. 6 мая пришли в Тулу.

V. 1890-е, 1900—1901 ГОДЫ

1.

После того как Толстой 2 мая 1889 года покинул Москву, он не был в ней два с половиной года.

В 1891—1892 году юг России постигло страшное народное бедствие — голод после засушливого лета. Л. Н. Толстой не мог остаться равнодушным к этому бедствию. Осенью 1891 года он отправился в соседние черноземные уезды Тульской и Рязанской губерний и поселился в Бегичевке Данковского уезда Рязанской губернии. Здесь он организовал на собранные деньги бесплатные столовые для населения и руководил работой по борьбе с голодом¹.

В Москву Толстой приехал из Рязанской губернии 30 ноября 1891 года.

1 ноября 1891 года в московской газете «Русские ведомости» была напечатана статья Толстого о голоде, озаглавленная: «Страшный вопрос». Статья эта и самая деятельность Толстого по организации помощи голодающим вызвали ожесточенные нападки со стороны реакционной московской прессы. Черносотенная газета «Московские ведомости» 7, 9 и 11 ноября 1891 года напечатала четыре статьи с грубыми нападками на Толстого под заглавиями: «Семейство его сиятельства графа Л. Н. Тол-

¹ См. Вера Величкина. В голодный год с Львом Толстым. Воспоминания со вступительной статьей и примечаниями Влад. Бонч-Бруевич. Госиздат, М.—Л., 1928.

стого», «План гр. Л. Н. Толстого», «Слово общественным смутьянам» и «Пойманные на месте».

22 января 1892 года «Московские ведомости» напечатали выдержки из статьи Толстого о голоде в обратном переводе с английского.

В редакционной статье при этом газета писала: «Письма гр. Толстого... являются открытой пропагандой к ниспровержению всего существующего во всем мире социального и экономического строя. Пропаганда графа есть пропаганда самого крайнего, самого разнузданного социализма, перед которым бледнеет даже наша подпольная пропаганда».

30 декабря Л. Н. Толстой опять приезжал в Москву, где пробыл до 23 января 1892 года. В дневнике от 30 января (первая запись в 1892 году) он писал, что одно из главных событий прошедшего месяца: «Суета, праздность, и роскошь, и тщеславие, и чувственность московской жизни».

7 января 1892 года Толстой присутствовал на постановке в Малом театре своей комедии «Плоды просвещения»; 8 января он посетил композитора и пианиста А. Г. Рубинштейна, который давал концерт в пользу голодающих.

Из Москвы Толстой продолжал руководить работой по борьбе с голодом в Рязанской губернии, вел переписку со своими помощниками, работавшими на месте, а В. Г. Черткову писал 15 января: «Все-таки я там нужен, моя-то жизнь здесь не нужная. Одно, чем могу немного утешаться, это то, что написал здесь, и кажется, что кончил 8-ю главу»¹. Восьмая глава, о которой писал Толстой. — это глава нового большого сочинения Толстого «Царство божие среди вас».

Проработав на голоде всю первую половину 1892 года, Толстой окончательно вернулся в Москву 25 ноября.

Зиму 1892—1893 годов Толстой работал в Москве над статьей «Царство божие внутри вас», разросшейся по мере работы в большой социально-политический трактат, в котором много места было отведено вопросам мира и всеобщему вооружению. Толстой гневно обличает в этой

¹ Юбил. изд., т. 87, стр. 124—125.

книге буржуазные западноевропейские правительства, лицемерно кричащие о мире и культуре, а на самом деле лихорадочно вооружающиеся и держащие под ружьем армию в 9 миллионов человек и 15 миллионов в запасе. Приводя цитаты из официальных документов, он показывает рост вооружений в разных европейских странах (глава V). В VIII главе он пишет о всеобщей милитаризации и подготовке Германией мировой войны; приводя слова из речей Вильгельма II, Толстой пишет о нем: «Жалкий, ошалевший от власти, больной человек этот своими словами оскорбляет все, что может быть святого для человека нашего времени, и люди-христиане, либералы, образованные люди нашего времени, все не только не возмущаются на это оскорбление, но даже не замечают его».

В главе VII Толстой пишет:

«Если огромные богатства, накопленные рабочими, считаются принадлежащими не всем, а исключительным лицам;.. если стачкам рабочих противодействуется, а стачки капиталистов поощряются,.. — то все это происходит не потому, что народ этого хочет и что так естественно должно быть, а потому, что этого для своих выгод хотят правительства, и правящие классы посредством физического насилия над телами людей устанавливают это».

Из Москвы 11 декабря Толстой писал Черткову: «Никогда так напряженно не работал, как все эти последние месяцы. От этого не могу и ничем другим заниматься»¹. И 3 февраля 1893 года ему же: «Никогда никакая работа не стоила мне такого труда, или так мне кажется. — Хочется кончить и вместе с тем жалко расстаться»².

В дневнике 5 мая 1893 года Толстой пишет:

«Вчера 4 мая приехали в Ясную из Москвы, где жил с перерывом всю зиму. Благодаря напряженной работе (кажется я ни одного дня не пропустил) я как будто опустил в своей физической жизни: именно в физической работе. Во много же, в особенности, в требованиях относительно неучастия в зле мира, утвердился».

¹ Юбил. изд., т. 87, стр. 171.

² Там же, стр. 178.

Прожив все лето в Ясной Поляне, Толстой 11 ноября 1893 года переезжает на зиму в Москву.

Свою московскую жизнь после переезда в Москву Толстой описал в конце ноября в письме к Г. А. Русанову: «Поглощает теперь всю мою жизнь писание. Утро от 9 до 12, до 1 иногда пишу, потом завтракаю, отдыхаю, потом хожу или колю дрова, хотя сил уже становится меньше, потом обедаю, после обеда перевожу с Машей Амиеля,.. потом письма или посетители. Но все это по энергии жизни, направленной на это, относится к утренней работе, как 1:10. Вся жизнь сосредоточивается в утреннем писании. Теперь пишу о Тулоне... На очереди теперь: предисловие к Мопассану, написано начерно предисловие к Амиелю, послесловие к Царству Божию тоже написано почти, статью об искусстве. И тогда только буду в состоянии взяться за художественное, начатое и неначатое, к которому особенно тянет. Вы мне часто признавались в своих слабостях, и я признаюсь вам: часто думал и думаю: вот если бы посадили меня в тюрьму и дали бы бумагу и перо, как бы я радостно стал писать художественное. Вы больше всех других людей влечете меня к художественной работе, не тем, что вы советуете мне ее, но тем, что на себе показываете, как она может хорошо, благотворно действовать»¹. Далее Толстой писал о приятных для него посещениях сына Г. А. Русанова — студента-медика А. Г. Русанова — ныне известного профессора Воронежского университета и депутата Верховного Совета СССР.

Письмо Толстого написано в ответ на большое письмо тяжело больного Г. А. Русанова, в котором он писал, что благодаря писаниям Толстого он легче переносит свой тяжкий физический недуг.

10 декабря, прочитав рассказ Н. С. Лескова «Загон», написанный для журнала «Неделя», Толстой писал ему: «Мне понравилось и особенно то, что все это правда, не вымысел. Можно сделать правду столь же, даже более занимательной, чем вымысел, и вы это прекрасно умеете делать»².

¹ «Вестник Европы», 1915, III, стр. 23—25.

² Н. К. Гудзий. Толстой и Лесков. «Искусство», IV, 1928, кн. 1—2, стр. 111.

В конце письма Толстой говорил: «Москва и ее суета мешают мне работать столько и с такой свежей головой, как в деревне». Об этом же он пишет в дневнике: «Нынче 22 декабря 1893. И я уже более месяца в Москве. И ни разу не писал. Мне тяжело, гадко. Не могу преодолеть себя. Хочется подвига. Хочется остаток жизни отдать на служение богу. Но он не хочет меня. Или не туда, куда я хочу. И я ропщу. Эта роскошь. Эта продажа книг. Эта грязь нравственная. Эта суета. Не могу преодолеть тоски. Главное, хочу страдать, хочу кричать истину, которая жжет меня. За это время много было. Первое то, что меня перетащили сюда: Соня так страдала, томилась, так видно было по ее письмам, что я приехал. Другое, это то, что написал предисловие к Амиелю. 3-е — это тяжелая некончающаяся работа над Тулоном, которого я не могу бросить. Написал еще притчи¹ — не кончил».

В дальнейшей записи дневника Толстой отметил, что у него был музыкант Шор². «Мы с ним говорили о музыке, и мне в первый раз уяснилось истинное значение искусства, даже драматического».

29 января 1894 года Толстой с дочерью Татьяной Львовной отправился в имение своего сына Ильи «Гриневку».

Подводя итоги своей московской жизни конца 1893 и начала 1894 года, Толстой записал в дневнике 24 января: «тяжело прожил этот месяц».

С 3 по 11 января 1894 года в Москве в Колонном зале «Благородного собрания» (теперешний Дом союзов) происходил девятый съезд естествоиспытателей и врачей под председательством К. А. Тимирязева. Во время заседания в залу вошел Л. Н. Толстой. Публика горячо приветствовала его и заставила занять место на эстраде рядом с председателем³. По этому поводу Толстой отметил в дневнике: «Глупое положение на съезде натуралистов, которое было очень неприятно».

24 января 1894 года Толстой заочно был избран по-

¹ Рассказ «Три притчи».

² Профессор Московской консерватории пианист Д. С. Шор.

³ См. воспоминания А. В. Цингера «У Толстых» и Е. Н. Янжул «Встречи с Толстым» — «Международный толстовский альманах. О Толстом», стр. 390—391, 430—431.

четным членом Московского психологического общества, получив 25 избирательных и 5 неизбирательных шаров.

12 и 13 февраля он вместе с художником Ге смотрел выставленную на Долгоруковской улице (теперь Каляевская) его новую картину «Распятие». 17 февраля ходил в Третьяковскую галерею. О впечатлении, которое на него произвел осмотр картин, С. А. Толстая сообщала своей дочери Т. Л. Толстой, находившейся тогда в Париже, что Лев Николаевич «умилялся картиной Орлова из народной жизни, долго не мог уйти от «Ареста» Репина, очень ему понравилась «Исповедь» Репина, а «Иоанна Грозного и его сына» и «Не ждали» отрицает;.. нашел «прекрасной» картину Ге «Что есть истина?»¹.

23 февраля Толстой, отвечая на письмо бывшего у него в январе писателя И. А. Бунина, советовал ему не искать изменения форм личной жизни, так как лучшая форма жизни «только та, в которой требуется наибольшее напряжение духовных сил»².

Находясь в Москве в феврале и марте 1894 года, Толстой работал над предисловием к сочинениям ценного им писателя Гюи де Мопассана. Ему хотелось, как он писал в письме к Л. Л. и Т. Л. Толстым от 2 марта 1894 года, в этой работе «показать, что есть истинно прекрасное и что условное». В том же письме он описывал свои впечатления от слышанного им на концерте исполнения учениками Консерватории Бабуриным («предестный баритон») и девицей Риг дуэты из оперы Моцарта «*La ci darem l'amore*». Толстой писал: «Что это за страшная сила (подразумеваемая искусство). Это не шутка, а ужасная власть»³.

28 апреля художник Н. А. Ярошенко в Хамовническом доме Толстого писал его портрет. На следующий день Толстой выехал в Ясную Поляну.

7 ноября 1894 года Толстой возвратился на зиму в Москву. В дневнике 10 ноября он писал: «Переехали в Москву... те же безумие и подлость по случаю смерти старого и восшествия нового царя». Еще ранее, 25 октяб-

¹ Н. Н. Гусев. Летопись, стр. 491—492.

² «Новый сборник писем Л. Н. Толстого», М., 1918, стр. 115—116.

³ Письмо не опубликовано.

ря, из Ясной Поляны, по поводу присяги новому царю, Николаю II, Толстой писал жене: «Вообще при перемене царствования виднее вся та ложь, которая совершается, и больно и страшно видеть ее. Впрочем манифест исключительно неприличен: «Россия сильна беспредельной преданностью к нам». В неопубликованном письме из Москвы к В. С. Соловьеву, в связи с разногласиями с ним, Толстой писал, что «Различие наше заметно теперь еще в том, что вы вероятно ждете многого от нового царствования, а я ничего»¹.

Касаясь своей московской жизни, Толстой писал в дневнике, что она тяжела ему «от множества людей».

23 ноября Толстой с дочерьми ездил к художнику Л. О. Пастернаку в дом Училища живописи, ваяния и зодчества, где Пастернак был директором, на концерт, в котором принимали участие жена Пастернака — Р. Т. Пастернак, профессора Консерватории И. В. Гржимали (скрипка) и А. А. Брандуков (виолончель). Вскоре, 28 ноября, концерт был повторен в Хамовническом доме Толстого с участием С. И. Танеева, А. С. Аренского, И. В. Гржимали, А. А. Брандукова.

В последние два месяца 1894 года Толстой работал в Москве над переделкой сказки П. Каруса «Карма» и над своим рассказом «Хозяин и работник». С декабря он начал обучаться столярному делу.

1 января 1895 года Толстой уехал из Москвы с дочерью Татьяной Львовной к Олсуфьевым в «Никольское» (Обольяново).

Здесь, несмотря на морозы, он совершал прогулки пешком по несколько верст; по вечерам читал вслух новый, еще не оконченный рассказ «Хозяин и работник».

14 января Толстой послал рукопись «Хозяина и работника» Н. Н. Страхову в Петербург для напечатания в «Северном вестнике», прося его просмотреть этот рассказ предварительно и сказать, «можно ли его печатать. Не стыдно ли?.. Я так давно ничего не писал художественного, что, право, не знаю, что вышло. Писал я с большим удовольствием, но что вышло, не знаю». В следующем письме к Страхову, уже из Москвы, он просил напи-

¹ Не опубликовано.

сать «порезче» об этом рассказе, так как «Мне интересно знать: ослабела ли моя способность или нет. И если да, то это меня так же мало огорчит и удивит, как и то, что я не могу бегать так, как 40 лет тому назад»¹.

3.

Толстой возвратился в Москву 18 января. В записи 29 января он писал в дневнике: «Хорошо пожил у Олсуфьевых. Больше всего был занят рассказом. И все еще не кончил, хотя он в корректурах. Событие важное, которое, боюсь, для меня не останется без последствий. Это дерзкая речь государя».

Как видно из этой записи и из дальнейшего, Толстого сильно взволновала речь только что вступившего на престол Николая II, произнесенная им 17 января 1895 года. В этой речи новый царь провозглашал защиту и неизблемость самодержавия и говорил «о бессмысленных мечтаниях об участии представителей земства в делах внутреннего управления».

26 января Толстой присутствовал на совещании общественных деятелей, обсуждавших форму общественного протеста против речи царя. Толстой записал по этому поводу в дневнике: «Были на собрании Шаховского. Напрасно были. Все глупо и очевидно, что организация только парализует силы частных лиц»².

Анализируя положение общества в современном ему буржуазном, насильническом государстве, Толстой записал в дневнике 1895 года ряд своих мыслей в связи с последними общественно-политическими событиями. Так, в записи от 7 февраля он говорил, что «Представляются только два выхода» или два способа борьбы с насилиями современных ему правительств: «один в том, чтобы насилие разорвать насилием, террором, динамитными бомбами, кинжалами, как делали это наши нигилисты и анархисты.., или вступить в согласие с правительством, делая уступки ему и участвуя в нем... Оба выхода плотно, непробивно закрыты. Что же остается? Насилием разорвать нельзя — увеличиваешь реакцию; вступать в ряды прави-

¹ См. «Сборник Государственного Толстовского музея» под редакцией Влад. Бонч-Бруевича, М., 1937, стр. 185—189.

² Запись 29 января 1895 года.

тельств тоже нельзя, становишься орудием правительства. Остается одно: бороться с правительством орудием мысли, слова, поступков жизни, не делая ему уступок, не вступая в его ряды, не увеличивая собой его силу. Это одно нужно и наверно будет успешно».

В записи 21 февраля Толстой пишет: «Уяснилось о том, о чем не переставая думаю — о государстве: мы дожили до того, что человек просто добрый и разумный не может быть участником государства, т. е. быть солидарным, не говорю про нашу Россию, но быть солидарным в Англии с землевладением, эксплуатацией фабрикантов, капиталистов, с порядками в Индии — сечением, с торговлей опиумом, с истреблением народностей в Африке, с приготовлениями войн и войнами...»¹

15 февраля к Толстому приходил редактор «Русской мысли» В. А. Гольцев с предложением подписать петицию к царю об освобождении печати от административного воздействия и о регулировании ее только законом. Толстой подписать такую петицию отказался, очевидно в соответствии с теми мыслями, которые он записал в своем дневнике.

В первых числах мая (6 или 7-го) Толстой начал писать, в связи с взволновавшей его речью царя, резкую статью — памфлет против самодержавия под названием «Бессмысленные мечтания». Статья эта в условиях царизма не могла быть напечатана и была опубликована В. Г. Чертковым в московской газете «Утро России» лишь в июне 1918 года².

В этой малоизвестной статье Толстой с присущей ему силой разоблачает самодержавие, дает яркие характеристики двух последних царствований (Александра II и Александра III) и возмущается тем, что «общество, все русское общество проглотило оскорбление», которое нанес ему «необдуманый, дерзкий, мальчишеский поступок молодого царя»³.

«Эпизод 17 января, — пишет в своей статье Толстой, — был одним из тех моментов, когда две стороны, вступаю-

¹ Приведенные записи из дневника 1895 года не опубликованы.

² 3 и 5 июня 1917 г., №№ 134 и 136.

³ Л. Н. Толстой. Бессмысленные мечтания, изд-во «Воля», стр. 8.

щие в борьбу между собою, примеряются друг к другу и между ними устанавливаются новые отношения.

Сильный рабочий человек встречает в дверях слабого мальчика-барчука. Каждый имеет такое же право пройти первым, но вот нахальный мальчишка-барчук отталкивает в грудь входящего рабочего и дерзко кричит: «Долой с дороги, дрянь этакая»... То же столкновение произошло между русским обществом и царем... И течение жизни и управление пошло не только по-старому, но хуже, чем по-старому, те же бессмысленные жестокие гонения евреев, сектантов, те же ссылки без суда, те же отнятия детей у родителей, те же виселицы, каторга, казни, та же нелепая до комизма цензура, запрещающая всё, что вздумается цензору или его начальнику, то же одурение и развращение народа.

Просвещение, освещая сознание людей, идет вперед, нельзя остановить его, а формы жизни у нас в России идут назад, и трудно себе представить, как и чем можно изменить их».

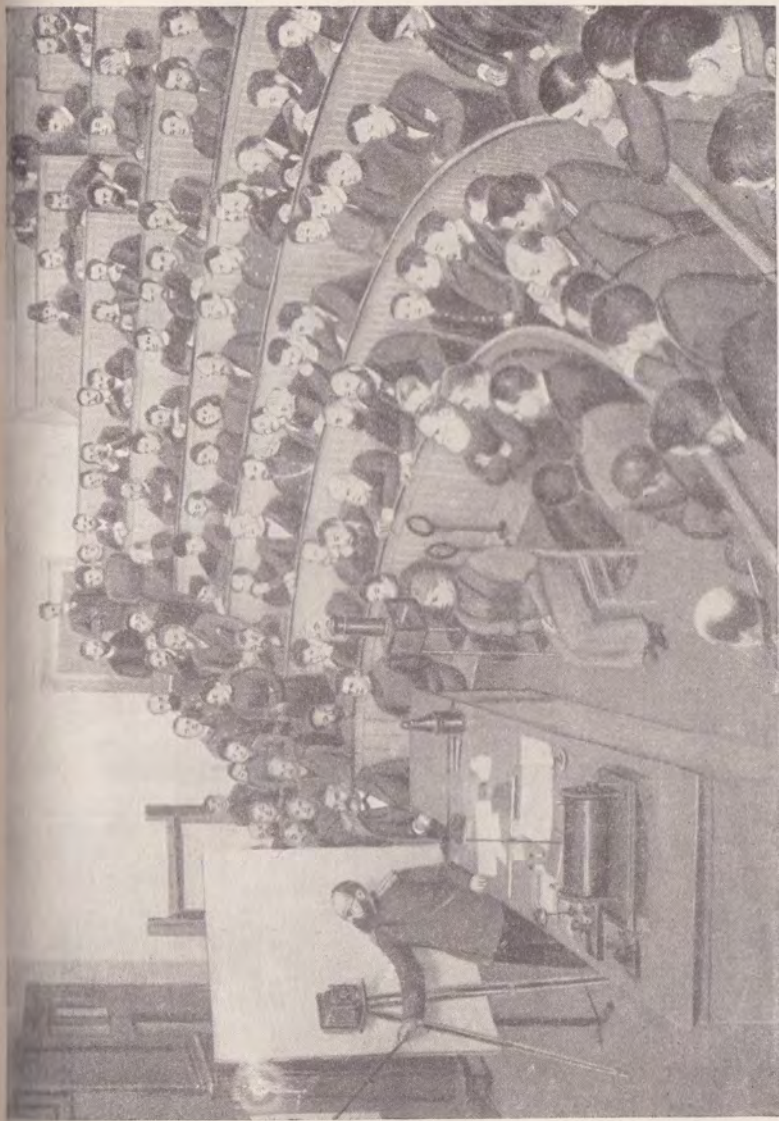
Анализируя природу самодержавия и его практику управления народами, Толстой в конце статьи приходит к выводу, что «у нас самое бессмысленное и далекое от выражения воли народа правление... это одурение и развращение народа, совершающееся в таких огромных размерах в России, и не должны переносить люди, видящие средства этого одурения и развращения и последствия его»¹.

Таково было общественно-политическое настроение Толстого в эти годы. Постоянные его наблюдения над жизнью деревни и, в особенности, напряженная работа в 90-х годах на голоде, где он видел, как «крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю»², — все это отразилось и в сочинениях Толстого того времени и в его дневниках.

Л. Н. Толстой ищет выхода из общественных противоречий, но «находит» его в религии, в самоусовершенствовании, в непротивлении злу насилеи. Отражая идеологию патриархального крестьянства, он видит необходимость и неизбежность «новых форм общежития», и в то

¹ Л. Н. Толстой. Бессмысленные мечтания, изд-во «Воля», стр. 8—9, 22—23.

² В. И. Ленин. Соч., т. XVI, изд. 4, стр. 301.

А. Н. Толстой на публичной лекции П. В. Преображенского о рентгеновских лучах в большой аудитории Политехнического музея 5 февраля 1896 года.

же время отрицает борьбу с общественным злом и не видит, как говорит Ленин в своей статье «Лев Толстой, как зеркало русской революции», «почему необходимо насильственное свержение царской власти для уничтожения помещичьего землевладения. Вся прошлая жизнь крестьянства научила его ненавидеть барина и чиновника, но не научила и не могла научить, где искать ответа на все эти вопросы»¹.

«Великое народное море, — пишет Ленин, — взволнованное до самых глубин, со всеми своими слабостями и всеми сильными своими сторонами отразилось в учении Толстого. Изучая художественные произведения Льва Толстого, русский рабочий класс узнает лучше своих врагов, а разбираясь в учении Толстого, весь русский народ должен будет понять, в чем заключалась его собственная слабость, не позволившая ему довести до конца дело своего освобождения»².

4

Зима и весна 1895 года были одним из самых тяжелых периодов в личной семейной жизни Толстого.

К этому времени с особой резкостью выявилось давно назревавшее разногласие Толстого с женой. В дневнике 15 февраля Толстой записал: «Она положительно близка была к сумашествию и самоубийству. Дети ходили, ездили за ней и возвращали ее домой. Она страдала ужасно». Сама С. А. Толстая подробно описала в дневнике о своем убегании из дому к Девичьему монастырю, чтобы замерзнуть, об отъезде потихоньку на Курский вокзал, чтобы больше не возвращаться, и т. д.³

В это же время большим ударом для Толстого явилась смерть его семилетнего, младшего и любимого сына Ивана. О состоянии Толстого Марья Львовна Толстая писала 10 марта 1895 года Черткову: «Он очень привязался к нему и любил его исключительно. Мне кажется, что он постарел и сгорбился за это время, да и сам он не совсем здоров»⁴.

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XV, изд. 4, стр. 184.

² В. И. Ленин. Соч., т. XVI, изд. 4, стр. 323—324.

³ «Дневники С. А. Толстой», 2, стр. 104—109.

⁴ Юбил. изд., т. 87, стр. 322.

Толстой много раз писал в дневнике о смерти своего маленького сына. 12 марта он пишет:

«Так много перечувствовано, передумано, пережито за это время, что не знаю что писать. Смерть Ванички была для меня, как смерть Николиньки¹, нет, в гораздо большей степени...» и далее:

«Смерть детей с объективной точки зрения.

Природа пробует давать лучших, и, видя, что мир еще не готов для них, берет их назад. Но пробовать она должна. Это запрос. Как ласточки, прилетающие слишком рано, замерзают. Но им все-таки надо прилетать. Так Ваничка».

28 марта. «Мать страдает о потере ребенка и не может утешиться до тех пор, пока не поймет, что жизнь ее не в сосуде, который разбилась, а в содержимом, которое, вылившись, — потеряло свою форму, но не исчезло.. Вся мудрость мира в том, чтобы перенести свою жизнь из формы в содержимое и не направлять свои силы на сохранение формы, а на то, чтобы течь».

21 марта в Преображенской психиатрической больнице Толстой навещает заболевшего молодого человека, Б. Г. Хохлова, и пишет Черткову: «Вчера я был у Хохлова, видел его. Он в отделении буйных и его при мне силой не пустили. И была борьба. Очень тяжело было смотреть. Но, как всегда, поучительно»², а в дневнике 27 марта отмечает: «Тоже надо бы написать о жестокости этого насилия».

27 марта, прочитав о завещании умершего 1 февраля 1895 года высоко ценимого им писателя Н. С. Лескова, Толстой написал в дневнике первое свое завещательное распоряжение. Он просил: 1) похоронить его там, где он умрет, «на самом дешевом кладбище, если это в городе, и в самом дешевом гробу — как хоронят нищих. Цветов, венков не класть, речей не говорить; 2) в газетах о смерти не печатать и некрологов не писать»; 3) оставшиеся после него бумаги дать пересмотреть и разобрать жене, В. Г. Черткову и Н. Н. Страхову; 4) всех наследников

¹ Старший и любимый брат Л. Н. Толстого — Н. Н. Толстой, умерший за границей на руках Толстого в 1860 г.

² Юбил. изд., т. 87, стр. 323.

своих он просит отказаться от авторских прав на его сочинения¹.

6 апреля он записывает в дневнике о своей жизни в Москве: «Очень тягочусь дурной, праздной городской роскошной жизнью. Постарел на 10 лет».

Несмотря на тяжелые переживания, Толстого тянет к творческой художественной работе. 12 марта он отмечает в дневнике: «Нынче захотелось писать художественное. Вспоминал, что да что у меня не кончено. Хорошо бы все закончить, именно: 1) Коневская, 2) Кто прав, 3) Отец Сергей, 4) Дьявол в аду, 5) Купон, 6) Записки матери, 7) Александр I, 8) Драмы, 9) Переселенцы и Башкиры. Рядом с этим кончить катехизис. И тут же, затеяв всё это — работы лет на 8 — по крайней мере, завтра умереть. И это хорошо».

После одной из своих прогулок по улицам Москвы Толстой 14 апреля записал в дневнике: «Шел подле Александровского сада и вдруг с удивительной ясностью и восторгом представил себе роман — как наш брат образованный с переселенцами бежал от жены и увез с кормилицей сына. Жил чистою рабочею жизнью и там воспитал его. И как сын поехал к выписавшей его матери, живущей во-всю роскошной, развратной господской жизнью. Удивительно хорошо мог бы написать. По крайней мере так показалось»². Давно, еще в 70-х годах задуманный Толстым роман из жизни переселенцев, к сожалению, так и остался неосуществленным.

В письме к Н. Н. Страху от 25 апреля Толстой говорил, что художественные работы очень привлекают его, и он собирается заниматься ими все лето.

12 мая, получив письмо о порке крестьян, которая производилась по приговорам волостных судов, Толстой отвечал корреспондентам, что этот вопрос «уже давно до глубины души возмущает его и полученное письмо поощряет его написать об этом»³. Но намерение свое он осу-

¹ Полностью эта запись напечатана в «Дневнике Льва Николаевича Толстого 1895—1899», изд. Сытина, М., 1916, стр. 255—256.

² Н. Гусев. Незавершенные художественные замыслы Толстого — Сборник Государственного Толстовского музея, Госполитиздат, М., 1937, стр. 115—116.

³ Н. Н. Гусев. Летопись, стр. 517.

ществил только в декабре, написав статью на эту тему под заглавием «Стыдно!». В дневнике 7 декабря 1895 года по поводу нее он рассказывает: «Вчера написал статейку о сечении. Лег спать днем, и только забылся—точно толкнул кто: поднялся и стал думать о сечении, и написал»¹.

В этой статье Толстой писал: «Такие дела можно и должно только обличать. Обличать же такие дела должно потому, что дела эти, когда им придан вид законности, позорят всех нас, живущих в том государстве, в котором дела эти совершаются». Вопрос «о сечении» волновал Толстого в течение всей жизни, начиная с раннего детства и до глубокой старости².

5

19 мая с дочерью Марьей Львовной Толстой снова уехал в «Никольское» (Обольяново). По приезде в спокойную обстановку олсуфьевского дома, он на другой же день возобновил свою работу над «Коневской повестью», которая постепенно выросла в большой социально-политический роман «Воскресение». Уже 26 мая Толстой записал в дневнике, что набросано больше половины «Коневской повести». По возвращении в Москву 31 мая, он продолжает эту работу. Чтобы получить личные впечатления, необходимые ему для работы, Толстой 11 апреля, еще до своего отъезда в Никольское, ходил в Кремль на заседание Московского окружного суда и набросал в записной книжке ряд записей о разбираемых уголовных делах и о судебной процедуре.

Об этом посещении Окружного суда московская газета «Новости дня» 12 апреля 1895 года (№ 1 (250)) напечатала следующую корреспонденцию: «Вчера в VII отделении Окружного суда среди немногочисленной публики, собравшейся слушать неинтересные дела о пустых кражах, был и гр. Л. Н. Толстой. Наш маститый писатель был не в обычной блузе, каким его рисуют на портретах, а в костюме европейского покроя. Граф живо интересовался всем ходом судебного следствия, прений и даже формальностями по составлению присутствия суда. Все время у него в

¹ «Дневник Льва Николаевича Толстого», I, изд. Сытина, М., 1916, стр. 8.

² См. об этом ч. I, гл. «Детство».

руках была записная книжка, куда он часто вносил свои заметки. Слух о пребывании гр. Л. Н. Толстого быстро разнесся по всем коридорам суда, и в Митрофаньевскую залу то и дело заходили посмотреть писателя».

Сам Толстой отметил в дневнике 14 апреля свое пребывание в суде следующими словами: «За это время был в суде. Ужасно, не ожидал такой невероятной глупости».

Весной 1895 года Толстой работал над первой, черновой редакцией «Воскресения»¹. Начало 7-й главы этой редакции посвящено описанию московских улиц в весеннее воскресное утро: «На другой день, в обычный день приёма, Нехлюдов поехал в Бутырскую тюрьму. Было воскресенье [Во всех церквях еще шла обедня, и над Москвой стоял тот неприятный, напоминающий о суеверии, невежестве и фарисействе звон различных, жертвованных благодетелями колоколов, гул которых заглушает людскую совесть]². Весна уже совсем установилась. Было тепло, листья березы, черемухи, тополя уже совсем распустились, и в домах и в магазинах выставляли и вытирали окна. Еще было рано. Левая сторона улицы была в тени и прохладна, но по середине поднималась уже пыль от гремящих по мостовой возов и пролёток. Еще слышен был ранний странный крик мужиков с молоком и овощами, приехавших из деревень; на площадях, засоряя их навозом и сеном, еще стояли воза с сеном и соломой, и на Смоленском рынке, мимо которого он проезжал, кишела около палаток густая [грязная]² толпа народа с сновавшими между нею продавцами с сапогами и перекинутыми через плечо многими парами выглаженных панталон и жилетов.

У трактиров уже теснились высвободившиеся из своей 6-дневной каторги фабричные — мужчины в глянцевых поддевках и сапогах и женщины в шелковых ярких платках и пальто с стеклярусом. Городовые с желтыми шнурами пистолетов стояли на местах, по бульварам проходили прохожие, и уже сидели няньки с детьми, изредка проезжала коляска или карета.

¹ Опубликовано Н. К. Гудзием в книге «Л. Н. Толстой. Неизданные тексты», изд. «Academia» ГИХЛ, 1933, стр. 81—172 и в 33-м томе Юбилейного издания, стр. 23—94.

² Взятые в скобки [] автором было зачеркнуто.

На Долгоруковской улице Нехлюдову встретились покороны с певчими, священниками в ризах, золотой парчей, факельщиками и колесницей, запряженной лошадьми в черных пополах с ушами, и поездом с прилично заплаканными лицами в первых двух экипажах и равнодушными и даже веселыми лицами в последних линейках.

Вот, налево завиделась башня острога, вот и калитка его сада и из-за нее ряд распутившихся уже акаций...»

По поводу чтения апрельского номера за 1895 год журнала «Вестник Европы», где были напечатаны статьи М. М. Ковалевского, А. Н. Пыпина, В. С. Соловьева, Эл. Ожешко и других, Толстой записал 14 апреля в дневнике свои мысли о литературе: «есть сердечная, духовная работа, облеченная в мысли. — Эта настоящая и эту любят... все понимающие... И есть работа мысли без сердца, а с чучелой вместо сердца, это то, чем полны журналы и книги».

24 апреля Толстой смотрел в Малом театре «Таланты и поклонники» Островского и первые действия его комедий «Волки и овцы» и «Лес».

19 июня Толстой с дочерью Марьей Львовной опять уехал в «Никольское» (Обольяново) к Олсуфьевым. 31 мая возвратился в Москву и 4 июня на все лето переехал в Ясную Поляну. Возвратился в Москву на зиму 19 ноября и прожил здесь безвыездно до 21 февраля 1896 года.

Вскоре по приезде в Москву, 28 ноября, Толстой отправляется в Малый театр на генеральную репетицию своей драмы «Власть тьмы». Как известно, постановка на сцене «Власти тьмы» после запрещения ее в 1886 году Александром III не допускалась цензурой в течение почти целого десятилетия. Она была разрешена лишь 15 сентября 1895 года. 26 октября 1895 года «Власть тьмы» впервые была поставлена в Москве в народном общедоступном театре частного антрепренера М. В. Лентовского «Скоморох» и имела шумный успех. На сцене же Малого театра она была поставлена в бенефис знаменитой актрисы Н. А. Никулиной 29 ноября 1895 года. О посещении Толстым Малого театра 28 ноября 1895 года имеются воспоминания Народной артистки СССР В. Н. Рыжко-

вой «Толстой в Малом театре», опубликованные в журнале «Современный театр», № 37, от 9 сентября 1928 года.

Отрывочные записи Толстого в его записной книжке во время репетиции, касающиеся постановки пьесы, несмотря на свою лаконичность, несомненно, интересны. До сих пор эти записи не были опубликованы и печатаются здесь впервые:

«У двери Марина.

Белье на кором[ысле].

Отворачивать[ся] не надо.

На линии [?] не надо.

Не надо лож[ки], сидеть пр[още].

Никита

Не надо мрач[но] отве[чать].

Кафтан отчищать.

Приговор.

Кума входит.

Митрич громче.

Всё постав[лено] иначе.

Анисья подает.

Митрич сидит пр[ямо?]

Марине не ходить».

В письме к Черткову в январе 1896 года Толстой писал: «Наша жизнь идет попрежнему: так же много гостей и, когда я в дурном горделивом состоянии духа, я тягочусь этим, когда же опомнюсь, не обижаюсь»¹. Запись в дневнике от 13 февраля: «Хотел ехать к Олсуфьевым. Соне было неприятно. Остался. Здесь очень суетно и отнимается много времени. Поздно сажусь за работу и оттого мало пишу»².

20 января 1896 года к Толстому в первый раз пришел молодой пианист А. Б. Гольденвейзер, который впоследствии стал одним из близких его друзей. В первой половине февраля у Толстого был А. П. Чехов, который записал в своем дневнике: «В феврале проездом через Москву был у Л. Н. Толстого. Он был раздражен, резко

¹ Юбил. изд., т. 87, стр. 347.

² «Дневник Льва Николаевича Толстого 1895—1899», изд. Сытина, М., 1916, стр. 16.

отзывался о декадентах и часа полтора спорил с Б. Чичериным, который все время, как мне показалось, говорил глупости»¹.

Чтобы проверить свое отрицательное суждение о Шекспире, Толстой в январе дважды ходил в театр «Эрмитаж» на представление «Короля Лира» и «Гамлета» в исполнении итальянского трагика Эрнесто Росси, гастролировавшего в Москве. После этого он писал Страхову, что всякое сомнение его в «отвращении к Шекспиру совсем исчезло»².

Как видно по имеющимся материалам, Толстого интересовали не только вопросы искусства и литературы, он следил также и за новостями в области точных наук. Так, например, 6 февраля он слушал в Университете доклады Н. С. Гутора «Опыт фотографирования цветных предметов по способу Литмана» и П. В. Преображенского «Различные опыты с рентгеновскими невидимыми лучами».

В декабре 1895 года и январе 1896 года Толстой много работал над драмой «И свет во тьме светит», которую он называл «Моя драма». «Нынче всю ночь бредил о ней», — писал он в дневнике 23 декабря.

13 февраля Толстой снова принимается за «Воскресение». Свои мысли по вопросам искусства он записывает в дневнике (23 января 1896 года): «1) истинное художественное произведение... только тогда, когда художник ищет, стремится. 2) У всякого искусства есть два отступления от пути: пошлость и искусственность. Между ними только узкий путь. И узкий путь этот определяется порывом. 3) Нельзя заставить ум разбирать и уяснять то, что не хочет сердце». 23 февраля: «Общество может заниматься искусством только тогда, когда все члены его сыты. И пока все члены не сыты, не может быть настоящего искусства. А будет искусство пресыщенных — уродливое и искусство голодных — грубое жалкое... Ни в чем так не вредит консерватизм, как в искусстве... ...Если человечество живо, оно проявляет деятельность искусства. И потому каждый данный момент оно должно быть современное —

¹ «Письма А. П. Чехова», Книгоиздательство писателей, IV, М., 1914, стр. 523.

² Сборник Государственного Толстовского музея, М., 1937, стр. 189.

искусство нашего времени. Только надо знать, где оно. Но искать его надо не в прошедшем, а в настоящем. Люди, желающие себя показать знатоками искусства и для этого восхваляющие прошедшее искусство — классическое и бранящие современное, этим только показывают, что они совсем не чутки к искусству¹.

Во время своего пребывания у Олсуфьевых Толстой начал писать статью «Об Абиссинцах» по поводу взволновавшего его события — войны Италии с Абиссинией (Эфиопией). Статья не была закончена. Он перечитывал старых французских классиков Расина и Корнеля, читал французский роман Жоржа де Марье «Трильби», много ходил пешком по окрестностям. В дневнике отметил, что, несмотря на физическую слабость, ему «страшно хочется работать»².

14 марта Толстого в Москве посетил служащий Московского окружного суда С. М. Языков, которого он расспрашивал о тюремных порядках: Толстой интересовался ими в связи с описанием в «Воскресении» сцены посещения тюрьмы и свидания Нехлюдова с Масловой.

Вечером в тот же день он играл в четыре руки с композитором профессором С. И. Танеевым *Andante* и *Menuetto* из симфонии Моцарта³.

В письме от 20 марта Толстой выражает сочувствие организатору и дирижеру балалаечного оркестра В. В. Андрееву по поводу его деятельности, направленной к удержанию «в народе его старинных, прелестных песен».

18 апреля Толстой был в Большом театре на новой постановке оперы Вагнера «Зигфрид». О своем впечатлении он на следующий же день писал брату Сергею Николаевичу: «Я не мог высидеть одного акта и выскочил оттуда, как бешеный, и теперь не могу спокойно говорить про это. Это глупый, не годящийся для детей старше 7 лет балаган с претензией, притворством, фальшью сплошной, и музыки никакой. И несколько тысяч человек сидят и притворяются, что восхищаются. Может быть

¹ См. «Дневник Льва Николаевича Толстого 1895—1899», изд. Сытина, М., 1916, стр. 15, 19—20.

² Там же, стр. 21.

³ См. «Дневник С. И. Танеева», М., 1924, стр. 189—190.

оттого, что я с молодости испортился, но все-таки несравненно больше музыкант тот, кто отвергает Бетховена, чем тот, кто допускает Вагнера».

В том же письме Толстой писал о своей жизни в Москве: «Наша жизнь суетливая, шальная идет попрежнему. Только и живого в жизни, что в утренние часы, в которые остаюсь один, а то сплошная толкучка. Теперь с коронацией и весной еще хуже. Вчера был за городом на велосипеде, видел, что пахнут, и слышал жаворонков, и как пахнет распаханной землей. И очень захотелось другой жизни, чем ту, которую веду».

29 апреля Толстой уезжает из Москвы на лето в Ясную Поляну.

28 мая, находясь в Ясной Поляне, Толстой пишет в дневнике по поводу катастрофы, происшедшей после коронации царя 18 мая 1896 года на Ходыньском поле в Москве: «Страшное событие в Москве, погибель 3 000. Я как-то не могу, как должно, отозваться». Значительно позже Толстой отозвался на это событие, написав в последний год своей жизни (в 1910 году) рассказ «Ходынка»¹.

6

Прожив лето и начало осени в Ясной Поляне, Толстой возвратился в Москву 18 ноября 1896 года. День его приезда совпал с первым днем студенческих волнений в Москве по случаю полугодия со дня ходынской катастрофы.

Около 500 студентов собрались на гражданскую панихиду на Ваганьковском кладбище в знак сочувствия жертвам преступной небрежности администрации и протеста против существующего порядка. На обратном пути студенты были загнаны в Манеж на Моховой улице и переписаны. В Университете собралась студенческая сходка. Полицией было арестовано и отправлено в Бутырскую тюрьму 711 студентов. В числе арестованных был племянник Толстого и жених его дочери Н. Л. Оболенский.

Толстой отметил это «общественное событие» в письме к дочери Татьяне Львовне от 23 ноября 1896 года.

¹ Напечатан в томе 38-м Юбилейного издания, стр. 205.

В Москве Толстой занимался в это время своей статьей об искусстве, читал книги по истории искусства, в том числе по истории музыки, часто слушал игру на фортепиано А. Б. Гольденвейзера. Наряду с этим он совершал путешествия пешком по Москве; так, например, 22 ноября, написав письмо своей невестке М. К. Толстой, жившей в это время в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии (ныне Тимирязевская академия), он отправился из Хамовников в Петровско-Разумовское, чтобы отнести это письмо.

В январе 1897 года Толстой пробует продолжать «Воскресение», но скоро бросает и принимается за работу над «Искусством», которую и ведет в течение всего года.

Дневник и письма Толстого в 1897 году к близким лицам свидетельствуют о мучительной для него жизни в Москве. В неопубликованном письме к дочери Марье Львовне от 12 января 1897 года он писал: «отвратительная жизнь с отсутствием каких-либо, кроме самых грубых животных, интересов... всякого рода игры и швыряния под ноги чужих трудов в виде денег... до такой степени временами становится противна мне, что я задыхаюсь в ней и хочется кричать, плакать».

В письме к Черткову от того же числа¹ мы читаем: «...Зачем не дано мне хоть перед смертью пожить хоть год, хоть месяц свойственной мне жизнью, вне той жи, в которой я не только живу, но участвую и утопаю?» В другом письме, от 25 января: «А я хочу бороться и буду и лежа под врагом без сил противодействия, все-таки буду говорить, что не сдаюсь, и ждать первой возможности освобождения, чтобы воспользоваться ею. — Это одно, что я могу делать и делаю».

А. Б. Гольденвейзер в своих мемуарах «Вблизи Толстого» пишет, что 6 января «Л. Н. читал вслух отдельные места из новой драмы Метерлинка «Аглавена Селизета». Отношение его к этой вещи резко отрицательное.

Л. Н. удивительно читает вслух: очень просто и в то же время замечательно выразительно. Удивительно еще его искусство передать в немногих словах содержание ка-

¹ Письма Толстого к Черткову, начиная с 1897 г., в большинстве своем не опубликованы.

кого-либо рассказа или повести: ничего лишнего, а получается ясная определенная картина...»¹

Для передышки от городской жизни Толстой 31 января 1897 года с дочерью Татьяной Львовной опять поехал к Олсуфьевым в «Никольское» (Обольяново). 6 февраля к нему приехал туда из Петербурга И. И. Горбунов-Посадов и сообщил, что правительство высылает из России его друзей: В. Г. Черткова — за границу, П. И. Бирюкова и И. М. Трегубова — в Курляндскую губернию.

Толстой спешно в тот же день собрался и уехал в Петербург, чтобы проститься со своими друзьями².

13 февраля Толстой возвратился из Петербурга прямо в «Никольское». Там он продолжает работать над «Искусством». Он прочитывает книгу Бернарда об эстетике Аристотеля, в связи с чем заносит в дневник свои мысли по вопросам эстетики.

21 февраля в «Никольское» приезжали московские музыканты—бр. Ю. и Л. Э. Конюсы (скрипка и рояль) и давали концерт. Толстой, по свидетельству присутствовавшей на концерте А. С. Губкиной, «умилялся, трогался и восхищался»³. Сам же Толстой по поводу этого концерта писал жене, что музыка его «всегда физически трогает... до слез и вместе с тем тяготит»⁴.

Возвратясь в Москву 3 марта, Толстой в связи с работой над трактатом «Что такое искусство?» ходил в библиотеку Румянцевского музея и брал там книги по вопросам эстетики.

28 марта он навещал в клинике Остроумова больного А. П. Чехова и вел с ним разговор о бессмертии, о чем Чехов написал в своем дневнике⁵. Сообщая 13 апреля в письме к П. И. Бирюкову о чтении «Разговоров Гёте»,

¹ «Вблизи Толстого. Записи за пятнадцать лет», М., 1922, стр. 7.

² Об этом пребывании Толстого в Петербурге, где всё время за ним по пятам ходил филер охранного отделения,—см. В. И. Срезневский—«Л. Н. Толстой в Петербурге в 1897 г.»—Сборник «Толстой. Памятники творчества и жизни», 4, М., 1923, стр. 185—197.

³ С. А. Голстая, Письма к Л. Н. Толстому, изд. „Academia“ М.—Л., 1936, стр. 671.

⁴ «Письма к жене», М., 1915, стр. 520.

⁵ См. «Письма А. П. Чехова», т. V, М., 1915, стр. 493.

записанных Эккерманом, Толстой писал, что это ему «интересно и для искусства и для изучения старости». 15 апреля в Хамовниках у Толстого вновь был устроен концерт; играли А. Н. Скрябин, К. Н. Игумнов и пела М. Н. Климентова-Муромцева. 1 апреля Толстой слушал исполнение в четыре руки С. И. Танеевым и А. Б. Гольденвейзером девятой симфонии Бетховена, которая ему очень понравилась.

19 апреля Толстой присутствовал на репетиции ученического консерваторского спектакля «Фераморс» Рубинштейна. «Это была та знаменитая репетиция, с описания которой начинается статья «Что такое искусство?»¹ В тот же вечер у Толстого в гостях были А. Ф. Кони и Н. В. Давыдов.

22 апреля Лев Николаевич разговаривал с гостями об импрессионизме; осуждая его, он говорил, что новые художники «придумывают технический прием и тогда уже подыскивают мысль, которую насильственно в него втискивают»².

2 мая Толстой уехал из Москвы в Ясную Поляну и возвратился лишь 5 декабря.

В Москве Толстой отдал печатать свой трактат «Что такое искусство?» в журнал «Вопросы философии и психологии», редакторами которого были профессор Н. Я. Грот и профессор философии Московского университета кн. Сергей Николаевич Трубецкой.

7 декабря Толстой был у профессора западной литературы Н. И. Стороженко, у которого взял стихотворения Бодлера и Верлена для своих работ по искусству. Вечером Толстого посетил художник Н. А. Касаткин, с которым он много разговаривал об образцах искусства. 11 декабря Толстой пишет в дневнике: «Вот уже сколько дней прожил в Москве. Почти ничего не делал. Только поправлял Искусство. Бездна народа и писем»³.

Напряженно занимаясь более года трактатом «Что такое искусство?», Толстой, как это видно по записям его

¹ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. Записи за пятнадцать лет, I, М., 1922, стр. 8.

² Там же.

³ «Дневник Льва Николаевича Толстого 1895—1899», I, изд. Сытина, М., 1916, стр. 112.

в дневнике и письмам, все более и более испытывает потребность в художественном творчестве. В ноябре он обдумывает и подбирает материалы к «Хаджи-Мурату». В декабре отмечает в дневнике, что собирался писать «Хаджи-Мурата», и записывает тринадцать художественных замыслов («сюжеты»), восемь из которых он позднее полностью или частично осуществил¹. 29 декабря он отметил в дневнике, что думал о «Хаджи-Мурате», и «вчера же целый день складывалась драма-комедия «Труп»².

Для поддержания физической бодрости Толстой покупает себе коньки и почти ежедневно катается на катке, устроенном в саду Хамовнического дома, радуясь, что не устает³.

20 декабря он получает анонимное письмо от имени «старых коренных дворян», подписанное «Ваши доброжелатели N, N, N, N», с угрозой убить его, если он не одумается до 1 января 1898 года. Эти «доброжелатели» писали в конце своего письма: «В случае же, Вы будете продолжать свое пошлое направление, то мы будем принуждены Вас исторгнуть из общества, как негодную траву из поля вон, тогда дни Вашей жизни будут непродолжительны, мы поступим с Вами, как со звероподобным человеком и не пожалеем жизни». На следующий день он записал об этом в дневнике: «И жутко и хорошо».

25 декабря было получено второе письмо с угрозой убить Толстого, как «врага нашего царя и отечества», за подписью: «Второй крестоносец жребьевой»⁴.

Об этих письмах Толстой пометил в дневнике 29 декабря: «Получены угрожающие убийством письма. Жалко, что есть ненавидящие меня люди, но мало интересуется и совсем не беспокоит»⁵.

В начале января 1898 года Толстой усиленно читает

¹ См. Н. Н. Гусев. Незавершенные художественные замыслы Толстого—Сборник Государственного Толстовского музея, М., 1937, стр. 119—120.

² «Живой трupp». См. «Дневник Л. Н. Толстого 1895—1899», стр. 115.

³ «Дневники С. А. Толстой», III, стр. 7.

⁴ Это письмо напечатано в дневнике С. А. Толстой от 25 декабря 1897 г., стр. 11.

⁵ «Дневник Льва Николаевича Толстого 1895—1899», I, изд. Сытина, М., 1916, стр. 115.

присланные ему материалы по Кавказу для повести «Хаджи-Мурат». Он записывает в дневник, что все пытается найти для «Хаджи-Мурата» удовлетворяющую его форму и как будто приближается к этому, а 18 января отмечает, что «уяснил план «Хаджи-Мурата» больше, чем когда-либо»¹.

3 января у Толстого были композитор Н. А. Римский-Корсаков, приехавший из Петербурга на первую постановку в Большом театре своей оперы «Садко», В. В. Стасов, скульптор И. Г. Гинзбург, гравер В. В. Мате и С. И. Танеев. Толстой вел с Римским-Корсаковым жаркий спор об искусстве². 5 и 7 января в Хамовниках был И. Е. Репин. 21 января Толстой писал Черткову по поводу посещения Репина: «одно из приятных впечатлений последнего времени было свидание с Репиным. Мы кажется оставили друг другу хорошее впечатление... Он очень и серьезно просит меня дать ему сюжет и он исполнит его. И я вижу, что это серьезное, и все не нашел еще достойного сюжета и чувствую большую ответственность».

Т. Л. Толстая (Сухотина) в своем дневнике сообщает, что сюжет для картины, который дал Толстой по просьбе Репина, — это казнь декабристов — «момент, когда ведут декабристов на виселицы. Молодой Бестужев-Рюмин увлекся Муравьевым-Апостолом, — скорее личностью его, чем идеями, и все время шел с ним заодно, и только перед казнью ослабел, заплакал, и Муравьев обнял его, и они пошли так вдвоем к виселице...»³

Как известно, картины на этот сюжет Репин не написал.

13 января Толстой записывает в дневнике: «Третьего дня было тоскливо. И пришли мужики... И так легко, бодро стало. Надо не поддаваться среде»⁴. То же настроение видно и в письме к сыну Льву от 19 января: «У нас

¹ «Дневник Льва Николаевича Толстого 1895—1899», стр. 122 и 124.

² Об этом подробнее см. в письме В. В. Стасова к брату Д. В. Стасову от 5 января 1898 г. «Лев Николаевич Толстой. Юбилейный сборник», М., 1928, стр. 370—371.

³ Сборник «Толстой. Памятники творчества и жизни», III, стр. 66—67.

⁴ «Дневник Льва Николаевича Толстого 1895—1899», стр. 162.

нехорошо только в смысле городской суеты. Часто вспоминаю об уединении среди чистого снега и неба»¹.

В это время Толстой много занимался исправлением корректур трактата «Что такое искусство?», печатавшегося в московском журнале «Вопросы философии и психологии».

В дневнике от 3 февраля читаем следующую запись по поводу волновавшей его социально-политической темы: «Сила в рабочем народе. Если он несет свое угнетение, то только потому, что он загипнотизирован. Вот в этом-то все дело: уничтожить этот гипноз». При публикации дневников 1895—1899 годов в издании Сытина 1916 года эта запись была цензурой изъята и публикуется здесь впервые.

В связи с выходом 17 марта в Москве последней части трактата «Что такое искусство?» Репин писал Толстому 21 марта: «Обожаемый Лев Николаевич, сейчас прочел окончание «Что такое искусство?» и нахожусь всецело под сильным впечатлением этого могучего труда Вашего. Если можно не согласиться с некоторыми частностями, примерами, за то общее, главная постановка вопроса так глубока, неопровержима, что даже весело делается, радость проникает...»

Толстой ответил Репину: «Дорогой Илья Ефимович, очень порадовали меня своим письмом. Если моя книга помогла уяснить вопросы искусства такому художнику, как Репин, то труд ее писания не пропал даром... Дружески обнимаю Вас. Л. Толстой. 24 марта».

17 марта у Толстого был скульптор М. М. Антокольский. Весь март и апрель 1898 года Толстой работал над повестью «Хаджи-Мурат». К этой работе Толстой приступал на протяжении восьми лет, с 1896 по 1904 год, всякий раз, когда ощущал потребность отдыха в художественном творчестве.

15 апреля в доме Толстых профессор П. В. Преображенский читал лекцию о световых и цветных иллюзиях.

Всегда стремясь к точности и реализму и желая иметь непосредственные впечатления для своей работы над романом «Воскресение», Толстой в середине января 1899 года идет в Бутырскую пересыльную тюрьму, на квартиру

¹ Не опубликовано.

гюремного надзирателя Виноградова и расспрашивает его о подробностях тюремной жизни, в частности о возможности общения уголовных с политическими. 17, 18 и 19 января Виноградов приходил к Толстому в Хамовники и подробно отвечал на расспросы Льва Николаевича и даже читал и исправлял корректуры романа, касающиеся описания тюрьмы¹.

8 апреля Толстой вновь отправляется в Бутырскую тюрьму и проходит с партией арестантов весь путь до старого Нижегородского вокзала у Покровской заставы. Это послужило ему материалом для глав XXXV—XL второй части «Воскресения». Путь до этого вокзала Толстой описывал и ранее, в «Анне Карениной» — отъезд Анны в Обираловку: «Этих улиц я совсем не знаю. Горы какие-то, и все дома, дома... И в домах все люди, люди... Сколько их, конца нет...»²

По вопросам издания «Воскресения» Толстой ведет большую переписку с А. Ф. Марксом — издателем петербургского журнала «Нива», где печаталось «Воскресение», и с В. Г. Чертковым, который одновременно печатал «Воскресение» в Англии.

23 апреля Толстого посетил А. П. Чехов, они много говорили о Горьком. Как писал Чехов Горькому 25 апреля 1899 года, Толстой называл в этой беседе Горького «замечательным писателем»³.

14 мая 1899 года Толстой выехал из Москвы на лето в Ясную Поляну и возвратился в Москву 9 ноября. Вскоре по приезде он заболел «сильнейшими болями в желудке и печени, — пишет С. А. Толстая в своем дневнике, — ...пульс упал, температура была 35 и 5. Давали возбуждающие средства, вино, кофе, и кофеин обманом сыпали в кофе, гофманские капли и пр. Лечил милый, симпатичный П. С. Усов, и теперь уже почти шесть недель прошло, и Льву Николаевичу лучше. Но вряд ли он вполне оправится. Осталось атония кишек, больная печень и сильный катар желудка»⁴.

¹ См. сборник «Толстой и о Толстом», 3, стр. 48—53 и Юбил. изд., т. 33, статья Н. К. Гудзия «История писания и печатания «Воскресения», стр. 38.

² «Анна Каренина», ч. 7, гл. XXX.

³ «Письма А. П. Чехова», V, М., 1915, стр. 482—483.

⁴ «Дневники С. А. Толстой», III, стр. 123.

Навещавший Толстого во время этой болезни А. Б. Гольденвейзер записал в своих мемуарах: «7 декабря, когда Л. Н. был болен (ему гораздо лучше теперь), я в первый раз был у него в комнате... На столике у него лежал том Тютчева. В руках он держал английскую книгу (не помню чью) «Империя и свобода». Как всегда бывает, он сразу заговорил о том, что читал. — Вот замечательная книга сказал Л. Н. — Он, автор, американец, следовательно, сам англо-саксонец, тем не менее он разоблачает так называемое просветительное влияние англо-саксонской расы. Я не понимаю, как могут люди держаться этих предрассудков! Я понимаю какого-нибудь Магомета, проповедующего свое учение, средневековое христианство, крестовые походы. Каковы бы убеждения этих людей ни были, все-таки они шли, веря в то, что они знают истину и даруют это знание людям. А тут ведь ничего нет! Все делается во имя наживы!..

...Заговорили о Тютчеве. На днях Л. Н.чу попалося... его стихотворение «Сумерки». Он достал по этому поводу их все и читал больной. Л. Н. сказал мне: «Я всегда г ворю, что произведение искусства или так хорошо, что меры для определения его достоинства нет — это истинное искусство. Или же оно совсем скверно. Вот я счастлив, что нашел истинное произведение искусства. Я не могу читать без слез. Я его запомнил. Постойте, я вам сейчас скажу его. Лев Николаевич начал прерывающимся голосом: — «Тени сизые смешались»...

Я умирать буду, — не забуду того впечатления, которое произвел на меня в этот раз Л. Н. Он лежал на спине, судорожно сжимая пальцами край одеяла и тщетно стараясь удержать душившие его слезы. Несколько раз он прерывал и начинал сызнова. Но наконец, когда он произнес конец первой строфы «все во мне и я во всем», голос его оборвался...

— Как жаль, я вам испортил стихотворение, — сказал он мне немного погодя¹.

Потребность работы не покидала Толстого и во время болезни. Он усиленно продолжал правку корректур «Воскресения». 15 декабря отправил издателю «Нивы»

¹ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. I, стр. 24—25.

А. Ф. Марксу последние исправленные главы и 18 декабря записал в дневнике: «Кончил Воскресение. Нехорошо, не поправлено, поспешно; но отвалилось, не интересуется больше».

В следующей записи, 20 декабря: «Обдумываю философскую (мысль) определение жизни. Думал нынче о «Купоне» — хорошо может быть напишу»¹.

Будучи еще больным, Толстой 4 декабря написал из Москвы большое письмо внуку декабриста кн. Г. М. Волконскому по поводу англо-бурской войны, где высказывал свою точку зрения на причины всех войн. Он писал, что брошюра Волконского слаба, «потому что недостаточно ясно выставляет отталкивающие черты одного из самых отвратительных, если не комических, представителей императорства — Вильгельма II»

Что же касается причин как трансваальской войны, так и всех последних войн, то первая причина — это: «неравное распределение имущества, т. е. ограбление одними людьми других...

До тех пор, — пишет Толстой, — пока мы будем пользоваться исключительным богатством в то время, как массы народа задавлены трудом, всегда будут войны за рынки, за золотые прииски и т. д., которые нам нужны для того, чтобы поддерживать наше исключительное богатство»².

26 декабря Толстой отправился на товарную станцию Московско-Казанской железной дороги, чтобы лично проверить рассказ его знакомого весовщика Агеева о том, что грузчики на этой дороге работают 36 часов и более без перерыва. На товарной станции Толстой наблюдал работу грузчиков, подробно расспрашивал об условиях их труда, осматривал их жилища и так далее. Из собственных наблюдений он убедился в правильности рассказа Агеева. Посещение товарной станции Толстой по-

¹ «Дневник Л. Н. Толстого. 1895—1899». Изд. Сытина, I, М., 1916, стр. 181. Повесть «Фальшивый купон» была начата еще в конце 80-х годов, за продолжение ее Толстой брался несколько раз в 1898, 1899, 1902 и 1904 гг. См. Юбил. изд., т. 36.

² Полностью это письмо напечатано в 72-м томе Юбилейного издания, стр. 254—256. При царизме оно было напечатано в 1912 г. в сборнике писем Толстого, изд. «Окто», но было уничтожено по приговору Московской судебной палаты.

дробно описал в начале своей статьи «Рабство нашего времени», к которой приступил на другой же день после посещения железной дороги. Он продолжал работать над этой статьей в течение всего своего пребывания в Москве — до мая 1900 года. За это время он прочитал много книг по рабочему вопросу, даже выписывал их из Англии.

Статья «Рабство нашего времени» появилась в печати в Англии в издании Черткова «Свободное слово». В царской России она не могла быть напечатана. В 1911 году была попытка С. А. Толстой включить ее в свое 12-е издание «Сочинений Л. Н. Толстого», но по приговору Московской судебной палаты статья была вырезана из тома.

Наряду с «Рабством нашего времени» Толстой в это время работал и над другой статьей — «Патриотизм и правительство», тоже вышедшей в 1900 году в издании Черткова. В России она была напечатана только в 1917 году.

7.

В дневнике от 8 января 1900 года Толстой записывает свои впечатления о прочитанном в газетах и книгах за последнее время, в частности о философии Ницше, о драмах Ибсена и Метерлинка, «О науке Ламборозо» (итальянский психиатр и криминалист), и дает общую оценку этим книгам: «Ведь это полное убожество мысли, понимания и чутья».

Далее он записывает, что читает о войне на Филиппинах, в Трансваале, и его «берет ужас и отвращение. Отчего? Войны Фридриха, Наполеона были искренны и потому не лишены были некоторой величественности. Было это даже в Севастопольской войне. Но войны Американцев и Англичан среди мира, в котором осуждают войну гимназисты, ужасны»¹.

По поводу трансваальской войны Толстой сказал, что эта война — «знамение нашего времени, но печальное знамение, говорящее, что миром управляет бездушное торгашество»².

С 3 по 8 января в Москве у Толстого гостил В. В. Ста-

¹ Юбил. изд., т. 54, стр. 7—8.

² П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого. 4, стр. 4.

сов, которого он так охарактеризовал в дневнике: «Сейчас простился и уехал Стасов. Образцовый тип ума. Как хотелось бы изобразить это. Это совсем ново»¹.

9 января в Хамовническом доме Толстому пел Ф. И. Шаляпин, но пение Шаляпина тогда не произвело на Толстого сильного впечатления, как об этом свидетельствует А. Б. Гольденвейзер².

16 января к Толстому приходил познакомиться А. М. Горький. После его посещения Толстой записал в дневнике: «Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа»³.

После посещения Горьким Толстого между ними возникла дружеская переписка⁴.

24 января Толстой был в Художественном театре, который тогда помещался в Каретном ряду (театр «Эрмитаж»), на представлении пьесы Чехова «Дядя Ваня» и собственноручно записал об этом своем посещении в альбоме МХАТ.

Как известно, Толстой отрицательно относился к драматургии Чехова, но высоко ценил многие его рассказы и лично его как человека. Под впечатлением не понравившейся ему пьесы «Дядя Ваня» Толстой записал в дневнике: «Захотелось написать драму Труп. Набросал конспект»⁵.

16 февраля Толстой вновь был в Художественном театре, где смотрел пьесу Гауптмана «Одинокие».

18 февраля «Л. Н. ходил «Под Девичье» в балаганы и потом в какой-то грязный трактир, где особенно много пьянства и разгула»⁶, — для наблюдений, которые ему были нужны в связи с работой над «Живым трупом». Это нашло отражение в 5-м действии: «Грязная комната трактира. Стол с пьющими чай и водку. На первом плане столик, у которого сидит опустившийся оборванный Федя...»

29 апреля у Толстого в Хамовниках был А. Б. Голь-

¹ Юбил. изд., т. 54, стр. 7.

² А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, I, стр. 28.

³ Юбил. изд., т. 54, стр. 8 и 406—408.

⁴ Два письма Горького к Толстому и одно письмо Толстого к Горькому — см. Юбил. изд., т. 72, стр. 303—305.

⁵ Юбил. изд., т. 54, стр. 10.

⁶ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, I, стр. 28.

денвейзер, который подробно записал разговоры Толстого о литературе, в частности о Шекспире, Гете, Шиллере, Тургеневе, Чехове, Горьком, Фете и других¹.

3 мая Толстой уехал из Москвы в Пирогово к своей дочери М. Л. Оболенской, а оттуда на лето в Ясную Поляну. Возвратился в Москву ровно через полгода, 3 ноября 1900 года.

По приезде в Москву Толстой принялся за изучение китайского мудреца Конфуция, получая книги для этого, главным образом, из библиотеки Румянцевского музея. Одновременно он изучал голландский язык. А. Б. Гольденвейзер в своих записях 1 февраля по этому поводу пишет: «Л. Н. начал месяца два-три тому назад учиться голландскому языку, а сейчас уже довольно свободно читает, — это на семьдесят третьем году»².

Для настроения Толстого конца 1900 года характерна его запись в дневнике 23 ноября: «Мы, богатые классы, разоряем рабочих, держим их в грубом непрестанном труде, пользуясь досугом и роскошью. Мы не даем им, задавленным трудом, возможности произвести духовный цвет и плод жизни: ни поэзии, ни науки, ни религии. Мы все это беремся давать им и даем ложную поэзию — «Зачем умчался на погибельный Кавказ» и т. п., науку — юриспруденцию, дарвинизм, философию, историю царей, религию — церковную веру. Какой ужасный грех. Если бы только мы не высасывали их до дна, они бы проявили и поэзию, и науку, и учение о жизни»³.

23 ноября: «Вчера читал статью Новикова и получил сильное впечатление: вспомнил то, что забыл: жизнь народа: нужду, унижение и наши вины. Ах, если бы бог велел мне высказать все то, что я чувствую об этом»⁴.

В Хамовническом доме, как всегда, продолжало бывать много писателей и гостей. С. А. Толстая отметила в своем дневнике: «Вчера гости: один с острова Явы — говорит по-французски, другой с Мыса Доброй Надежды — говорит по-английски», и дама. 23 декабря «Лев Николаевич все осаждает людьми. Вчера приехали пятнадцать амери-

¹ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, I, стр. 30—31.

² Там же, стр. 54.

³ Юбил. изд., т. 54, стр. 63—64.

⁴ Там же, стр. 65.

канок и два американца смотреть знаменитого Толстого»¹

22 ноября у Толстого был издатель-редактор «Нового времени» А. С. Суворин и литератор Л. Е. Оболенский, 24-го — писатель В. П. Буренин и Л. А. Суллержицкий, — говорили о театре и о современной литературе.

7 декабря Лев Николаевич был у Глебовых в их доме на Большой Молчановке (дом № 20) на концерте струнного народного оркестра В. В. Андреева.

В ноябре и декабре Толстой, несмотря на нездоровье и шумную домашнюю обстановку, все же не оставлял своей работы над драмой «Живой труп», хотя эта работа его и не удовлетворяла. 12 декабря он писал Черткову: «Драму я шутя, или вернее — балуясь, написал начерно, но не только не думаю ее теперь кончать и печатать, но очень сомневаюсь, чтобы я когда-нибудь это сделал»².

Тем не менее, тяготение к художественному творчеству у него не прекращается. А. Б. Гольденвейзер в своих мемуарах рассказывает, что однажды Лев Николаевич, находясь в комнате рядом с той, в которой разговаривала молодежь, сказал: «Я лежал там и слушал ваши разговоры... Я слушал и говорил себе: вот как следует писать для сцены. А то один говорит, а другие слушают. Этого никогда не бывает. Надо, чтобы все говорили, и тут-то искусство автора в том, чтобы заставить красной нитью пройти то, что ему нужно»³.

В своем дневнике по вопросам художественного творчества Толстой делает следующую запись 19 декабря 1900 года: «Художник для того, чтобы действовать на других, должен быть ищущим, чтоб его произведение было исканием. Если он все нашел и все знает и учит или нарочито потешает, он не действует. Только, если он ищет, зритель, слушатель, читатель сливается с ним в поисках»⁴.

Зимой 1900—1901 годов у Толстого возникло желание основать в Москве новый еженедельный журнал «Утро», в котором он собирался принять живое участие. Но журнал этот не был разрешен. Сообщая об этом Черткову

¹ «Дневники С. А. Толстой», записи 20 ноября и 23 декабря 1900 г., III, стр. 127 и 135.

² Юбил. изд., т. 54, стр. 443.

³ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, I, стр. 54.

⁴ Юбил. изд., т. 54, стр. 74.

в письме 18 января, он писал: «Очень меня подкупало то, что это побуждало бы меня писать художественные вещи, которые я без этого не буду писать, и то, что огромный материал эпического характера, получаемый мною, собранный в букет, мог бы быть полезным людям, но я все-таки рад, что не удалось, тем более, что я как будто кончился, особенно для художественных вещей»¹.

В начале 1901 года Толстой физически плохо себя чувствовал и сравнительно мало писал, о чем сообщает друзьям и близким в письмах. Своему брату С. Н. Толстому 24 января 1901 года он писал, что читает много газет и книг, но рекомендовать почти ничего не может. «Нешто — Мопассана «*Les dimanches d'un bourgeois de Paris*», — писал Толстой. — Хорошо написано и забавно. Для возбуждения желчи читаю Ницше». С. А. Толстая в своем дневнике 10 января записала, что «Л. Н. везде ищет веселого и смешного. Сегодня говорили о пьесе «Соломенная шляпка», где все смеются, и ему захотелось посмотреть»².

9 февраля у Толстых в Хамовниках С. И. Танеев играл на фортепиано свою оперу «Орестея». Пели артистки Большого театра М. Н. Климентова-Муромцева с хором своих учениц, О. П. Мельгунова и Е. Н. Хренникова. «Всем было весело в этот вечер, — писала С. А. Толстая в своем дневнике. — Но Л. Н. очень старался придать всему отрицательный и насмешливый характер... Когда все порядочные люди разъехались и Л. Н. уже надел халат и шел спать, в зале остались студенты, кое-кто барышни и Климентова-Муромцева. Стали все (выпив за ужином) петь песни русские, цыганские, фабричные. Гиканье, подплясыванье, дикость. Я ушла вниз, а Л. Н. сел в уголок и начал их всех поощрять и одобрять и долго сидел»³.

28 января Толстой, отвечая врачу Н. В. Скарятину на его письмо, писал: «Вся жизнь, не только русская, но и европейская, кишит злодеяниями насилия (китайские, африканские дела), совершаемыми одними людьми над другими. Спокойно смотреть на эти дела нельзя и не должно.

¹ П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого. IV, ГИЗ, 1918, стр. 18.

² «Дневники С. А. Толстой», III, стр. 138.

³ Там же, стр. 141.

Нужно все силы жизни употребить на борьбу с этим злом насилия»¹.

Л. Н. Толстого все больше и больше волнуют общественно-политические события, совершавшиеся во всем мире в первые годы наступившего XX столетия, и особенно в России.

В феврале 1901 года по Москве и по другим университетским городам прокатилась волна студенческих волнений, к студентам присоединялись рабочие. Толстой проявляет к этому движению живой интерес. К нему в феврале — марте 1901 года часто приходят студенты с вопросами, «что им делать и за советами». В письме к Черткову от 25 февраля 1901 года (не опубликовано) Толстой писал: «Я советую им одно, стараться собираться и обсудить сообща, что делать, и собираться, соединяться, потому что в единении только может быть дан отпор правительству. Как? — Я не знаю; но я знаю, что чем больше будет единения, тем действительнее будет воздействие на людей правительства... Вы, верно, уже знаете, что волнения нынешние не только не меньше, но гораздо больше и значительнее прежних волнений, особенно тем что в них принимают участие общество и люди из народа. Положение очень серьезное, и я стараюсь быть осторожнее, чтобы не сделать ошибки в смысле нравственном при тех требованиях, которые ко мне заявляются».

В тот же день получено было в Москве известие об отлучении Толстого от церкви постановлением Синода от 22 февраля 1901 года. Имя Льва Николаевича Толстого стало в центре совершающихся волнений в Москве. Выпад самодержавного правительства и православного духовенства, совершенно неожиданно для его вдохновителей и исполнителей, дал происходящим в Москве (25 февраля 1901 года) событиям новое и бурное направление. По всей Москве на площадях и улицах стали собираться группы народа и сходки, выражавшие сочувствие Толстому и протест самодержавию, страстным обличителем которого он был в это время.

Не зная, что происходит на улицах, Толстой вышел днем 25 февраля из Хамовников в центр города — в

¹ Письмо не опубликовано.

Милютинский переулоч (ныне улица Мархлевского), и когда он появился на Лубянской площади (площадь Дзержинского), толпа его узнала, и началась бурная овация. Лев Николаевич кое-как пробрался до Неглинной улицы, хотел уехать на извозчике, но толпа его не выпускала, цепляясь за сани. Появился конный отряд жандармов, отрезавший от Толстого толпу, и ему с большим трудом удалось добраться до дома¹.

В течение долгого времени после описанных событий к Толстому являлись многочисленные депутации с выражением сочувствия, присылалось огромное количество адресов, приветствий и писем. Черносотенцы писали письма, наполненные всяческими ругательствами.

26 февраля С. А. Толстая написала и отправила открытое письмо на имя петербургского митрополита Антония с протестом против отлучения Толстого.

В. И. Ленин в статье «Л. Н. Толстой» в 1910 году писал: «Святейший синод отлучил Толстого от церкви. Тем лучше. Этот подвиг зачтется ему в час народной расправы с чиновниками в рясах, жандармами во Христе, с темными инквизиторами, которые поддерживали еврейские погромы и прочие подвиги черносотенной царской шайки»².

Как свидетельствует биограф Толстого П. И. Бирюков, «На Льва Николаевича этот эпизод произвел слабое впечатление... Характерно, что Л. Н. после этого отлучения более интересуется общественными вопросами, не имеющими прямого отношения к его отлучению, и ответ свой на отлучение пишет значительно позже, через полтора месяца после обнародования синодского послания»³. Свой ответ Синоду Толстой начал писать 24 марта 1901 года, а 26 марта он разослал царю, великим князьям и министрам написанную им ранее и напечатанную Чертковым в Англии статью «Царю и его помощникам» — обличение самодержавия и его насильнического правительства.

30 марта Толстой собственноручно исправляет и пер-

¹ См. об этом воспоминания А. Б. Гольденвейзера. Вблизи Толстого, I, стр. 55—56.

² В. И. Ленин. Соч., т. XVI, изд. 4, стр. 296.

³ «Биография Льва Николаевича Толстого», IV, стр. 23.

вый подписывает приветственный адрес Союзу писателей в Петербурге за его протест по поводу избития полицией и казаками демонстрации студентов, рабочих и интеллигенции в Петербурге на площади Казанского собора 4 марта 1901 года.

4 апреля Толстой приступает к написанию статьи «Желания народа», обращенной к правительству, позже озаглавленной «Чего желает прежде всего большинство людей русского народа». По поводу этой статьи Чертков спрашивал Толстого, почему он в числе желаний народа не включил свободу слова. Толстой отвечал 7 мая из Москвы, что в своих требованиях к правительству он смотрит не сверху, а «снизу от 100 миллионов» и выражает то, что «поймет самый серый представитель 100 миллионов», потому о свободе слова он не упоминал «наисознательнейшим образом»¹.

В дневнике 8 апреля 1901 года Толстой записал: «Счастливые периоды моей жизни были только те, когда я всю жизнь отдавал на служение людям. Это были школы, посредничество, голодающие»².

6 мая Толстой обратился к министру внутренних дел Святополк-Мирскому и принцу П. А. Ольденбургскому, который был у него в 1900 году в Москве, с просьбой помочь облегчить судьбу Горького, «чтобы его, больного, чахоточного не убивали до суда и без суда содержанием в ужасном... по антигигиеническим условиям нижегородском остроге».хлопоты Толстого увенчались успехом: А. М. Горький вскоре был освобожден из тюрьмы, и тюрьма ему была заменена домашним арестом, под которым он был семнадцать дней. Об этом Горький писал Толстому, благодаря его за хлопоты, 22 мая 1901 года.

Одновременно с подъемом интереса Л. Н. Толстого к общественно-политическим событиям, весной 1901 года у него не только не заглушается интерес к художественному творчеству, но, наоборот, появляется, несмотря на болезнь, потребность к художественной работе, и в дневнике 22 апреля он записал: «Нужно.. окончить «Хаджи-

¹ П. И. Бирюков. Биография Льва Николаевича Толстого. IV, стр. 26.

² Юбил. изд., т. 54, стр. 94.

Мурата»¹. Накануне своего отъезда из Москвы, 7 мая, он записывает в дневнике, что «В первый раз ясно понял ту силу, которую приобретают типы от смело накладываемых теней», и собирается сделать это на Хаджи-Мурате и Марье Дмитриевне. Известно, что Толстой вскоре возобновил работу над «Хаджи-Муратом», именно в этом направлении, основная идея которого — «борьба, борьба до последнего».

8 мая 1901 года Толстой выехал из Москвы в Ясную Поляну. На этот раз он выехал уже навсегда. После перенесенных тяжелых болезней в 1901—1902 годах он больше не возвращался на жительство в Москву, как это делал на протяжении последних двадцати лет.

Лишь только в 1909 году, за год до своей смерти, Толстой в сентябре дважды проездом был в Москве.

¹ Там же.

VI. ПРИЕЗД В МОСКВУ В 1909 ГОДУ

3 сентября 1909 года Л. Н. Толстой отправился из Ясной Поляны навестить своего друга В. Г. Черткова, которому распоряжением царских властей был запрещен въезд в Тульскую губернию.

Чертков с семьей жил в это время в имении своих родственников Пашковых «Крекшино» (ныне совхоз «Первомайское», в 36 километрах от Москвы и 2 километрах от станции Крекшино, Московско-Киевской железной дороги).

Около 8 часов вечера Толстой после восьмилетнего перерыва прибыл в Москву. На Курском вокзале его встретили В. Г. Чертков, И. И. Горбунов-Посадов с сотрудниками издательства «Посредник», корреспондент газеты «Русское слово» С. П. Спиро.

На вокзале весть о приезде Толстого быстро распространилась, и когда Толстой вышел из вагона, на платформе уже собралась значительная толпа. С Курского вокзала он отправился в свой хамовнический дом.

Ранним утром 4 сентября Толстой решил пройти по близлежащим улицам Москвы. Дойдя до Пречистенки (ныне Кропоткинская улица), он сел на конку. «Л. Н. давно не был в Москве, и все его в ней поразило: высокие дома, трамваи, движение... Л. Н. между прочим рассказал: — У ворот одного дома я вижу стоит немолодая женщина и просит дворника разобрать какую-то записку. Дворник, очевидно, не может разобрать. Я подошел и

предложил помочь. Дворник, увидев перед собой невзрачного старичка, грубо закричал:

— Что не в свое дело мешаешься. Ступай отсюда.

— Люди здесь также изуродованы, как природа»¹.

Об этой своей утренней прогулке Толстой записал в дневнике: «Пошел гулять по городу. Очень сильное впечатление детей². Ох, хорошо бы художественное описание³ не для себя, а для служения. Слишком много нужно записать».

Приехав в Москву меньше чем на один день, Толстой не прервал своих обычных занятий. Он так же, как это делал в последние годы, подробно записывал в дневнике события, его заинтересовавшие, и мысли, которые его занимали. Там, например, он записывает об искусстве: «Произведение искусства только тогда истинное произведение искусства, когда, воспринимая его, человеку кажется — не только кажется, но человек испытывает чувство радости о том, что он произвел такую прекрасную вещь. Особенно сильно это в музыке. — Ни на чем, как на этом, не видно так главное значение искусства, значение объединения». «Я» художника сливается с «я» всех воспринимающих, сливающихся в одно»⁴.

Толстой с Чертковым и Гольденвейзером отправился пешком на Кузнецкий мост, в музыкальный магазин Циммермана, слушать игру пианистов, воспроизводящуюся новым тогда аппаратом «Mignon». А. Б. Гольденвейзер пишет, что «Слушая музыку, Л. Н. вскрикивал от восторга, охал, слезы были у него на глазах»⁵.

Аппарат «Mignon» магазин Циммермана отправил на другой день к Чертковым в Крекшино на время пребывания там Толстого, где он его почти ежедневно с большим удовольствием слушал.

Проезжая по дороге на Брянский вокзал (теперь Киевский) через Арбатскую площадь, Толстой остановил-

¹ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, I, стр. 322.

² Толстого заинтересовали дети на московских улицах, спешащие в школы.

³ Этого своего замысла Толстой не осуществил.

⁴ Запись в дневнике от 4 сентября 1909 г. Не опубликовано.

⁵ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, I, стр. 323.

ся у памятника Гоголю, внимательно его осмотрел и сказал: «Мне нравится: очень значительное лицо»¹.

Во время пребывания Толстого в Крекшине к нему стекалось множество посетителей: человек сорок земских учителей, с которыми он вел беседу по вопросам народного образования, предварительно для этой беседы написав целую статью «В чем главная задача учителя?»; группы крестьян из соседних деревень; приезжие из Москвы. Дважды приезжали играть Толстому музыканты А. И. Могилевский, А. Я. Могилевский, Б. О. Сибор, П. П. Ильченко, Р. Р. Бакалейников, Д. З. Зиссерман; приезжала собирательница русских народных песен Е. Э. Линева, писатель С. Т. Семенов, сотрудники «Русского слова» Панкратов и Спиро и много других лиц. В Крекшине Толстой много ходил пешком, почти ежедневно ездил верхом по окрестностям.

В сентябре в Крекшине Толстой написал завещание, по которому всё им написанное после 1 января 1881 года, и все написанное до этого срока, но еще не напечатанное, не составляло бы ничьей частной собственности и было бы передано для редактирования и издания В. Г. Черткову или, на случай его смерти, такому лицу или лицам, которых он сам изберет².

В Крекшине Толстой, как всегда, не прерывал своей литературной работы. Здесь им написаны рассказы «Разговор с прохожим» и «Проезжий и крестьянин», статья об анархизме, озаглавленная сначала «Чингиз-хан с телеграфом», потом «Пора понять».

В Москву Толстой возвратился 18 сентября. На Брянском (Киевском) вокзале опять собралась большая толпа. «Было много полиции, которая, очевидно, собралась на случай демонстрации; городские почтительно отдавали Льву Николаевичу честь»³. Толстой с вокзала отправился в свой хамовнический дом, а вечером решил посмотреть кинематограф, которого он еще не видел. С окружающими его лицами он отправился в кинематограф.

В кинематографе публика сразу узнала Толстого.

¹ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, I, стр. 324.

² См. «Дневник Л. Н. Толстого», I, изд. Сытина, М., 1916, стр. 345.

³ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, I, стр. 345.

«Появление его произвело сенсацию». Но как только кончилось первое отделение, Лев Николаевич встал и вышел, чтобы идти домой. «Он был поражен нелепостью представления и недоумевал, как это публика наполняет множество кинематографов и находит в этом удовольствие»¹.

«Москва, чувствуя внутри себя Толстого, всколыхнулась. В квартире непрерывно звонил телефон с расспросами о Лье Николаевиче, осаждали репортеры. На другой день утром газеты описали каждую подробность его пребывания в Москве»². На улице и во дворе хамовнического дома собралась толпа народа. Как только Лев Николаевич вышел из дома, чтобы ехать на поезд, собравшиеся приветствовали его. Толстой с сопровождавшими отправился на Курский вокзал; ехали через Кремль. «Встречные почти все кланялись Л. Н-чу, начиная со священника и некоторых военных до извозчиков и многих из простого народа.

У вокзала оказалась многотысячная толпа. Почти на руках толпа вынесла Л. Н-ча на вокзал. Все сняли шапки, кричали, махали платками. Давка была невероятная. Молодежь устроила цепь, благодаря которой удалось довести кое-как Л. Н-ча до вагона. Он был очень взволнован. На платформе и на всех путях было черно от народа. Многие взобрались на столбы, чтобы видеть Л. Н-ча»³.

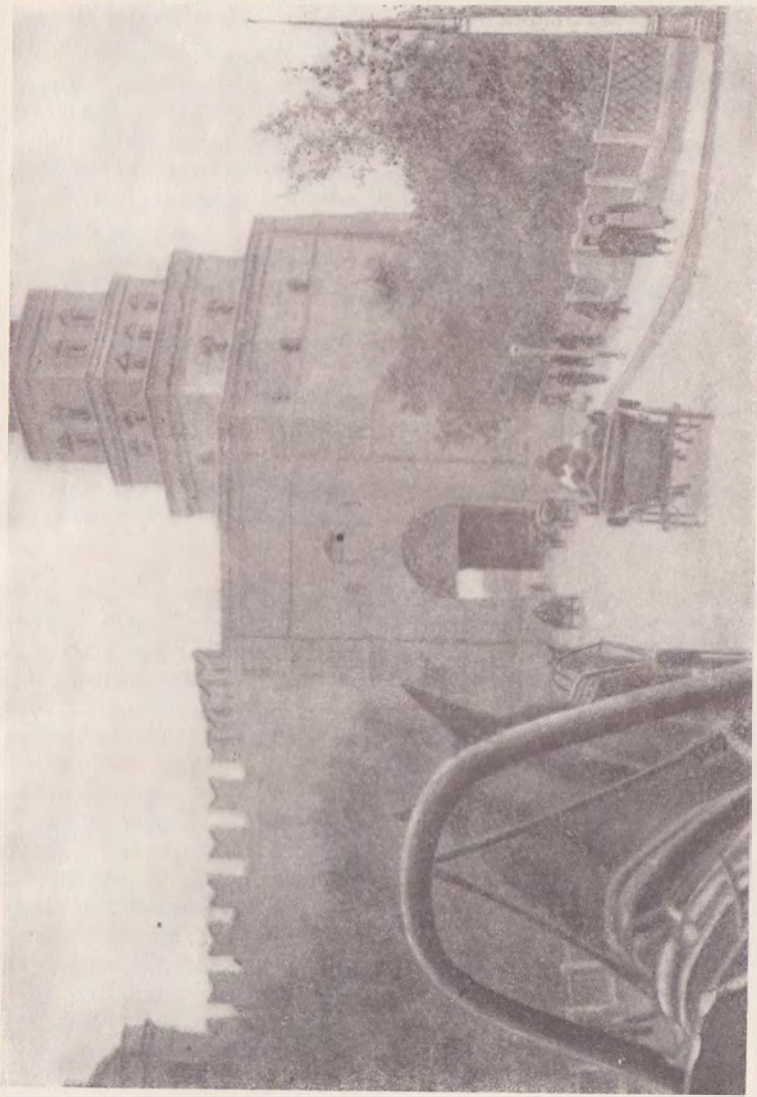
«Таких проводов, какие 19 сентября 1909 года были устроены Льву Николаевичу Толстому в Москве, вряд ли когда-нибудь удавалось кто-либо из писателей», — писал один из участников этих проводов, С. П. Спиро.

«Творилось что-то невероятное, и казалось невысказанным пробраться внутрь вокзала. Громкое, радостное «ура» не смолкало ни на одну минуту... Теснее и теснее становится у открытого окна вагона, в который вошел Л. Н. Минута, и Лев Николаевич выходит из своего купе и подходит к окну. Приветствия и крики принимают грандиозные размеры. Энтузиазм и подъем растут. Через несколько секунд слышны крики:

¹ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, I, стр. 347.

² С. Т. Семенов. Воспоминания о Лье Николаевиче Толстом, СПб., 1912, стр. 125.

³ А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого, I, стр. 348.

Отъезд Толстого из своего дома в Хамовниках на Курский вокзал 19 сентября 1909 года.

— Тише, тише, господа!.. Лев Николаевич будет говорить!..

С трудом удается сдержать крики и восклицания. Наступает, наконец, тишина. Обращаясь ко всем, Лев Николаевич говорит:

— Никак не ожидал такой радости, такого проявления сочувствия со стороны людей... Спасибо!..

Слезы мешают ему говорить. Со всех сторон раздаются:

— Вам, вам спасибо!..

Третий звонок, поезд трогается. За вагоном бежит толпа.

— Спасибо, друзья, спасибо!.. — говорит из окна Лев Николаевич.

В ответ раздаются крики:

— Живите еще сто лет! Работайте на нашу пользу... До свидания!..

Так рассталась Москва в последний раз с Толстым¹. Через год его уже не стало.

Говоря о значении творчества Толстого, В. И. Ленин писал: «Л. Н. Толстой выступил, как великий художник, еще при крепостном праве. В ряде гениальных произведений, которые он дал в течение своей более чем полувековой литературной деятельности, он рисовал преимущественно старую, дореволюционную Россию, оставшуюся и после 1861 года в полукрепостничестве, Россию деревенскую, Россию помещика и крестьянина. Рисуя эту полосу в исторической жизни России, Л. Толстой сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы, что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе. Эпоха подготовки революции в одной из стран, придавленных крепостниками, выступила, благодаря гениальному освещению Толстого, как шаг вперед в художественном развитии всего человечества..»

Принадлежа, главным образом, к эпохе 1861—1904 го-

¹ С. П. Спиро. Беседы с Л. Н. Толстым (1909 и 1910 гг.), М., 1911, стр. 61, 64—65.

дов, Толстой поразительно рельефно воплотил в своих произведениях — и как художник, и как мыслитель и поведенщик — черты исторического своеобразия всей первой русской революции, ее силу и ее слабость...

Но горячий протестант, страстный обличитель, великий критик обнаружил вместе с тем в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному, наивному крестьянину, а не европейски-образованному писателю. Борьба с крепостническим и полицейским государством, с монархией превращалась у него в отрицание политики, приводила к учению о «непротивлении злу», привела к полному отстранению от революционной борьбы масс 1905—1907 г.г.... Обличение капитализма и бедствий, причиняемых им массам, совмещалось с совершенно апатичным отношением к той всемирной освободительной борьбе, которую ведет международный социалистический пролетариат.

Противоречия во взглядах Толстого — не противоречия его только личной мысли, а отражение тех в высшей степени сложных, противоречивых условий, социальных влияний, исторических традиций, которые определяли психологию различных классов и различных слоев русского общества в пореформенную, но дореволюционную эпоху»¹.

Приведенные документальные материалы в данной работе, в значительной своей части еще не опубликованные, служат убедительным подтверждением правильности той оценки и определения значения Толстого, которые сделал В. И. Ленин в своих статьях о Толстом.

Благодаря своей жизнедеятельной, неутомимой натуре и необыкновенной подвижности, Толстой общался с самыми разнообразными слоями московского населения — от великосветских салонов до трущоб, в которых обитала самая обездоленная беднота. В Москве он видался с бесконечным количеством людей, но он нигде не был только наблюдателем.

Он шел в самую гущу жизни, вникая в интересы каж-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. XVI, изд. 4, стр. 293—295.

дого, с кем соприкасался, и потому был везде и всегда желанным гостем и близким человеком. Эта отзывчивость и внимание к человеку были одной из основных черт его многогранной личности.

Толстой следил за всем, что происходило в столице, и внимательному, острому взору художника Москва доставляла огромный жизненный материал, в значительной степени «питая» его творчество и определяя его социально-направленный, реалистический характер.

Его наблюдения над жизнью Москвы и изучение ее во всех подробностях на протяжении многих лет дали ему огромный материал для той страстной, убедительной, искренней, стремившейся, как говорил Ленин, «дойти до корня» критики социальной неправды и «капиталистической эксплуатации», которая особенно волновала Толстого и которая звучала одним из основных мотивов в его творчестве.

СПИСОК
ПРОИЗВЕДЕНИЙ, НАД КОТОРЫМИ РАБОТАЛ
Л. Н. ТОЛСТОЙ В МОСКВЕ И ПОД МОСКВОЙ

1. Азбука 1871, декабрь,
1872, январь — апрель
2. Альберт 1857, декабрь
3. Анна Каренина 1858, февраль,
1875, январь,
1876, январь — декабрь
4. Бессмысленные мечтания 1895, май
5. Благо только для всех (незакончен-
ная статья) 1887, ноябрь—декабрь
6. Благодарная почта (в Мещерском) . 1910, июнь
7. Богу или маммоне 1896, март — апрель
8. Власть тьмы 1886, ноябрь — декабрь
9. Воззвание о помощи духоборам «По-
могите» 1896, декабрь
10. Воззвание 1898, январь
11. Воззвание о помощи духоборам . . . 1898, март
12. Война и мир 1863, декабрь,
1864, ноябрь — декабрь,
1866, январь — ноябрь,
1867, март, июнь, июль,
сентябрь, ноябрь,
декабрь
13. Воскресение 1895, май,
1896, февраль, март,
1897, январь,
1898, декабрь,
1899, январь — май, но-
ябрь — декабрь
14. В чем главная задача учителя (в
Крекшине) 1909, сентябрь
15. В чем моя вера 1883, январь — февраль,
октябрь — ноябрь
16. Где любовь, там и бог 1885, апрель — май,
17. Два брата и золото 1885, февраль
18. Девченки умнее стариков 1885, апрель
19. Декабристы 1878, февраль — май
20. Детство 1851, март
21. Доклад о звуковом методе в Обще-
стве грамотности 1874, январь

22. Доклад в Психологическом обществе 1887, март
23. Живой труп 1900, январь
24. Жил в селе человек праведный 1883, декабрь
25. Записка о дворянстве 1858, декабрь
26. Записки сумасшедшего 1897, январь
27. Зерно с куриное яйцо 1886, февраль — март
28. Изложение веры (Катехизис. Христианское учение) 1895, январь — ноябрь
29. И свет во тьме светит 1895, декабрь
30. Исповедь 1882, май
31. История вчерашнего дня 1851, март
32. Исторические романы XVIII века 1879, сентябрь
33. Казаки 1857, ноябрь,
1858, январь — апрель,
1863, январь
34. Как чертенок краюшку выкупал 1886, февраль — март
35. Carthago delenda est 1898, апрель
36. Кающийся грешник 1886, январь, февраль,
май
37. Крейцера соната 1889, апрель
38. Крестник 1886, февраль
39. К царю и его помощникам 1900, ноябрь
40. Метель 1856, январь
41. Много ли человеку земли нужно 1886, февраль — март
42. Московские прогулки (план очерков) 1881, декабрь
43. На каждый день (в Мещерском) 1910, июнь
44. Народный календарь с пословицами на 1887 год 1886, март — апрель
45. Нечаянно (в Мещерском) 1910, июнь
46. Об абиссинцах (О войне Италии с Абиссинией) 1896, март
47. О безумии (в Мещерском) 1910, июнь
48. О Будде 1886, февраль — март
49. О Гоголе 1888, январь — февраль
50. О жизни 1887, февраль — март
51. О музыке 1850, декабрь
52. О переписи в Москве 1882, январь
53. Он не мог ни уехать, ни остаться (Отрывок) 1856, январь
54. О пьянстве (к молодым людям) 1888, февраль
55. Ответ Синоду 1901, март
56. Патриотизм или мир (письмо Мансону о войне Англии и США) 1896, январь
57. Патриотизм и правительство 1900, январь — май
- Педагогические статьи
58. К публике 1862, январь
59. О задачах педагогики 1862, январь — март
60. О значении народного образования 1862, март
61. Об общественном движении на поприще народного образования 1862, август

62. Прогресс и определение образования . 1862, сентябрь
63. Первый винокур (комедия) . . . 1886, февраль — март
64. Перевод «Дневника Амиеля» . . . 1893, февраль — ноябрь, декабрь
65. Перевод греческого «Учения 12 апостолов...» 1885, январь
66. Переделка легенды Костомарова «40 лет» 1886, январь
67. Петр I 1873, февраль, 1879, март
68. Петр мытарь 1884, январь
69. Письмо к Пыпину о Тургеневе . . . 1884, январь
70. Плоды просвещения 1889, март
71. Повесть из цыганского быта 1850, декабрь
72. Пора понять (Чингиз-хан с телеграфом; в Крекшине) 1909, сентябрь
73. Предисловие к книге Попова «Жизнь и смерть Дрожжина» 1895, январь — март
74. Предисловие к «Карме» 1894, декабрь
75. Предисловие к сборнику «Цветник» . 1886, май
76. Предисловие к «Севастопольским рассказам Ершова» 1889, февраль
77. Предисловие к сочинениям Мопассана 1894, февраль — март
78. Предисловие к статье Карпендера «Современная наука» 1898, февраль
79. Праздник просвещения 1889, январь
80. Проезжий и крестьянин (в Крекшине) 1909, сентябрь
81. Путь жизни (в Мещерском) 1910, июнь
82. Рабство нашего времени 1899, декабрь, 1900, январь — май
83. Разговор с прохожим (Крекшино) . . 1909, сентябрь
84. Речь на заседании Общества любителей Российской словесности 1859, февраль
85. Речь о народных изданиях 1884, февраль
86. Роман из времен 1820 г.: «Оренбургский край» Перовский 1877, декабрь
87. Светлое Христово Воскресение . . . 1858, март
88. Свечка 1885, ноябрь
89. Семейное счастье 1859, январь — апрель
90. Сказка о том, как другая девочка Варенька скоро выросла большая . . . 1857, декабрь
91. Смерть Ивана Ильича 1884, апрель — май
92. Славянскому съезду в Софии (в Мещерском) 1910, июнь
93. Солдатская памятка 1901, март — апрель
94. Сон (стихотворение в прозе) 1857, декабрь
95. Составление списка 100 лучших книг 1889, март
96. Статьи об искусстве (письмо Александру) 1) 1881, декабрь
97. 2) 1889, март — апрель
98. 3) 1896, ноябрь

99. Страдания мученика Федора в Персии Памфилийской 1885, декабрь
100. Стыдно (о порке) 1895, декабрь
101. Суратская кофейня 1887, январь — апрель, ноябрь — декабрь
102. Так что же нам делать? 1883, начало, 1884, апрель — май, ноябрь — декабрь, 1885, январь — февраль 1886, февраль, апрель — июнь, ноябрь
103. Тексты к лубочным картинкам 1885, март, апрель 1886, январь
104. Три притчи 1893—1895, февраль
105. Три смерти 1858, январь
106. Три старца 1886, январь — февраль
107. Упустишь огонь — не потушишь 1885, апрель — май
108. Хаджи-Мурат 1897, январь — апрель, декабрь, 1898, январь — октябрь
109. Ходите в свете, пока есть свет 1887, январь, 1901, март — апрель
110. Хозяин и работник 1894, ноябрь — декабрь, 1895, январь — февраль
111. Христианство и патриотизм 1894, январь — март
112. Царство божие внутри вас 1891, декабрь, 1892, январь — ноябрь, декабрь, 1893, январь
113. Чего желает большинство рабочего народа 1901, апрель
114. Чем люди живы? 1881, ноябрь
115. Что такое искусство 1896, ноябрь, 1897, январь — апрель
-

СОДЕРЖАНИЕ

I. Детские годы Л. Н. Толстого в Москве	5
II. Молодость Л. Н. Толстого	11
III. После женитьбы до 1881 года	44
IV. 1880-е годы	74
V. 1890-е, 1900—1901 годы	119
VI. Приезд в Москву в 1909 году	157
Приложение: Список произведений, над которыми работал Л. Н. Толстой в Москве	164

15

Редактор М. Корнев.

Технический редактор А. Лильс.

Художник П. П. Зубченков.

Л144635. Подп. в печать 31/VIII 1948 г. Объем 10,5 печ. л. + 8 вклеек. Уч.-изд. л. 9,18.
Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Тираж 15.000 экз. Заказ № 193.

Типография изд-ва «Московский рабочий», Москва, Петровка, 17.